

**П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и
воспоминания**

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский
From: y.felshtinsky@verizon.net
Date: 9 Feb 2004

Полковник П .Р. Бермонт-Авалов

Документы и воспоминания

**Публикация подготовлена докторами
исторических наук**

**Ю. Г. Фельштинским (редактор-
составитель) ,**

Г.З. Иоффе (вступительная статья) ,

**Г.И. Чернявским (подготовка текста и
примечания)**

**Опубликовано в журнале "Вопросы
истории" ,**

Москва, 2003, NoNo 1, 2, 5, 6, 7

Содержание

Вступительная статья 3

Документы 22

Воспоминания 215

Примечания 255

Вступительная статья

Авалов: "Единственное спасение России в союзе с Германией"

Деникин: "К черту Авалова с его немцами"

Представленные в данном издании документы никогда раньше не публиковались¹. Сами по себе они освещают локальное событие, не получившее к тому же сколько-нибудь существенного развития. Но взятые в контексте всей истории белого движения, они проливают свет на его все еще малоизученные стороны. С точки зрения как географической, так и военно-политической, белое движение в основе своей имело антантофильский характер. Оно возникло и развивалось как борьба с большевистской властью, которую, по убеждению белых, "насадила" в России Германия. Вследствие этого война с большевиками во многом рассматривалась белыми как продолжение войны против Германии совместно с союзниками России -- странами Антанты. По существу, и "верхи" стран Антанты -- Англии, Франции и примкнувших к ним США -- также склонны были видеть в белом движении продолжение войны "национальной" России с общим врагом -- Германией и всем Четверным союзом. В этом прежде всего и заключалась для Антанты главная ценность белого движения. Именно в этом мотивы так называемой антантовской военной интервенции в Россию (если не считать восстания Чехословацкого корпуса весной 1918 г.; масштабы этой интервенции были малы, и вряд ли она существенно повлияла на ход военных действий) и военно-экономической помощи, оказанной белым на севере (генерал Е.К. Миллер), на востоке (адмирал А.В. Колчак) и юге (генерал А.И. Деникин), значение которой было действительно существенно.

Если красные, а впоследствии и советская историография изображали свою борьбу с белыми чуть ли не как войну со всем "международным империализмом", то белые (и особенно белоэмигрантская историография) считали, что союзники России -- страны Антанты, руководствуясь своекорыстными политическими соображениями, не оказали белому движению необходимой помощи и поддержки, что во многом и объясняет его неуспех.

Такого рода оценки более громко зазвучали к концу гражданской войны, но и в ходе ее они особенно не засекречивались в белогвардейском лагере². Эти оценки порождали у белых разочарование в союзниках, и антиантантовские настроения нарастали. Верховный правитель Колчак в узком кругу говорил, что союзники (особенно после поражения Германии осенью 1918 г.) не стремятся к быстрой и решительной победе белых над большевиками, потому что в их интересах ослабление России в ходе гражданской войны. Это был взгляд, вероятно, не лишенный оснований.

Но и сами белые давали немало поводов для "осторожного" отношения к ним союзников. Их отпугивали и отталкивали тенденции реакционности в белом движении, проявление в нем реваншизма, неспособность объединить свои силы, амбиции "полевых командиров" и т. д. Политические руководящие "сферы" стран Антанты не могли не учитывать давление левого общественного мнения, подозревавшего белых в желании восстановить царизм.

Вопрос о действительных целях политики Антанты -- вопрос особый. Ему посвящена значительная историческая литература. Здесь важно констатировать ту политическую и психологическую основу, на которой в белом движении возникало недовольство бывшими союзниками России (Антантой) и стремление найти новую опору для борьбы с большевиками во вчерашнем противнике -- Германии. Такие настроения особенно нарастали после подписания большевиками сепаратного Брестского мира в марте 1918 года.

Этот мир спас большевистскую власть. Вместе с тем Брестский мир, передав Германии и ее союзникам огромную территорию на западе бывшей Российской империи (Прибалтику, часть Белоруссии, Польшу, Украину, часть Закавказья), создавал для большевиков и потенциальную угрозу. В случае падения большевиков Германия могла оказаться перед лицом такой власти,

которая (если бы она была составлена из представителей антантофильских -- демократических и либеральных -- партий) восстановила бы антигерманский Восточный фронт. Учитывая такую возможность, германское военное и политическое руководство на подконтрольных ему бывших российских территориях стало оказывать поддержку тем антибольшевистским силам (преимущественно правым, монархическим организациям и группировкам), которые готовы были создать лояльную по отношению к Германии власть. "Русская политика" Германии после Бреста была двойственной. Поддержание мирных отношений с большевиками позволяло немцам избавиться от кошмара войны на два фронта, с этим сочеталась помощь антибольшевикам из правого (монархического) лагеря, консолидировавшим свои силы на оккупированной немцами территории и придерживавшимся германской ориентации.

Центром осуществления второго направления политики стал Киев -- настоящая "Мекка" русских монархистов в 1918 году.

В Бресте Германия подписала с украинской Центральной Радой отдельный мирный договор и ввела на Украину свои войска. Но уже в конце апреля 1918 г. немцы, расценив деятельность Рады как недостаточно прогерманскую, устранили ее. На Украине была установлена власть гетмана -- бывшего царского генерала П.П. Скоропадского, зависевшего от германских властей³.

"Украинская модель" всколыхнула в сердцах и умах многих русских монархистов радужные надежды: почему бы немцам со временем не реализовать ее в общероссийском масштабе? Многие, конечно, зависело от позиции гетмана и его окружения. Кто он: "широкий украинец", сепаратист, отрывающий Украину от России, или скрытый "великодержавник", вынашивающий планы восстановления Российской империи с опорой на Украину? Вокруг гетмана шла напряженная политическая борьба. В Киеве побывал даже признанный антантофил, лидер кадетской партии П.Н. Милюков, который вел здесь переговоры с некоторыми гетманскими министрами и германскими представителями о совместном походе немцев и белогвардейцев на Москву⁴.

Однако наибольшими силами располагала тогда Добровольческая армия М.В. Алексеева и А.И. Деникина, базировавшаяся на Дону и Северном Кавказе и, несмотря на определенное недовольство союзниками, твердо проводившая антантофильскую линию. Склонить Алексеева и Деникина к перемене внешнеполитической ориентации Милюкову не удалось. Несмотря на многочисленность в Добровольческой армии офицеров-монархистов, ее командование следовало лозунгу непредреждения государственного строя России до разгрома большевиков. Считалось, что этот лозунг позволит сплотить вокруг армии широкие антибольшевистские силы. По этой причине на совещании общественных деятелей в Яссах (декабрь 1918 г.) была отклонена кандидатура великого князя Николая Николаевича на роль главы белого движения.

Между тем германские правящие круги еще не пришли к выводу о необходимости отказаться и от расчета на большевиков: "завоевания" Брестского договора еще представляли для них пока большую ценность, чем не вполне ясные проекты "похода" на Москву. Однако и от поддержки консолидирующихся на "их" территории монархических сил они не считали нужным отказаться. Те русские правые организации и группы, которые появлялись в сфере их воздействия и влияния, получали помощь.

Значительную активность в Киеве и вообще на Украине развил союз "Наша Родина", возглавленный герцогом Г. Лейхтенбергским. Если добровольческие вожди отвергали содействие Германии и тех русских белых, которые искали у нее покровительства, то донской атаман П.Н. Краснов, получивший свое "атаманство" весной 1918 г. не без поддержки немцев, вел прогерманскую линию. Благодаря ему на территории Богучарского и Новохоперского уездов Воронежской губернии, захваченных у большевистской России донскими казаками, "Наша Родина" начала формировать так называемую Южную армию. Краснов рассматривал ее как возможное прикрытие своих северных рубежей, а немцы видели в ней противовес антантофильской Добровольческой армии и не отказывали Южной армии в снабжении оружием и деньгами. Помимо Южной армии, в этом регионе под германским покровительством формировались еще два соединения -- Астраханский и Саратовский корпуса. Существовали планы их слияния с Южной армией, а в качестве командующего намечался кавалерийский генерал граф Ф.А. Келлер.

Одновременно с созданием "германофильского" войска в Донском районе (а по некоторым данным -- раньше) такие же войска начали формироваться под

Витебском и Псковом, на северной оконечности германской оккупационной линии, на русской территории, примыкавшей к Прибалтике. Здесь русские монархисты, возглавляемые такими деятелями, как бывший премьер-министр А.Ф. Трепов, правый думский депутат Н.Е. Марков и др., добились германской поддержки формированию белогвардейской Северной армии. В командующие армией проектировались генералы В.И. Гурко, Н.Н. Юденич или Келлер.

Кандидатура Келлера котировалась высоко. Он был одним из двух известных генералов (другой -- Хан-Нахичеванский), в первые мартовские дни 1917 г. выразивший открекшемуся от престола Николаю II свою поддержку и готовность "постоять за престол". Поскольку формировавшиеся в зоне германской оккупации белогвардейские войска открыто провозглашали себя монархическими, Келлер как один из очень немногих оказавшихся верными престолу монархистов пользовался здесь большим авторитетом. Играли роль, конечно, и его боевые заслуги.

На германофильское направление в белом движении повлияло ухудшение военного положения и, наконец, капитуляция Германии в ноябре 1918 года. Германские войска начали эвакуацию из Украины. Зашатался и в декабре пал "трон" гетмана Скоропадского. На Украину двинулись красноармейские части из России. Резко активизировались "самостийные" войска С.В. Петлюры. Ушел (февраль 1919 г.) с донского атаманства Краснов, связанный со Скоропадским.

Вместе с германскими и австро-венгерскими войсками Украину покидали и многие русские офицеры, служившие либо в армии Скоропадского, либо через специальные вербовочные пункты вступившие или готовившиеся вступить в Южную или Северную армию. Часть из них уходила к Деникину, часть немцы прудусмотрительно перебрасывали в Германию. Вот среди этой части и находился ротмистр П.Р. Бермонт-Авалов. Он был участником русско-японской войны, в мировую войну воевал в казачьих (уссурийских) частях Юго-Западного фронта. Вскоре после Февраля Бермонт-Авалов оказался в Петрограде и, что очень любопытно, был участником какой-то заговорщической группы (или групп), связанных с Колчаком, который после ухода с поста командующего Черноморским флотом (июнь 1917 г.) прибыл в Петроград и находился здесь до начала августа. О деятельности этой группы известно, к сожалению, мало, но, по некоторым данным, можно предположить, что за ней стоял бывший военный министр Временного правительства А.И. Гучков (он ушел из правительства в начале мая). В одном из писем, написанных уже в эмиграции, Гучков слегка приподнял завесу над своей деятельностью до и сразу после ухода в отставку. Для него было ясно, писал он, что переворот, скорее всего, военный, неизбежен, и потому он старался "стянуть" в столицу наиболее способных и энергичных генералов. Особенно рассчитывал он на Колчака, однако не решился "оголять" Черноморский флот, где Колчак "держал" матросскую массу в руках⁵. Когда Колчак приехал в Петроград, Гучкова уже не было на посту военного министра, но своей деятельности по сбору сил для будущего переворота он не прекращал. Возможно, это он связал Колчака с "Республиканским центром" -- организацией, готовившей не только ликвидацию Советов, но и "перестройку" правительства.

В августе Колчак убыл в США, откуда выехал в день большевистского переворота; в Японии он узнал о подписании Брестского перемирия и решил в Россию не возвращаться. А Бермонт-Авалов? Как сообщал он Колчаку в письме, написанном, когда адмирал уже был "верховным правителем" в Сибири, первое время он "работал" в столице, затем "перенес свою деятельность в Киев" и помогал "группировать офицеров бывшей российской армии под флагом Южной армии".

Герцог Лейхтенбергский в своих воспоминаниях характеризует Авалова как "человека мелкого", к тому же германского агента. Авалов в своих мемуарах, естественно, не прошел мимо этого последнего утверждения. "Будь это в обстановке незыблемых традиций, на территории России, я не замедлил бы предложить герцогу дать мне объяснение у барьера", -- писал он⁶.

Когда пал гетман Скоропадский и Киев занял "самостийный" Петлюра, Авалов за свою "работу по воссозданию единой и неделимой России" угодил в тюрьму. Впереди была еще худшая перспектива -- к Киеву уже подходили большевики, и тогда распоряжением немецкого командования как разоруженные, так и арестованные офицеры, в том числе и Авалов, были вывезены с эшелонами германских войск, возвращавшихся на родину.

В письме Колчаку Бермонт-Авалов утверждал, что еще в Киеве его деятельность снискала ему большой авторитет в среде офицерства. Но это

сомнительно. Имеются свидетельства⁷, что в эшелоне, где находились русские офицеры, Бермонта фактически никто не знал. Тем не менее он "сделался" комендантом эшелона, ходил в форме полковника, заявлял, что является представителем генерала Деникина. По прибытии в лагерь для военнопленных Зальцведель Бермонт объявил себя его комендантом, "бегал и наводил порядки". Однако когда у офицеров стали проверять документы, "Бермонт в 24 минуты скрылся из лагеря".

Он, по всем данным, был близок к тому типу авантюристов, которых выбрасывали на поверхность волны анархии революционной эпохи и чьи головы туманили мечты о наполеоновских лаврах. Этих людей было немало в обоих противоборствующих лагерях. Были такие авантюристы и у зеленых, здесь они чаще всего становились разбитыми атаманскими батьками.

Об аваловском "наполеоновском синдроме" и непомерном тщеславии, пожалуй, лучше всего говорят его мемуары "В борьбе с большевизмом". Этот прекрасно изданный в Гамбурге в 1925 г. пухлый том, нашпигованный множеством иллюстраций, должен был создавать представление об авторе как о чуть ли ни одном из главных борцов с большевиками. Больше написали только Деникин и, может быть, Врангель. Но они несопоставимы с Аваловым по той роли, которую действительно играли в борьбе с большевиками, да и писали они (особенно Деникин) не о себе и своей борьбе, а о революции и гражданской войне в России вообще и на юге ее, в частности.

Довольно подробно Авалов рассказал о своей деятельности в Зальцведеле. Еще в Киеве он познакомился с несколькими германскими офицерами, от которых узнал, что "на севере, близ Петербурга, германцы тоже приступили к совместной работе с русскими монархистами и намерены в ближайшее время свергнуть общими усилиями большевистскую власть"⁸.

Планы эти, видимо, увлекли Бермонта. Там же, в Киеве, он, по его выражению, "столкнулся" с группой общественных и политических деятелей, которая называла себя "Советом обороны Северо-Западной области". Это были отнюдь не первые "номера" российского антибольшевизма: те отвергали германофильство. Из них лишь Гучков активно проводил идею привлечения Германии на помощь для борьбы с большевизмом. К сожалению, о его деятельности после ухода в отставку с поста военного министра в мае 1917 г. известно очень немного. Между тем ее масштаб был немалый, и это относится также к его попыткам мобилизовать антибольшевистские силы на Северо-Западе.

В отличие от Миллюкова Гучков даже на время не менял своей ориентации, оставаясь твердым антантофилом, но как реальный политик считал, что в борьбе с большевиками нужно объединить все возможные силы. Одна из особенностей Гучкова заключалась в стремлении (и умении) действовать "за сценой". Он не очень верил в успех "массовых действий", на которой так или иначе надеялись многие либералы (особенно левого крыла), и полагал, что "настоящая" политика делается за кулисами. Не случайно еще в канун революции Гучков был одним из тех, кто готовил дворцовый переворот с целью устранения Николая II. Таким путем он рассчитывал предотвратить социальный взрыв. Оказавшись на посту военного министра, он тоже исподволь готовил переворот, который, как он думал, позволит остановить революционную анархию и сползание страны к большевизму. Правда, ни первое, ни второе Гучкову не удалось, но взглядов его это не изменило.

Как и некоторые другие деятели, пришедшие к власти после Февральской революции, Гучков рассчитывал примкнуть к Добровольческой армии, действовавшей на Юге России. Однако прибыв в ее расположение весной 1918 г., он встретил не только холодное, но и откровенно враждебное отношение к себе. Были случаи, когда офицеры нападали на Гучкова, и дело заканчивалось рукоприкладством и оскорблениями. Причина была ясна: Гучкова считали лично ответственным за отречение Николая II. Действительно, 2 марта он и Шульгин прибыли в Псков, где находился царь, и фактически убедили его в необходимости отречения от престола. Этого монархически настроенные офицеры Гучкову не могли забыть.

Работать в Добровольческой армии Гучков, по-видимому, не смог. Но он нашел иной путь борьбы -- стал одним из инициаторов организации антибольшевистских сил на Северо-Западе России с целью нанесения удара по большевистскому Петрограду. Две наиболее мощные белые армии -- деникинская на юге и колчаковская на востоке -- были нацелены на Москву. Гучков считал, что необходимо нанести "быстрый и смертельный удар в направлении Москвы и

Петербурга". Для этого, однако, необходимы были значительные людские резервы, причем такие, которые не ослабили бы приток военной "массы" в Добровольческую армию. Гучков видел эти резервы в лагерях для русских военнопленных, находившихся в Германии. Было очевидно, однако, что вербовка русских пленных в белые войска будет зависеть не только от германских властей, но и от властей стран-победительниц, прежде всего Англии и Франции. В январе 1919 г. Деникин направил Гучкова в Западную Европу. Его миссия имела общую цель -- активизировать помощь Антанты белому движению и цель более конкретную -- решить вопрос о развертывании вербовки солдат и офицеров в германских лагерях для военнопленных. Так пути Гучкова должны были пересечься с путем Бермонта-Авалова.

Деятельность Гучкова и других русских политиков (преимущественно правого лагеря), стремившихся организовать белое движение не только при поддержке стран Антанты, но и с покровительством Германии, еще мало освещена. Однако некоторые результаты этой деятельности известны.

Гучков поступал как прагматик. Он считал, что формирование белых войск на северо-западном направлении должно происходить вне зависимости от внешнеполитической ориентации, лишь бы оно было успешным. Базой для этих формирований могла стать Прибалтика: отсюда лежал путь для нанесения "стремительного удара" по Петербургу, и эта территория, в отличие от Украины, не находилась под советским контролем. Однако политическая ситуация в Прибалтийском регионе к концу 1918 -- началу 1919 г. была невероятно сложной. Переплелись по крайней мере шесть взаимодействующих факторов.

Первый фактор -- германская оккупация Прибалтики, начавшаяся в феврале 1918 г. и продолжавшаяся и после подписания Брестского мира (демаркационная линия с Советской республикой была установлена лишь в конце лета 1918 г.). Германские войска оставались в Прибалтике и после капитуляции Германии в ноябре 1918 г. Попытка Москвы оказать давление на новую власть в Германии, с тем чтобы она убрала свои войска из Прибалтики, не удалась, ибо послекайзеровская Германия предпочла "слушаться" Антанту. По Версальскому мирному договору они должны были находиться там до тех пор, пока страны-победительницы будут считать это целесообразным. Цель этого "оставления" была ясна: германские войска должны были препятствовать продвижению большевизма.

Второй фактор -- функционирование национальных правительств Литвы, Латвии и Эстонии, созданных под покровительством германских оккупантов, но после поражения Германии вынужденных, с одной стороны, ориентироваться на Антанту, а с другой -- учитывать присутствие на своей территории немецких войск.

Третий фактор -- военное (флот), политическое и дипломатическое влияние Антанты, стремившейся контролировать всю ситуацию в Прибалтике: действия оставшихся там германских войск, политику национальных правительств Литвы, Латвии и Эстонии, созданных ими вооруженных сил, деятельность русских белогвардейцев.

Четвертый фактор -- присутствие в Прибалтике некоторых уже сформированных русских белогвардейских частей и политических групп, смотревших на Прибалтику как на неотъемлемую часть Российской империи и лишь вынужденных в силу конъюнктурных обстоятельств не демонстрировать свои истинные намерения (положение еще больше осложнялось претензией Польши на некоторые территории Литвы).

Пятый фактор -- давление Советской России и вторжение Красной армии в Прибалтику с целью установления там большевистского режима.

Наконец, шестой фактор -- позиция лидеров основных сил белого движения, генералов Деникина и особенно Колчака, который летом 1919 г. был признан всеми другими "белыми" вооруженными силами в качестве Верховного правителя и главнокомандующего. Твердо придерживаясь антантофильской линии, эти лидеры не были склонны открыто поддерживать те формирования и группировки, которые ориентировались на Германию.

Между тем для германофильских белых (Бермонт-Авалов и др.) важно было добиться признания их Верховным правителем Колчаком. Поэтому многие белые генералы и высшие офицеры в Прибалтике (Юденич, Родзянко, Ливен и др.) оказывались в противоречивом положении. С одной стороны, манила возможная помощь со стороны Германии, от которой трудно было отказаться, с другой -- необходимо было "вписаться" в общую политическую линию белого движения, по

преимуществу антантофильского. При том, каким запутанным узлом различных интересов являлась Прибалтика, от германофильских антибольшевистских сил требовалось особенное искусство лавирования.

Публикуемые материалы интересны, между прочим, и тем, что раскрывают, показывают кулисы белого движения, что позволяет понять его реальное состояние, без идеологической окраски как со стороны пропаганды красных, так и самих белых.

Белые лидеры, идеологи и историки в эмиграции много размышляли о причинах неудачи белого дела. Высказывались различные точки зрения, несущие на себе, как правило, отпечаток либо самооправдания, либо обвинения "инокомыслящих". И все-таки общую причину крушения белого дела "белоэмигрантская" мысль обнаруживала, если так можно сказать, в политической сфере. В предисловии к книге Деникина "Путь русского офицера" проф. Н.С. Тимашев писал: "Цель белого движения была в сущности та же, что и у Столыпина в 1905--1911 гг... Но осуществление ее было неимоверно более трудным, чем тогда. Тогда еще общественная ткань не была разорвана, и надо было предупредить ее разрыв. Во время гражданской войны нужно было восстановить разорванную ткань, но, конечно, не по-старому, а по какому-то новому образцу. Но какому? На этот вопрос ответа у белого движения не было, потому что оно было идеологически раздробленным и к разрешению задачи не подготовленным... Революционные взрывы приводят к стихийным распадам, а новые формы кристаллизации даются нелегко"⁹.

Но ведь сумели красные из "разорванной ткани" создать абсолютно новые "формы кристаллизации", а это было, пожалуй, не менее трудным делом. Почему же им, красным, это удалось, а белым -- нет? Сама постановка такого вопроса, как это ни парадоксально, приводит к мысли, что "белоэмигрантская" (да и западная) историография в сущности разделяла "советскую концепцию" гражданской войны, согласно которой большевики одержали верх потому, что их политика так или иначе выражала интересы "широких народных масс".

Но неужели интересы "масс" состояли в развале промышленных предприятий, сельскохозяйственной продразверстке, насильственных мобилизациях, чекистском терроре и т. п.? Нелепость поставленного вопроса очевидна. Можно возразить, что от многого из перечисленного, характерного для красного лагеря, не был свободен и белый. Это так, и признаний самих белых немало. Но именно это и свидетельствует: коренную причину победы одних (красных) и поражения других (белых) надо, по-видимому, искать не столько, так сказать, в объективных, сколько в субъективных факторах.

В 1929 г. генерал Д. Филатов, воевавший в Сибири, а в эмиграции писавший мемуары, обратился к Гучкову с просьбой высказать свое мнение о Верховном правителе. Ответ Гучкова представляет большой интерес. По его словам, когда Колчак стал Верховным правителем, ему (Гучкову) порой казалось: "да тот ли это Колчак, которого я знал, не подменен ли он?" Видимо, его "организм, и физиологический, и духовный, вконец износился, сторбился. Разбитым, надломленным, потерявшим самообладание, забрался он на ту высоту, на которой как раз и требовались те высокие качества, какими он обладал в предшествующий период (Гучков имеет в виду дореволюционный период и 17-й год. -- Г.И.). Сохранилось, правда, многое -- его пламенный патриотизм, кристаллическая чистота его побуждений, его рыцарство, его героизм. Но эти качества... далеко недостаточны, чтобы творить историю, особенно в наше смутное время". В результате в окружении Колчака оказывались в основном мелкие люди, а подчас и просто проходимцы, умевшие использовать в корыстных интересах некоторые благородные качества "надломленного" Верховного правителя. Гучков считал, что именно это и является "одной из центральных причин крушения белого дела в Сибири, а следовательно, и в России"¹⁰.

Другие вожди белого движения? Деникин, по широко распространенному мнению, был весьма способным во всех отношениях человеком, но в его характере было много "уступчивости, покладистости", то есть, говоря прямее, не хватало воли и решительности. Тут его превосходил Врангель, но ему были свойственны излишнее честолюбие, властолюбие, даже тщеславие, что также "сужало" его личность -- по масштабам, как писал Гучков, "нашего смутного времени".

О других белых вождах -- Юдениче, Е.К. Миллере и др. -- с точки зрения этих масштабов не приходится и говорить. На минуту представим себе такую невероятную трансформацию: Ленин (и Троцкий) -- этот, по словам М. Алданова,

"заряд бешеной энергии" -- оказываются во главе белого лагеря, а Колчак, Деникин и др. "переходят" в красный. Каков был бы ее итог?

Но если даже лидерам главной, антантофильской ориентации не хватало "масштабности", то мелкотравчатость германофильских белых, как это хорошо показывают "аваловские документы", просто бьет в глаза. Интриги и грызня политических и общественных "деятели", выражавшаяся в создании различных "правительств", "советов", "комитетов" и т. д., вели к расколу и неспособности создать даже видимость единства и централизации. Не отставали и военные вожди. Почти каждый из них лелеял свои амбиции, не желал подчиняться другому, вследствие чего создать сколько-нибудь значимый Северо-Западный или Западный фронт, нацеленный на Петроград, оказалось невозможным. Реально ли было русским германофилам в такой ситуации рассчитывать на серьезную поддержку германских правящих кругов? Что касается правительств независимых прибалтийских государств, то они, естественно, с полным основанием, питали неприязнь к российским политикам и военным, даже не слишком скрывавшим своих реваншистских -- монархических и имперских -- побуждений, желания использовать помощь прибалтов для достижения собственных целей.

Тут не могли помочь никакие объединяющие заседания и совещания (подобные, например, совещанию в Риге 26 августа 1919 г.). Как правило, они заканчивались широковещательными декларациями, но ничего, в сущности, не изменяли.

Летом 1919 г. особенно обострились отношения между Аваловым, командовавшим Западной Добровольческой армией, и командующим Северо-Западной армией генералом Юденичем. Юденич был антантофилом и отвергал германскую помощь, считая, что немцы виновны перед Россией, так как "насадили в ней большевизм", да и неспособны обеспечить ту поддержку, которая необходима белому движению. Юденич требовал, чтобы аваловское русско-германское воинство перешло из района Митава под Нарву для совместного наступления на Петроград. Но Авалов не торопился, явно саботируя приказы Юденича. Он имел собственную цель: выйти под Двинск, где, как он считал, его войска (около 55 тыс., в том числе почти 40 тыс. германских солдат и офицеров) сыграют "решающую роль в борьбе с большевизмом". Самомнение Авалова было велико. Позднее он договорился до того, что если бы его армии не помешали союзники, он бы смог захватить Петроград и, возможно, Москву, чем и обеспечил бы победу всему белому движению¹¹. В антантовских союзников он не верил. Если бы они действительно хотели помочь белым, -- считал он, -- они бы это сделали. Как писал он позднее, одного только слова их было бы "достаточно, чтобы положить конец гражданской войне в России". Но этого слова они не хотели произносить в силу сугубо корыстных интересов, в жертву которым они и приносили интересы России.

Свою точку зрения Авалов разными путями доводил до сведения Колчака и Деникина, на что всегда следовал ответ, суть которого изложена в одной из резолюций Деникина: "К черту Авалова с его немцами". Авалову категорически предлагали подчиниться Юденичу. Но он уже прочно вошел в роль, которую играл. В октябре 1919 г. его войска нанесли удар по латышским и эстонским войскам, обстреляли Ригу и ее предместье. Авалов фактически начал войну с Латвией, поддержанной союзниками. Юденич объявил Авалова изменником России. Мотивы были очевидными: Авалов -- ставленник недавнего противника России, Германии, ныне, вопреки Версальскому договору, стремящийся закрепиться в Прибалтике. Своими действиями Авалов резко ухудшает взаимоотношения "белой" России с "окраинами", в данном случае прежде всего с Латвией, но также с Эстонией и Литвой, и в сильнейшей мере осложняет борьбу с большевизмом.

Как и следовало ожидать, Авалов потерпел поражение. В 20-х числах ноября 1919 г. его войска начали отход к германской границе. В декабре они были уже на территории Германии (г. Нейссе), где их под названием "Avaloff-Truppen" интернировали.

Авалов заявлял, что его "Truppen" отныне должны присоединиться к силам Деникина. Но было поздно. Войска Деникина стремительно откатывались на юг, к Черному морю. Не лучше обстояло дело и на восточном направлении: войска Колчака в середине ноября оставили Омск и под ударами 5-й красной армии откатывались все дальше на восток. Белое дело было проиграно.

Авалов поселился в Берлине, затем в Гарце, поносимый как левой, так и правой эмигрантской прессой. Даже возникший в 1921 г. так называемый Высший

монархический совет во главе с Марковым, дипломатично, но решительно отклонил сотрудничество с Аваловым и остатками его "армии". Да и послевоенной Германии не нужны были "вчерашние люди" бывшей Российской империи. Шла перестройка всей системы внешнеполитических отношений в Европе.

История "аваловщины" проливает свет на довольно запутанный внешнеполитический аспект гражданской войны в России и раскрывает содержание так называемой реальной политики -- "нет ни врагов, ни друзей; есть только интересы". Как Антанта, так и Германия с ее союзниками выстраивали свою позицию, отнюдь не руководствуясь своей приверженностью к белым или красным. Перед ними была страна, ввергнутая в смуту и распад, и их политика преследовала собственные интересы в данный текущий момент, и, может быть, главным их интересом было ослабление России как государства в общеевропейской системе. Красные понимали это лучше белых, ко многим из которых прозрение пришло позднее, уже в эмиграции.

Журнал "Современные записки" писал по этому поводу: "Что касается русского общественного мнения, то под влиянием событий последних лет оно утратило первоначальную свою страстность и в озлоблении против немцев -- виновников войны и творцов Брестского мира, и в крайней идеализации союзников. Германию покарала историческая Немезида, а наивной вере в бескорыстие и доброжелательство союзников нанесли ряд жестоких ударов прежде всего сами же союзники. Русскому национальному самосознанию, созревшему и обогащенному горьким опытом, равно чужды как одностороннее антантофильство, так и беспричинное германофильство"¹².

Сознание старых ошибок пришло тогда, когда уже не было возможности их исправлять.

*

Публикуемые документы хранятся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стенфордском университете (США) в фондах Гольдера и Николаевского. Документы штаба Бермонта-Авалова были взяты в виде трофеев правительством Латвии и до передачи в Архив Гуверовского института хранились в архиве Министерства иностранных дел Латвии в Риге. Документы публикуются впервые. Редактором-составителем данной публикации является доктор исторических наук Ю.Г.Фельштинский. Вступительная статья написана доктором исторических наук Г.З.Иоффе. Текст подготовлен к печати и примечания написаны доктором исторических наук Г.И.Чернявским.

Мы выражаем сердечную благодарность администрации Гуверовского института войны, революции и мира за любезное разрешение использовать и опубликовать документы его архива.

Примечания

1. Князь Павел Рафаилович (Михайлович) Бермонт-Авалов родился 17 марта 1884 г. в Тифлисе. В первую мировую войну служил казачьим офицером. После окончания гражданской войны эмигрировал в Германию, где позднее стал одним из руководителей небольшой группы русских фашистов. В годы второй мировой войны русские фашистские организации в Германии были запрещены гестапо, что позволило Бермонту-Авалову после войны перебраться в США, где он и умер 27 декабря 1973 года.

2. В воспоминаниях князя Г.Н. Трубецкого есть любопытный рассказ. Трубецкой, прочитав переписку

деникинского командования и французских представителей на Юге России, был неприятно удивлен ее резким

тоном. Он сказал Деникину, что не в интересах белого движения "давать волю чувствам". Деникин ответил:

"Да если бы я только дал волю своему чувству, так я давно приказал бы генералу Тимановскому выбросить их

(французов. -- Г.И.) в море... Впрочем, их скоро выбросят из Одессы большевики". Ответ поразил Трубецкого:

"Неужели вы можете этого желать?" -- спросил он Деникина. "Нет, мне жаль имущества, находящегося в

Одессе", -- ответил тот (Трубецкой Гр. Годы смут и надежд. Монреаль. 1981, с. 169).

3. См. Папакин Г.В. Павел Петрович Скоропадский. -- Вопросы истории, 1997, No 9.

4. "Германский грех" дорого обошелся Милюкову. Его авторитет после этого оказался значительно подорванным как в "верхах" Антанты, так и в среде антантофильски настроенного добровольчества.

5. См. Александр Иванович Гучков рассказывает... М. 1993, с. 68.

6. Бермонт-Авалов П. В борьбе с большевизмом. Гамбург, 1925, с. 421.

7. См. Белый архив. Т. 1. Париж. 1926, с. 103-105.

8. Бермонт-Авалов П. Ук. соч., с. 51.

9. Цит. по: Грани, 1953, No 20, с. 155.

10. См. там же, 1983, No 6 (130), с. 2--14.

11. Бермонт-Авалов П. Ук. соч., с. 216.

12. Современные записки, 1921, т. 3, с. 266.

Документы

1. Бермонт-Авалов -- Президенту Литвы

8 августа 1919 года

Копия

Командир Западного добровольческого имени гр. Келлера1 корпуса.

Г. Митава2

Господину президенту Литовской народной республики3

Одухотворенный желанием всеми средствами вести борьбу против большевизма, я, в согласии с уполномоченными представителями России, предпринял формирование корпуса.

По дошедшим до меня сведениям, литовское правительство также убеждено в необходимости окончательно побороть большевизм, ввиду чего я считаю возможным надеяться на поддержку литовским правительством моих стремлений.

Принимая во внимание, что политические цели Литвы и России одинаковы, я полагаю, что это осуществимо, тем более что Россия после своего освобождения от большевизма будет всеми способами поддерживать Литву, главным образом против необоснованных притязаний ее соседей, вместе с тем дав ей уверенность в признании автономии литовского государства.

К моему великому огорчению я узнал, что между литовскими войсками и расположенными в настоящее время в Куршанах русскими отрядами будто бы произошли трения и что благодаря этому было вызвано недовольство литовского правительства и населения. Я приму все меры, чтобы не допустить в будущем такие трения, ибо они, несомненно, противоречат намерениям всех русских -- жить в дружбе и преследовать взаимные цели.

Чтобы выяснить способы наилучшего приведения в исполнение плана совместных наступательных действий -- литовцев и русских -- в борьбе против большевизма, я прошу литовское правительство о назначении уполномоченных на общее совещание.

Я считаю это дело неотложным, так как ввиду предстоящей эвакуации немецких войск увеличивается опасность вторичного наступления большевиков.

По моему мнению, больше всего соответствовало бы общей задаче, если бы я с моим корпусом, присоединяясь к литовским войскам, взял бы на себя оборону одного из участков фронта в Литве, при условии ведения операции в теснейшем согласии литовской армии с моими войсками.

Мой корпус мог бы поддержать наступление литовских войск на Двинск4 и дальнейшим наступлением помог бы защитить Литву против большевиков -- нашего общего врага.

В том случае, если предлагаемое мною совещание, которое я считаю весьма важным для устранения всех сомнений и недоразумений, угодно литовскому правительству, я предлагаю, чтобы совещание состоялось бы в ближайшие дни, так как расстояние от гор. Ковно⁵ до Митава слишком велико, то мне кажется лучше всего, чтобы оно состоялось в Шавлях⁶ или Радзивилишках и в таком случае, я прошу сообщить мне, чтобы я мог принять в нем участие.

В том случае, если литовское правительство признает целесообразным ответить мне теперь же, прошу вручить ответ офицеру, уполномоченному мною для передачи сего предложения литовскому правительству.

Командир корпуса подп. Полковник Бермонт⁷

Командиру корпуса

Согласно словесному распоряжению, переданному через прапорщика Бернгарди, возвращаю письмо на имя президента Литовской народной республики.

В Шавли прибыл благополучно и, после явки в германскую комендатуру, в здешней литовской комендатуре уловили настроение далеко не в нашу пользу, созданное здесь полковником Вырголичем⁸, который расквартировывался здесь при помощи квартирьеров, вооруженных пулеметами. (Показание здешнего литовского коменданта). Все же пропуска на Ковну получили. После того были приглашены в штаб здешней германской бригады, где нам сообщили телеграмму о нашем задержании в Шавлях до распоряжения. Утром нас разыскал Бернгарди и привез новые пакеты.

В 12 часов с минутами 10 сего августа продолжаем путь на Ковно.

Гв[ардии] полковник Андрей Потоцкий

10 августа 1919 года

Г. Шавли

Заверенная копия.

2. Постановление Военно-политического совета Западной России

10 августа 1919 года

Основываясь на учредительном акте Военно-политического совета Западной России от 22 июля 1919 года⁹ и во исполнение статей 1-й п. а) и б) и 2-й того же акта, Военно-политический совет Западной России в своем чрезвычайном общем собрании от 10 августа сего 1919 г. в составе председателя Совета барона Людвиг Карловича Кнорринга¹⁰ и членов Совета: Германа Васильевича фон Берга¹¹, Георгия Михайловича Дерюгина¹², Петра Петровича Дурново¹³, барона Адольфа Пилара фон Пильхау¹⁴ и Андрея Константиновича Реммера¹⁵, при секретаре Совета Василии Максимовиче Поппе¹⁶, имел суждение по вопросу об объединении, до принятия главного командования фронтом лицом по избранию Военно-политического совета, действий военных отрядов, находящихся на фронте, а также об установлении такого порядка в отношении всевозможных гражданских отделов при военных организациях, который привел бы деятельность по гражданской части в строгое соответствие с политическим направлением и решениями Военно-политического совета Западной России.

Во исполнение изложенного Военно-политическим советом Западной России постановлено: поручить члену Совета Андрею Константиновичу Реммеру:

1. Отправиться в Митаву в качестве представителя и уполномоченного от имени Совета лица, где А.К. Реммер имеет войти в переговоры с отрядами, учреждениями, организациями и отдельными лицами о признании ими Военно-политического совета Западной России единственным правомочным на принятие подобного рода решений государственным учреждением, коему вместе с тем принадлежит перед иностранными державами и признанными ими военно- и общественно-политическими центрами России единственное и исключительное правопредставительство интересов России по вопросам Западного фронта.

2. Принять от военных и общественно-политических организаций все гражданские и иные учреждения и отделы, какие к настоящему времени или открыты, или при них учреждены. Так как все гражданское свое управление в отвоеванных от большевиков областях Военно-политический совет Западной

России принимает на себя, для сего при Совете учреждены:

а) политический и дипломатический отделы, б) финансовый и промышленный отделы и в) военный отдел

и имеют быть открыты:

г) продовольственный отдел и д) агитационный отдел.

3. В случае, если начальник корпуса имени генерала от кавалерии графа Келлера полковник Бермонт изъявит выраженное в письменной форме согласие признать Военно-политический совет Западной России единственно полномочным в вышеуказанном смысле государственным учреждением и в письменной же форме изъявит согласие подчиниться беспрекословно лицу, избранному Советом на пост главнокомандующего, --

в этом случае член Военно-политического совета Западной России Андрей Константинович Реммер уполномочен от имени Совета объявить в письменной форме командиру Западного добровольческого корпуса имени генерала от кавалерии графа Келлера Павлу Рафаиловичу Бермонту, что он, полковник Бермонт, временно, до избрания Советом главнокомандующего или до прибытия на фронт особого от имени Совета или главнокомандующего лица, назначается командующим всеми войсками, действующими на Прибалтийском секторе против большевиков, с передачей ему, полковнику Павлу Рафаиловичу Бермонту, на этот срок всей полноты власти в военном и оперативном отношениях.

Гражданское управление до прибытия Совета на фронт принять в полное ведение члену Совета Андрею Константиновичу Реммеру.

Председатель Совета: бывший министр-резидент, действительный статский советник барон Людвиг Карлович Кноринг.

Члены Совета: начальник военного отдела Генерального штаба полковник Дурново, помощник статс-секретаря Государственного совета, член IV Государственной думы Г. Дерюгин, лифляндский предводитель дворянства, член Государственного совета по выбору всероссийского дворянства барон А. фон Пилар, заведующий финансами и торгово-промышленным отделом, чиновник особых поручений при министерстве финансов Германии Герман Васильевич фон Берг, бывший председатель районной продовольственной управы и член Особого продовольственного комитета гор[ода] Петрограда, коллежск[ий] секретарь Андрей Реммер, Военно-политического совета Западной России секретарь Василий Максимович Поппе

Копия

3. За командующего Союзной военной миссией¹⁷ генерал А. Кинан -- Бермонту-Авалову

10 августа 1919 года

Полковнику Бермонту, Митава

Мне сообщили, что солдаты германского подданства продолжают вступать в Ваше формирование. Я должен со всей ясностью заявить Вам, что нахождение германских солдат в этих районах является нарушением Парижского мирного договора¹⁸.

В дополнение к этому я должен сообщить Вам о том, что русские военнопленные из Германии и Польши не будут более ввозиться Вами в Латвию и Литву.

За бригадного генерала, командующего Союзной военной миссией генерал-майор А. Кинан

4. Приказание главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Десино Бермонту-Авалову и Вырголичу

3 сентября 1919 года

Состоящий для поручений при главнокомандующем Северо-Западным фронтом Г. Рига, No 57.

Командиру корпуса графа Келлера полковнику Бермонту.

Главнокомандующий Северо-Западным фронтом¹⁹ приказал передать Вам и полковнику Вырголичу следующее его телеграфное приказание:

"Немедленно отправить по железной дороге в Нарву, при содействии английских властей, всех офицеров и нижних чинов ген. Хабарова, задержанных Вами у себя. Всего в Митаве и Шавлях задержано около 900 человек. Прекратить пропаганду о непосылке пополнений в Северо-Западную армию. Такие Ваши действия приносят громадный вред борьбе с большевиками".

Изложенное сообщаю для исполнения и непосредственных сношений и по

вопросу об отправке с английской миссией, через которую телеграмма была передана мне.

Подп[исал] генерал-лейтенант Десино²⁰

Копия

5. Рапорт Бермонту-Авалову обер-офицера для связи при английской миссии в Риге.

4 сентября 1919 года

Г. Рига, No 1

Командиру корпуса

Рапорт

Из переговоров с ген[ералом] Бертом выяснилось, что:

1) Из Лондона послана телеграмма в Польшу и Литву с предложением пропускать беспрепятственно эшелоны с русскими добровольцами. О закрытии польской границы (со слов пор[учика] Станкевича) с ведома англичан, якобы для того, чтобы не пускать эшелоны в корпус, а отправлять их морским путем к ген[ералу] Юденичу, англичанам ничего не известно.

2) Ввиду жалобы ген[ерала] Юденича англичанам на задержание предназначенного для него эшелона в Митаве необходимо срочно телеграфировать ген[ералу] Юденичу (копию прислать в англ[ийскую] миссию в Ригу) о причинах задержания: карантин, выписки из лазаретных отчетов о количестве заразно-больных, прибывших с означенным эшелоном.

3) На мое предложение выдать полк[овнику] Суворову в Варшаве официальные документы от англичан на предмет вербовки добровольцев для корпуса англичане ответили отказом, предложив Вам снестись с ген[ералом] Юденичем насчет назначения единого вербовочного бюро в Варшаве, которое распределяло бы соразмерно надобности эшелоны между частями: корпусом, ген[ералом] Юденичем и полк[овником] Вырголичем. Насчет казаков из Брест-Литовска предложено обратиться к кн[язю] Ширинскому-Шихматову²¹ в Варшаве, так как он имеет там вес у англичан.

4) Закрытие германской границы обуславливается мерами, принятыми для очищения Прибалтийского края от германских войск Германией и не зависит от англичан. Предложено по этому поводу обратиться к германскому правительству.

5) При выступлении на фронте ген[ерал] Берт требует отсылки Железной дивизии в Германию до 15 с[его] м[есяца]. Неисполнение этого или, вернее, отправка Железной дивизии вместе с нами на фронт будет считаться нарушением Версальского договора. На мое объяснение о неготовности ввиду недостатка лошадей и перевозочных средств, ген[ерал] сообщил об имеющихся у него сведениях, что, несмотря на закрытие границы, транспорты со снаряжением все-таки проскакивают. На возражение с моей стороны, что последние до нас не доходят, а перехватываются полк[овником] Вырголичем, ген[ерал] сослался на свое бессилие в этом деле и предложил уладить это между собой.

6) Ввиду отъезда литовского представителя в Ревель не имел возможности переговорить с ним о предоставлении нам эшелонов на литовскую границу при выступлении корпуса на фронт.

7) Англичане просят командировать офицера в Ковно для связи с литовским командованием.

8) Гучков не вернулся еще из Ревеля. О ген[ерале] Бергарде сведения будут пересланы мною дополнительно. Проект гражданского управления составляется и будет прислан на днях.

Подп[олковник] Корнет князь Кропоткин

6. Стоящий для поручений при главнокомандующем Северо-Западным фронтом генерал Десино Бермонту-Авалову

8 сентября 1919 г.

Г. Рига, No 63

Командующему всеми русскими военными частями, сформированными в Курляндии²² и Литве

На основании полномочий, данных мне генералом Юденичем, уведомляю Вас о нижеследующем:

1) Ввиду поступающих жалоб на поборы и притеснения жителей окрестностей Шавель, делаемые чинами отряда полковника Вырголича, необходимым является принять меры для прекращения этого и установления самых добрых отношений с

Литвою.

2) В настоящее время литовское правительство, по-видимому, находит затруднение в пропуске Ваших войск на фронт через Литву, в этом сыграло большую роль поведение чинов отряда полковника Вырголича. Надо сделать все для расположения литовцев к себе, дабы они убедились, что никаких захватнических целей Ваши войска не преследуют, и чтобы они видели, что их принципы государственности уважаются и национальное самолюбие не оскорбляется.

3) Обстановка складывается так, что в конце этой недели мне придется съездить к генералу Юденичу для личного доклада. Поэтому пришлите мне к полудню четверга все, что Вы хотели бы доложить Его Высокопревосходительству, а главное, о времени операции и о том, что препятствует. Часть последних Вы уже мне прислали.

4) Присылайте копии с Ваших сношений с английской миссией, мне они нужны для доклада генералу Юденичу.

5) Посылаю Вам для ориентировки копию с письма моего дипломатическому представителю Литвы и Эстонии, главнокомандующему войсками Латвии и дипломатическому представителю Англии в Риге.

Генерального штаба генерал-лейтенант (подпись) Десино

Копия

7. Извещение генерала Десино о назначении Бермонта-Авалова командующим всеми русскими военными частями

10 сентября 1919 года

Г. Митава, No 64/65

1) Генерал-лейтенанту Монкевицу²³ в г. Берлин

2) Российскому военному агенту в г. Берлин

Главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал Юденич назначил полковника Бермонта командующим всеми русскими военными частями, сформированными в Курляндии и Литве.

Прошу о сем уведомить Междусоюзническую комиссию и оказывать полное содействие как полковнику Бермонту, так и его органам.

Генерального штаба генерал-лейтенант (подпись) Десино

Копия

8. А.К. Недра - Бермонту-Авалову

14 сентября 1919 года

Ваше Превосходительство, Вам, конечно, известно, что по английскому плану подготавливается заключение мира между Советской Россией, с одной, и Эстляндией, Латвией и Литвой, с другой стороны. Цель этого временного мира -- освобождение прибалтийских военных сил для борьбы против Гольца²⁴ и искренних приверженцев Колчака--Деникина, раз не удастся последних перетянуть на сторону англичан. Дирижером этого дела является пресловутый Озол²⁵.

Задерживается исполнение этого плана только тем, что Литва пока еще не согласилась на этот шаг.

По нашему мнению, обстоятельства требуют немедленного противодействия. С таким намерением я завтра или послезавтра поеду в Янишки, Ковно и Берлин. Но перед отъездом я желал бы посоветоваться с Вами и Вашим политическим штабом. Покорно прошу Ваше Превосходительство назначить по возможности скоро заседание, на которое с нашей стороны явились бы д[окто]р Ванкин, инженер Кампе и я.

Кроме того, другой вопрос. Я получил впечатление, как будто Ваша армия находится -- относительно ее снабжения средствами -- в слишком тесной зависимости от заграничных организаций. По-моему, это неправильно и слишком стесняет свободу распоряжений Вашего Превосходительства. Ваша армия непременно должна располагать и собственными суммами кроме тех, которые получают от заграничных организаций.

Устроить это нетрудно. Набросок проекта, переданный Вашему Превосходительству третьего дня, указывает на один способ. Имеются и другие

возможности.

Повторяю свою просьбу: указать лицо, с кем я мог бы перед своим отъездом вести переговоры о практической стороне этого дела.

Любезный ответ Вашего Превосходительства передаст мне мой сын на мою квартиру: Школьная, No 8, кв. 8.

С совершенным почтением А.К. Недра26

Митава, 14 сентября 1919

Копия

9. Акт соглашения Бермонта-Авалова и Военно-политического совета Западной России

17 сентября 1919 г., г. Митава.

Сего числа командующий всеми русскими войсками, расположенными в Курляндии и Литве, полковник П.Р.Авалов-Бермонт совместно с учрежденным при нем Военным советом, по обсуждении предложенного Военно-политическим советом Западной России вопроса о признании генерала В.В. Бискупского27 главнокомандующим Западным фронтом постановили:

Считая, что время для обсуждения вопроса о главном командовании на Западном фронте еще не подошло, но что вместе с тем является необходимостью по экономическим и национальным особенностям и географическим условиям оторванного от востока и юга России вновь созданного Западного фронта для борьбы с большевиками и требуется особенно напряжение и единство действий всех учреждений и организаций центрального гражданского управления в согласованности с органами самоуправления как городских, так и областных на фронте и в местностях, очищенных от большевиков и советской власти, необходимо установить взаимоотношения, функции и компетенции командующего войсками полковника П.Р.Авалова-Бермонта и Военно-политического совета Западной России и довести до сведения всех, и в особенности правительства Германии и обществ, заинтересованных в торгово-промышленных и финансовых вопросах, что между армией полковника П.Р.Авалова-Бермонта и Военно-политическим советом Западной России установлены следующие, обязательные для обеих сторон отношения:

1) Военно-политический совет Западной России в настоящем составе является единственным правомочным государственным учреждением Западной России, а следовательно и высшим центральным органом управления. Совет может пополнять свой состав до 15 членов.

2) Ведению этого органа подлежат: а) гражданская смета, б) заграничные дела, договоры политические, в) финансы и валюта, г) издание временных правил, касающихся управлений и самоуправления, пошлин, акциза, железных дорог, путей сообщения, почт и телеграфов, снабжения и распределения продовольствия и предметов потребления и сельского хозяйства, временных правил по вопросам: аграрному, возобновления промышленности и торговли, таможни и гаваней, д) внутренние дела и административное управление в освобожденных от большевиков местностях.

3) Так как Совет должен находиться в таком положении, в каком он может выступать уполномоченным и признанным всеми, Военно-политический совет Западной России должен иметь поручение и признание всех войск полковника П.Р. Авалова-Бермонта.

4) С своей стороны, Военно-политический совет Западной России признает полковника П.Р.Авалова-Бермонта командующим всеми русскими и немецкими добровольческими войсками на Западном фронте. Таким образом, полковник П.Р.Авалов-Бермонт во всех военных вопросах совершенно самостоятелен.

5) Военно-политический совет Западной России, будучи таким же самостоятельным в вопросах политики, финансовых, торгово-промышленных и хозяйственных, согласует свои действия и мероприятия на основах взаимной поддержки и единения во всех решениях Совета и полковника П.Р. Авалова-Бермонта, что обеспечивается постоянной связью и единой целью. Председатель Военно-политического совета Западной России избирается членами оного, каковым в настоящее время является генерал В.В. Бискупский.

6) Все договоры политического, финансового, промышленного и торгового свойства, а равно и договоры германских войск с русскими заключаются Военно-политическим советом Западной России,

7) При заключении договора с войсками подпись полковника П.Р.Авалова-Бермонта является обязательной.

8) В исполнение пункта 5 сего акта соглашения, командующий армией полковник П.Р. Авалов-Бермонт делегирует в Военно-политический совет Западной России трех представителей от его армии с правом решающего голоса.

Примечание: Командующий армией и начальник штаба армии являются членами Совета в силу своей должности и могут заменять себя своими представителями с теми же правами.

9) Полковник П.Р.Авалов-Бермонт, командуя созданной им для борьбы с большевиками армией, согласует свои военные действия с действиями адмирала Колчака. Поэтому Военно-политический совет Западной России принимает на себя обязательство обеспечения армии полковника П.Р.Авалова-Бермонта материальными средствами в полной мере и употребляет все меры к пополнению армии средствами физическими, доводя состав армии полковника П.Р.Авалова-Бермонта до возможно большого состава, а также принимает все меры к упрочению тыла и базы введением в эти районы правопорядка и государственности и ответственных органов управления.

10) Задачей Военно-политического совета Западной России является в будущем организация Временного правительства, уполномоченного ратифицировать договоры, заключенные этим Советом.

11) При расширении фронта, может быть, явилась бы необходимость назначения главнокомандующего. В случае, если на эту должность по каким-либо обстоятельствам не будет возможности назначить генерала от кавалерии Василия Иосифовича Гурко²⁸, то избрание другого лица на эту должность может последовать с согласия не одного только Военно-политического совета Западной России, но и командующего армией полковника П.Р. Авалова-Бермонта или его преемника.

12) Все формирования и пополнения армии производятся по планам и штатам, выработанным штабом армии, и назначение на высшие командные должности этих штабов исходит от командующего армией.

13) Акт настоящего соглашения вступает в силу по обмене его между обеими договаривающимися сторонами, за подписями со стороны Военно-политического совета Западной России председателя Совета и его членов, а со стороны командующего армией подписями полковника П.Р.Авалова-Бермонта и членов образованного при нем Военного совета.

14) За исполнение сего писанного акта в полном согласии и единении и согласно с изложенными условиями все сей акт подписавшие ответственны перед великой нашей Родиной Россией, в чем да поможет нам Бог. С глубокой верой в искренность и святость принятых на себя задач утверждаем все изложенное своими подписями.

Копия

10. Памятная записка²⁹ Союза германских унтер-офицеров русской службы

17 сентября 1919 года

Его превосходительству генералу Бермонту,
Командиру отряда "Граф Келлер"

Собравшиеся 17 сентября с[его] г[ода] вечером в "Балтийском кафе" германские ун[тер]-офицеры русской службы учредили союз. Цель союза заключается в поддержании товарищества и в соблюдении профессиональных интересов. Особое внимание союз обратит на поддержание строгой дисциплины и воспитание благонадежного ун[тер]-офицерского кадра.

Ун[тер]-офицеры видят в предприятиях корпуса идеалы и торжественно обещают строжайшим исполнением долга и напряжением всех сил способствовать достижению этой цели. Союз свидетельствует своему командиру свое почтение и клянется в нерушимой верности до последней минуты.

Как оказалось на большом общем собрании находящихся в Курляндии герм[анских] ун[тер]-офицеров, состоявшемся 16 с[его] м[есяца] в Промышленном доме, состоящие на русской службе герм[анские] ун[тер]-оф[ицеры] не в состоянии присоединиться к Государственному хозяйственному союзу германских кадровых солдат, так как интересы последних

противоположны нашим.

Как представитель вышеозначенного союза товарищ Эссен нас осведомил, что вашим превосходительством сделаны широкие письменные предоставления Государственному хозяйственному союзу германских кадровых солдат, которые нам, находящимся уже более продолжительное время на русской службе, не могут быть отклонены.

Главными пунктами предоставления союз считает следующее:

1) Производство способных ун[тер]-оф[ицеров] в офицеры.

2) Предоставленное Германскому государственному хозяйственному союзу добавочное жалование: а) за службу до 5 лет: 3 мар[ки] в сутки, в) за службу от 5--8 лет: 4 мар[ки] в сутки, с) за службу свыше 8 лет: 5 мар[ок] в сутки.

3) Обеспечение дальнейшего существования сослуживцев, если они не пожелают оставаться на русской военной службе, принятием на русскую гражданскую службу, соответственно их способностям.

4) Обеспечение поселения в пределах русского государства для не остающихся ни на военной, ни на гражданской службе принятием их в русское подданство.

Для более точного осведомления начальства о намерениях и о целях нашего союза, которых в этой краткой памятной записке невозможно в достаточной мере разъяснить, союз просит присылать на главные собрания представителя штаба отряда.

В заключение союз еще раз приносит обещание в верности своему командиру и просит ваше превосходительство принять делегацию союза в назначенное вашим превосходительством время, как это было обещано председателю нашего союза прапорщику Дольгаузену представителем вашего превосходительства бароном Деллинсгаузенем.

Всеподданнейше Союз германских ун[тер]-офицеров русской службы
Правление: Подписали: Секретарь Лепольд, фельдфебель I роты
Председатель Дольгаузен, подпоручик II запасного бат[альона]
Кассир Метенер, вахмистр III роты
Копия

**11. Рапорт начальника авиации Зап[адной] Добровольческой] армии
военного летчика Фирсова Бермонту-Авалову**

18 сентября 1919 года

№ 15.

Г. Митава

Командующему армией. Секретно. В собственные руки

Рапорт

Довожу до Вашего сведения, что гауптман³⁰ Дефлер, исполняющий обязанности командира немецкого Курляндского авиационного парка, всячески чинит препятствия к получению технического имущества 1-му авиацион[ому] отряду корпуса гр. Келлера, Авиационному отряду корпуса Вырголича и русскому парку. В свое время нами были составлены таблицы имущества вышеназванных авиачастей, причем на каждый отряд полагалось по 12 аппаратов и 24 аппарата запасных, находящихся в парке, с соответствующим техническим оборудованием и с запасом горючего, причем запас горючего выражался в количестве 5000 литров бензина и соответствующим запасом масла (на 100 часов полета). 18 августа с[его] г[ода] по стратегическим соображениям отряду необходимо было приобрести боевую готовность. В это же самое время гауптман Ашимберг распорядился прекратить снабжение отряда имуществом на том основании, что еще не успел посмотреть наши таблицы, поэтому мы просили начальника группы гауптмана Ашимберга спешно снабдить отряд в первую очередь самым необходимым имуществом, чтобы отряд мог быть боеспособным, с условием, что в дальнейшем отряду будет додано имущество по полным ранее составленным таблицам. В данное же время наблюдается такое грустное явление: отряд снабжается имуществом очень слабо и с большими затруднениями, каждый раз после длинных разговоров. Имущество сплошь и рядом подержанное, требуется полное ремонта (как-то: грузовой автомобиль, палатки). Что же касается горючего, то всего было отпущено отряду 3500 литров бензина и 600 литров масла, включая в это число также и расходы горючего на тренировочные полеты, т[ак] ч[то] фактически на боевые полеты отряду остается приблизительно 1000 литров, каковое количество достаточно лишь для перелета отряда к фронту. В частности, все время происходят недоразумения по поводу снабжения отряда

имуществом. Так, например, была выдана теплая полетная одежда на далеко не полное количество летчиков и наблюдателей, которая спустя короткое время была потребована обратно гауптманом Дефлером, и на отказ 1-го Пластунского авиаотряда выдать ее без моего разрешения, т[ак] к[ак] высказывалась сильная нужда. Гауптман Дефлер прибегнул к следующим мерам: он прекратил окончательно выдачу имущества из парка не только отряду, но и другим русским частям, с предупреждением, что возобновит ее тогда лишь, когда он получит обратно комплекты полетной одежды. Далее, он занимается ежедневной погрузкой технического имущества для отправки в Германию, имущества нам необходимого, причем старается для погрузки этого имущества пользоваться нашими же солдатами, из русского парка, который расположен там же, где и немецкий парк. Такое странное явление, как отправка имущества в Германию гауптман Дефлер мотивирует тем, что это имущество ему нужно для каких-то полицейских отрядов в Германии, хотя в Германии, по словам приехавших оттуда офицеров-летчиков и наблюдателей, подобного имущества полный избыток и такие поступки гауптмана Дефлера кажутся еще более странными потому, что все авиационное имущество в Германии 1 октября должно быть выдано Антанте. Со стороны немецких авиационных отрядов слышны тоже жалобы на гауптмана Дефлера как на человека, все время мешающего снабжению даже немецких отрядов имуществом и старающегося это имущество переправить в Германию. У нас имеются сведения, что все командиры немецких авиационных отрядов также недовольны ни поведением, ни политическими взглядами гауптмана Дефлера и смотрят на него как на человека, мешающего нашей общей цели. Когда я пытался устранить возникшие недоразумения, гауптман Дефлер ссылаясь на распоряжения начальника группы 37 барона Ашимберга, а последний на условия, будто бы установленные у гауптмана Дефлера с подполковником Ливотовым, командиром 1-го отряда, которого в действительности не было. Мне гауптм[аном] Дефлером также заявлено, после отказа его по распоряжению бар[она] Ашимберга выдать некоторое имущество, что он может не исполнять приказание гауптмана бар[она] Ашимберга, т[ак] к[ак] в некоторых случаях он подчиняется начальнику авиации в Бартенштейне, что для гауптмана бар[она] Аршимберга было видимой новостью. На мой вопрос, почему он отправляет в Германию имущество, гауптман Дефлер ответил, что он туда отправляет только ненужное здесь имущество. На самом же деле все время из парка исчезает самое необходимое, как то фотография, моторы. Мне было сообщено, что в парке Курлянд ходят слухи, что даже имеется намерение отправить лошадей (60 шт[ук]) и обмундирование (около 200 комплектов), о чем был предупрежден своевременно бар[он] Ашимберг. Имущество в парке Курлянд, несмотря на то, что парк уже месяц как находится в Шавлях, находится в ужасном виде -- свалено все в кучи, без надлежащего присмотра и в результате все время страшно раскрадывается и распродается почти оптом. Кроме того, на днях при разговоре с офицерами русского парка у гауптмана Дефлера вырвалась фраза, что он лучше сожжет имущество, нежели выдаст его русским, о чем мне доложил командир парка.

Ходатайствую о принятии срочных мер для устранения возникших недоразумений и злоупотреблений, которые так сильно портят наше общее дело, обессиливают нашу техническую боевую мощь, необходимую нам в настоящее время и еще более необходимую нам в будущем.

Военный летчик подполковник Фирсов.

Копия. Резолюция: *В[есьма] срочно. Перевод на немецкий язык. Полк. Авалов. 18 сентября*.

12. Соглашение о передаче русским военным властям главного командования в занятых германскими войсками областях бывшей Российской Империи

21 сентября 1919 года

№ 1. При уходе VI запасного корпуса германский командующий генерал-майор граф фон дер Гольц высшее командование передает признанному генералом Юденичем командующему Русской добровольческой западной армии, полковнику Авалову-Бермонт[у].

№ 2. Ввиду уже начатой отправки германских войск на родину командование на Митавском фронте с сего числа передается русскому командующему.

№ 3. Русские войска занимают нейтральную зону к северу от Митавы и обеспечивают этим беспрепятственную отставку германских войск от всяких

покушений со стороны латышских или каких-либо других военных сил; в случае нападения на русские войска превосходных неприятельских сил находящиеся еще налицо германские части окажут русским войскам всякую поддержку. Командиры подвергшихся нападению русских участков ввиду сего обязаны непосредственно уведомлять местного германского командующего (командира Железной дивизии³²) о событиях на фронте.

Но 4. Немцы, добровольно оставшиеся после ухода германских частей, поступают в распоряжение русского командующего и этим поступают на русскую службу. Подробные положения³³ по этому вопросу должны быть выработаны по соглашению между представителями немецких добровольцев, уполномоченными на это германским командующим и командующим Западной русской добровольческой армии при содействии Русского военно-политического совещания в Берлине³⁴; соответствующие договоры же заключаются впоследствии с командующим Русской добровольческой западной армией и утверждаются русским Военно-политическим советом³⁵ в Берлине.

Но 5. Командующий русскими войсками по предварительному соглашению назначает к митавскому губернатору и к существующим четырем военным участкам (германским) русских офицеров для подготовки принятия в русское ведение оставшихся тыловых военных учреждений и проведения сего принятия в жизнь сообразно постепенному уходу германских частей.

Но 6. Русский командующий соответственно Но 4 сего соглашения обязывается в экономическом и политическом отношениях следовать директивам Русского военно-политического совещания в Берлине и впредь действовать только в тесном контакте и после предварительного соглашения с таковым. Для этой цели он учреждает при своем штабе политическое совещание, которое гарантирует самое тесное политическое единение обеих сторон.

Сие соглашение писано в двух экземплярах, каждый на немецком и русском языках, причем немецкий текст признается обеими сторонами обязательным.

Митава, 21 сентября 1919 года

Подписи: гр[аф] ф[он] д[ер] Гольц, полковник кн[язь] Авалов-Бермонт

13. Рапорт Бермонта-Авалова Юденичу

22 сентября 1919 года

Совершенно секретно

Командующий Западной армией главнокомандующему армиями С[еверо]-Западного фронта генералу Юденичу

Но 1. Г. Митава.

На телеграмму Вашего Высокопревосходительства от 20 сентября, переданную мне генералом Бертом, доношу, что распоряжение Ваше будет мною незамедлительно исполнено, как только будет выяснено отношение латышского правительства.

В настоящее время латыши и эстонцы сосредоточивают свои войска под Ригой и у Олая для враждебных по отношению ко мне действий, и не только проход через Латвию частям войск, но и пропуск в Ригу отдельным чинам армии латышами воспрещен, на что английская миссия совершенно не реагирует.

Кроме изложенного, прошу указаний, как поступить с вооружением и снаряжением, полученным от германского командования, которое, ввиду моего ухода, потребует все выданное обратно, чем поставит меня в безвыходное положение, так как ниоткуда более я ни оружия, ни снаряжения не получал.

Помимо этого, считаю долгом доложить Вашему Высокопревосходительству, что 26 августа с[его] г[ода] на заседании в Риге совместно с генералом Марч[ем]³⁶ и генералом Десино окончательно был решен вопрос о наступлении на Двинск, о чем мною и сообщено было всем начальникам частей; в настоящее время мне будет невероятно тяжело и трудно убедить всех чинов армии оставить этот план и двигаться на Нарву, тем более что перебежчики оттуда породили в рядах войск боязнь и недоверие к создававшемуся там положению русских войск.

Подлинное подписал: полковник Авалов-Бермонт,
скрепил начальник штаба генерал Чайковский³⁷.

Копия

**14. Начальнику русской военной миссии в Берлине А. Брандт --
Бермонту-Авалову**

23 сентября 1919 года

Секретно. В собственные руки

№ 2

Сообщая Вам текст сношения ген[ерал]-лейт[енанта] Десино и копию приказа № 1, уведомляю, что на заседании 26 августа с[его] г[ода] в г. Риге, генерал англ[ийской] сл[ужбы] Марч от имени ген[ерала] Гофа38 выразил свое пожелание, чтобы я скорее стал во главе всех частей здесь формирующихся, и что он заявит об этом ген[ералу] Юденичу.

Генерал граф Гольц лично приезжал поздравить меня с назначением и после этого неоднократно посещал меня для решения совместных вопросов.

Представителем армии в Берлине является начальник мобилизационного отдела капитан Непорожный, который один только вправе решать те или иные вопросы, связанные со скорейшим сформированием армии и которому я приказал работать с Вами рука об руку к достижению общей задачи.

Выход мой на фронт не будет откладываться ни на один день, как только я получу возможность приобрести хоть самое минимальное количество лошадей, чтобы поднять обоз и артиллерию, без которых, как Вам известно, я не могу предпринять ни одного боевого решения не поставив свои войска в тяжелое, а может быть, в безвыходное положение. О количестве боевых припасов, снаряжении и продовольствии людей Вас поставит в известность капитан Непорожный, после чего Вам станет ясна причина полной невозможности выйти немедленно на фронт.

Я прошу принять Вас к сведению, что по занятию мною боевого участка у Двинска я знаю, что моя армия немедленно будет пополнена людьми, которые нетерпеливо ожидают меня там, и количество их так велико, что недостаток офицеров для них сразу даст себя почувствовать, почему я не только не могу выделить офицеров из армии, но и убедительно прошу Вас сделать все возможное, чтобы переотправить для моей армии часть офицеров, имеющих у Вас на участке. Я уверяю Вас, что самая тесная связь с ген[ералом] Юденичем возможна будет лишь тогда, когда мои части подойдут к Ингерманландии39.

Прошу принять мою самую искреннюю признательность за желание Ваше пойти навстречу нуждам вверенной мне армии.

Остаюсь А. Брандт40, начальник русской военной миссии в Берлине

Копия

15. Приказ войскам Западной добровольческой армии

23 сентября 1919 г.

№ 02/А

Г. Митава

Весьма секретно

Карта : 1:100 000 (нем[ецкое] издание)

1. Эстонцы и латыши, боровшиеся до сего времени в составе общего фронта против большевиков, ныне вступили с ними в мирные переговоры и продолжают вести таковые.

В настоящее время существуют основания предполагать, что эсты и латыши, примирившись с большевиками, могут обратить свое оружие против нас и наших верных союзников-германцев, путем неожиданного на нас нападения. На это указывают факты очищения ими большевистского фронта и сосредоточение своих сил в Рижском районе для похода в Митаву.

2. Желая обезопасить положение всех чинов армии и обеспечить дальнейшее покойное формирование в районе Митавы частей ее, я, не имея в виду вмешиваться во внутренние дела Латвии, принужден, однако, принять оборонительное положение.

3. Приведенные в боевой порядок войска Западной добровольческой [армии], имени гр[афа] Келлера корпуса, сменяют 25 и 26 сентября стоящие на

предмостном укреплении между Олай и Вольгрудом части Железной дивизии, которые получают другое назначение.

4. Для чего: 1-й батальон 1-го пластунского полка сменил 25 сентября к 11 часам 3-й батальон 2-го пех[отного] полка Железной дивизии на участке Киккедактц -- имение Вольгруд, включительно, и оборонять этот участок.

Батальон подчиняется до 11 час. 26 сент[ября] командиру 2-го полка Железной дивизии.

5. 2-му батальону 1-го пластунского полка, без одной роты, занять к 11 час. 26 сент[ября] участок от р[еки] Эккау у имения Ценнгоф до Киккеданц включительно. Одной роте 2-го бат[альона] сменить к 11 час. 26 сент[ября] 3-ю роту 1-го батальона 2-го пехотного полка Железной дивизии у моста у имения Олай и удерживать Рижское шоссе.

Рота подчиняется к[оманди]ру 1-го бат[альона] 2-го полка Железной дивизии.

6. 3-й бат[альон] 1-го пластунского полка остается в гор[оде] Митава в резерве.

7. Штаб 1-го пластунского полка располагается 26 сент[ября] в имении Паульсганде и в 11 час. принимает командование над войсками участка р[еки] Эккау у имения Ценнгоф до Вольгруд.

Обороной всей предмостной позиции руководит командир 2-го полка Железной дивизии, ему подчиняется 1-й пластунский полк.

8. 1-му батальону 2-го пластунского полка расположиться 27 сентября в районе имения Ливень-Берзень -- вокзал Ливень-Берзень, как резерву корпуса. Батальону обеспечить себя с севера и северо-запада.

9. 3-й батарея (Мильде) Сводного артиллерийского дивизиона избрать себе позицию в районе Кальне по дороге Паульснаде-Киш.

10. 1-й батарея (Притча) найти себе позицию между им[ениями] Паульснаде и Генне, южнее р[еки] Эккау.

11. 2-й батарея (Ашехманов) найти себе позицию у Лаугам, западнее р[еки] Аа, чтобы фланкировать участок перед 1-м батальоном 1-го пластунского полка; прикрытие -- пулеметы 2-й кон.

12. 3-й батарея выступить на позицию 25 сентября, 1-й -- 26-го и 2-й -- 27 сентября.

Штаб Сводного артиллерийского дивизиона 26 сентября располагается в имении Паульснаде и руководит огнем батарей.

13. Немедленно разведать позицию и помещения, снесясь со сменяемыми немецкими частями, и донести в случае недоразумений.

14. В случае наступления значительных неприятельских сил 1-й батальон 2-го полка Железной дивизии и рота, находящаяся в Олай 2-го батальона 1-го пластунского полка отходят на позицию к предмостному укреплению. Рота следует через Клейн в имение Ценнгоф и поступает в распоряжение своего батальона. Предмостная позиция будет упорно обороняться.

15. Полевому лазарету оборудовать перевязочный пункт в имении Паульснаде.

16. Телефонному отделению корпуса устроить телефон[ную] связь Митава -- им[ение] Паульснаде. Провести телефонную связь с 1-й бат[атареей] 2-го пласт[унского] полка в Ливень-Берзень. 1-му батальону 1-го пластунского полка придать малую искровую станцию.

Подлинный подписал: Командующий армией полковник Авалов-Бермонт

16. Памятная записка о переговорах с правительством Литвы

Не ранее 23 сентября 1919 года

23 сентября [в] 8 час[ов]. вечера через посредство английской миссии состоялось наше совещание с министр-президентом⁴¹; день перед этим мы были у генер[ала] Жуковского, который нам сообщил, что он не имеет полномочий вступить с нами в какие-либо переговоры и что такие переговоры вызвали бы сейчас подозрения у правительства.

Из переговоров с министр-президентом явствует следующее:

1) Вопрос о мире с большевиками⁴² стоит еще открытым, во всяком случае будут при решении этого вопроса руководиться только интересами Литвы. Вопрос о мире будет обсуждаться на днях.

2) Пока вопрос о мире с большевиками не будет разрешен, нам не может быть предоставлен участок на фронте.

3) Перевозка наших войск по литовским железным дорогам недопустима (мнение их генерального штаба и английской миссии -- последняя по этому вопросу нам не выразила своего мнения). Литовцы желают избежать трений (боязнь) между нашими и ихними войсками, т[ак] к[ак] немедленно поднимается вопрос, под чьей командой будет железная дорога Шавли--Поневеж--Абели, кроме того они не желают концентрирования наших войск в их тылу.

4) Предложение пользоваться для перевозки войск железной дорогой Митава--Якобштадт.

5) Предложение пользоваться жел[езной] дор[огой] Шавли--Поневеж--Абели для пополнений.

6) Категорическое желание удалить Вырголича из Литвы.

7) Мнение министр-президента, что 3/4 наших войск состоят из немецких солдат, главным образом войска Вырголича, ясно выраженное враждебное отношение министр-през[идента] к немцам; возможность работать только в полном согласии с англичанами, -- Фок⁴³ будто бы предпринял энергичные меры, чтобы удалить немцев из Балтики и Литвы.

8) Указание на документ, по которому Вырголич свои войска будто бы подчинил графу ф[он] д[ер] Гольц[у] (за подписью: генер[ал] Богданов⁴⁴), следовательно, войска Вырголича являются немецкими войсками.

9) Желание узнать подчинены ли мы Юденичу в связи с вопросом о снабжении войск Юденича англичанами. Литовцы теперь никоим образом не должны зависеть от Германии, т[ак] к[ак] все получают ныне от Англии.

10) В ответ на наше отношение касательно наших солдат в концентрационных лагерях мы получили ответ, что эти солдаты -- пленные большевики и с ними и в дальнейшем будут обращаться как с пленными; офицеры же, которые не перешли в литовскую службу, будут отправлены к Юденичу.

На эти пункты мы уверили министра-президента, что мы ни в коем случае не ухватим силой управление железной дороги Шавли--Поневеж--Абели, что стягивание наших войск в район Абели будет носить только временный характер и что трения с Вырголичем будут устранены.

На этом основании мы просили дать нам возможность переговорить с литовским генеральным штабом.

Министр-президент обещал нам ответ к 24 сентября в 12 часов пополудни.

17. Донесение подпоручика Эбергардта Бермонту-Авалову

Берлин, 30 сентября 1919 года

Многоуважаемый господин полковник, сообщаю Вам известие о выступлении частей Вашей армии произвели⁴⁵ здесь большое впечатление. Стоявшие в оппозиции к Вам в настоящее время стали Вашими сторонниками. Всех тех лиц, которых мне приходится видеть, я совершенно перевел на Вашу сторону, и в настоящее время всеми признается Ваша власть, и это намного облегчит работу в вопросе финансирования.

Над этим вопросом работают сейчас много новых лиц, и если все пойдет дальше так же удачно, то есть надежда на скорый результат.

Обращаюсь к Вам с секретным поручением от барона Н. Корфа. Барон Н. Корф является здесь осведомителем Морского агентства Колчака в Лондоне и два раза в неделю передает агентству в Лондон через Копенгаген все сведения, которые ему удается получить. Сведения эти передаются шифрованно через немецких курьеров в Копенгаген нейтральному лицу, а оттуда непосредственно в Мор[ское] агентство. Единственное лицо, которое эти сведения читает, это военный атташе Германии в Копенгагене и Мор[ское] агентство в Лондоне⁴⁶. За то, что сведения эти попадают в руки англичан, бар[он] Корф ручается. До

настоящего времени б[арон] Корф получал сведения непосредственно от графа Гольца, и кроме гр[афа] Гольца и барона никто об этом не знал. В настоящее время ввиду того, что все, что находится в Курляндии, под Вашей властью и Вы являетесь единственным политическим диктатором всего района, бар[он] Корф просит передавать ему все сведения от Вас через меня. Барон просит, чтобы это осталось совершенной тайной, и со своей стороны обещает давать все сведения, исходящие непосредственно из кругов Антанты и германских, мне, для передачи Вам. Если Вы прикажете, то Ваши сведения будут неизменно передаваться Колчаку. Необходимо два раза в неделю давать все сведения сюда через курьера, а обратным курьером я буду давать все сведения отсюда. Очень желательно, чтобы такие сведения составлялись по Вашему приказанию походной канцелярией и направляли их два раза в неделю по моему адресу -- Берлин, Аугсбургерстр[ассе], 43, Пенсион Венцель, я буду передавать их барону, а от него получать все его сведения. Ввиду того, что у барона громадные связи здесь и в Копенгагене, он может дать нам весьма ценные сведения, мы же при его помощи будем иметь постоянную связь с Колчаком. Мне кажется, что предложение это весьма удачно, т[ак] к[ак] таким образом Вы сами будете диктовать то, что желаете чтобы было официально известно, и то, что должно быть известно только известным кругам, а информация Корфа будет основана не на слухах, а на реальных фактах. Вы же будете иметь точные данные о всем, что Вас касается, из источника безусловно достоверного и хорошо осведомленного. Такую же связь можно наладить и с Деникиным.

Первое сведение бар[она] К[орфа] таково: по заявлению Союзной миссии все ультиматумы по поводу вывода войск Гольца из Курляндии никаких последствий иметь не будут и созданы лишь для того, чтобы успокоить общественное мнение Англии и Франции. Вашу политику Антанта признает по отношению к Латвии правильной, но боится влияния немцев. На все ультиматумы Антанты не следует обращать слишком большого внимания. Если, господин полковник, организацию такой связи Вы считаете правильной, то прошу Вашего распоряжения о том, чтобы таковые сводки посылались курьером лично два раза в неделю. Бар[он] Корф покорнейше просит Вас все доложенное считать личной тайной и его фамилии не упомянуть, т[ак] к[ак] это могло бы очень повредить ему в деле по добыванию сведений. Я лично считаю бар[она] Корфа человеком серьезным и с огромными связями, безусловно, германской ориентации и преданного нашему делу. Знаю я барона очень давно. Жду Ваших срочных приказаний.

Искренне преданный Вам подпоручик Эбергардт
Копия

18. Донесение подпоручика Попова Бермонту-Авалову

Берлин, 1 октября 1919 года
В[есьма] секретно
Господин полковник,

После долгого перерыва опять смею беспокоить Вас настоящим письмом.

Доношу, что вербовка добровольцев нами производится теперь в прежнем масштабе, несмотря на все внешние и внутренние препятствия. На днях германское правительство опять разослало по комендатурам приказ не только "задерживать" вербовщиков русской армии, но и "арестовывать их на месте". Безусловно, комендатуры считаются с этим приказом постольку, поскольку это необходимо для официальной отчетности. Кроме того, военнопленных сбивает русская военная миссия, отправляя их группами в Сибирь и на Дон.

В настоящее время для большей вербовки мы решили придать всему делу характер отправки военнопленных на родину, т[о] е[сть] уроженцев Прибалтийского края. Комендатурам это дает повод для содействия вербовке и для представления отчетности правительству.

Все внимание берлинского общества теперь обращено на Прибалтийский край, в частности -- на корпус имени гр[афа] Келлера и на Железную дивизию. Умеренные и правые круги населения всецело на нашей стороне. Кричат против

нас одни только спартакисты⁴⁷ и так называемые "независимые"⁴⁸. В последнее время усиленно ходят слухи о Вашем движении на Ригу, чему придадут большое значение и, конечно, очень рады, полагая, что занятие Риги, [во-первых,] урежет крылья зарвавшимся "союзникам" и, во-вторых, проучит прибалтийских тупоумных шовинистов. Командира корпуса гр[афа] Келлера⁴⁹ при этом сравнивают с героем Италии Д'Аннунцио⁵⁰. Как говорят, германское правительство (за исключением некоторых отдельных членов-жидов) очень сочувствует русско-германскому сближению и всячески старается отклонить требование союзников об очищении Курляндии от немецких войск.

В Берлине издается газета "Фрейгейт"⁵¹, орган коммунистов, партии независимых; газета, безусловно, осведомленная и, по-видимому, имеет опытных агентов-сотрудников в рядах нашей армии и немецких войск. Не проходит дня, чтобы она не написала о жизни в Митаве, и притом с большой подробностью; так, например, недавно она описывала расстрелы в Митаве, с указанием -- как, где и когда они производятся. Необходимо нашей контрразведке серьезно обратить внимание на эту газету и на ее связь с Митавой.

В русских кругах под "шумок" передают об ужасной "инквизиции", существующей в корпусе имени графа Келлера, где людей расстреливают без суда и следствия, по одному слову какого-нибудь "ловчака" и политического интригана. Говорят, что сам командир всецело в руках этих "прихлебателей". Людей в корпусе достаточно для образования солидной и боевой силы, но в большинстве случаев они сидят по штабам, которых якобы, по мнению авторов этих сплетен, больше 100. Если бы не немецкое влияние, то корпус "развалился" бы давным давно.

Поход на Ригу немецкие и русские газеты в Берлине объясняют тем, что он вызван в целях самообороны от нападения латышских войск, и передают, что в 20 вер[стах] от Митавы (около Олая) произошло столкновение и с обеих сторон имеются "значительные" потери.

Подпоручик Попов князь Эрбэктэйский, обожатель своего дорогого командира и искренне и неподкупно ему преданный

Копия

19. В.И. Гурко -- неизвестному адресату

Берлин, 2 октября 1919 года

Милостивый государь Константин Константинович⁵²,

Письмо это Вам передаст пор[учик] Алексей Пфель. Так как он в скором времени возвращается на юг России, в район, управляемый ген[ералом] Деникиным, то, полагая, в Ваших интересах и в интересах русского дела в Прибалтике дать Пфелю возможность ознакомиться с положением вещей на месте и дать им настоящее освещение по его возвращении на юг России.

Письмо Ваше, переданное мне гр[афом] Паленом⁵³, я получил, и ответ на него Вам сообщит лично устно сам гр[аф] Пален.

Уважающий Вас Васил[ий] Гурко

Копия

20. Донесение начальника политического отдела Западной добровольческой армии Бермонту-Авалову

2 октября 1919 года

Секретно

Командующему Западной добровольческой армией.

1. Сейчас получил сведения из военного источника, что в Териоки (в Финляндии) выехали два представителя Антанты для зондирования почвы к переговорам между Антантой и советск[им] правит[ельством]. Немецкие военные и политические круги возмущены двойственностью Антанты.

Но дело в том, что, по совершенно достоверным источникам, в Париже в сегодняшний момент Совет четырех⁵⁴ (Клемансо⁵⁵, Ллойд Джордж⁵⁶ и проч[ие]) совершенно растеряны и не знают, какую линию политики принять по отношению к России. То ли идти с Колчаком и Деникиным, то ли с Лениным. Они, Совет четырех, чтобы "не потерять", играют на два фронта: одной рукой помогают Деникину, а другой Ленину. Кто выигрывает -- с тем Антанта и пойдет.

В настоящее время в Англии и Франции чрезвычайно встревожены развивающимся в них большевизмом. Поэтому внимание правительств всецело обращается на их внутренний фронт, и это до того сильно, что Совет четырех очень недалеко от решения махнуть пока на Россию рукой. Я выразился сообщавшему мне эти факты так: такое конечное решение Антанты наилучшая помощь России. Армия полковника Бермонта уверена, что недалеко то время, когда командующий наш, п[олковник] к[язы] Авалов-Бермонт, громко заявит всему миру: "Россия для русских".

2. Из совершенно достоверного источника расшифровывается причина, в силу коей Швере и Гроссе индустри⁵⁷ и банки не дали денег Берлинскому совету. Солидный участник и непременный член упомянутых денежных источников заявил откровенно, что ведь надо же сознаться, что у банков и у индустрии главные капиталы в руках евреев. Они не против реставрации, но во всяком случае такой реставрации, за спиной которой не скрывается погромная программа. При условии же, что они должны дать деньги совету или группе, которая представлена Дерюгиным, Бельгардом⁵⁸ и Римским-Корсаковым⁵⁹, является очевидным, что их капиталы, они, евреи, предоставят в прямом назначении против себя же. Вот главная причина. Вторая -- это то, что на Западном фронте, то есть на границах Франции, Бельгии и Голландии, сейчас такая идет вакханалия наживы по спекуляциям, о какой они не мечтали даже в военное время. В погоне за этой легкой и быстрой наживой они и бросили туда всю имеющуюся наличность. Ост-фронт⁶⁰ отошел на совершенно второй план.

3. Прибывший 30 сентября майор Кесслер сегодня будет у Носке⁶¹. Вчера Кесслер три часа говорил с Кноррингом в присутствии представителей сочувствующих нам кругов. Все, что он говорил Кноррингу -- а следовательно и присутствовавшим немцам, носило очень для меня странный характер, а именно: Кесслер представлял в ярких красках положение в Курляндии катастрофическим. По его, Кесслера, мнению, лучшим выходом было бы отвести все войска на линию реки Дубиссы. И это после того, как весь Берлин ожидал со дня на день телеграммы о занятии русскими войсками Риги.

Говорили много о том, что довольствие войск продовольствием более чем не обеспечено. Силы же латышей с эстонцами и большевиками столь серьезны, что не о наступлении нужно думать, а о спасении немецких и русских войск. Причем проводилась мысль, что, может быть, хорошо было бы русские части обеспечить переправкой к Деникину.

Я все это слышал не лично, а докладываю со слов барона Кнорринга. Когда я выругался, назвав Кесслера "паникером", барон Кнорринг заметил, что он этого бы не сказал, так как Кесслер производит впечатление очень обстоятельного офицера.

Что он скажет Носке и какие будут последствия -- сообщу завтра. Впрочем, кроме того, Носке послан был в Митаву особый офицер. Фамилию его не помню. Он завтра должен быть здесь и подробно доложить Носке о всех положениях на Вашем фронте. От его доклада будет очень многое зависеть, ибо его доклад будет сообщен правительству. А все финансовые и торгово-промышленные сферы только и делают, что смотрят нежно в глаза правительства.

Копия

21. Полномочие Бермонта-Авалова А.К. Реммеру

[После 2 октября 1919 года]

Секретно

К делу. Чесноков No 06

Полномочие, выданное мною Андрею Константиновичу Реммеру, от 2 октября 1919 г., настоящим подтверждается, и А.К. Реммеру предоставляются все предусмотренные в нем права по совершению сделок, заключению договоров и основанию учреждений -- с безусловной обязательностью их в районе действий и влияния Западной добровольческой армии.

Командующий Западной добровольческой армии полковник

Копия

22. А.К. Реммер -- Бермонту-Авалову

3 октября 1919 года

Дорогой Павел Рафаилович.

Сегодня у меня был директор банка. Дело, несмотря на гнусные интриги Энгельгардта, не потеряно. Необходимо срочно получить от Вас полномочия на подписание договора.

Марки почтовые и гербовые печатаются.

Сношения с американцами и Антантой мною установлены для того, чтобы быть совершенно в курсе всего, что там делается.

Ультиматум в исполнении Носке благодаря Кесслеру все-таки, благодаря уже принятым мною связям, не страшен Вам.

Образуйте немедленно правительство, но исключительно "демократическое".

Жду немедленно Ваших указаний и распоряжений.

Здоровье мое улучшилось, как только получил от директора банка уверенность, что деньги Вы получите.

Ваш А. Реммер

С этим письмом едет к Вам американский колонель⁶², которого Вы примите, согласно Вашей политике.

Копия

23. Циркуляр Бермонта-Авалова

3 октября [1919 года]

№ 010 Циркулярно. В[есьма] секретно.

Начальникам штабов, н[ачальни]ку контрразведки армии и начальникам политического и агитационного отделов.

Ввиду того, что присутствие в штабах и отделах чинов, ранее служивших у большевиков, является опасным и рискованным, а также подрывает доверие частей к означенным учреждениям, приказываю всех чинов, находившихся ранее на службе у большевиков, постепенно откомандировать в строй.

Оставление вышеуказанных чинов в штабах и отделах допускается лишь под личной ответственностью начальников этих штабов и управлений со всеми последствиями, законами предусмотренными.

Латыши, находившиеся ранее на службе в латышской армии и учреждениях пр[авительст]ва Ульманиса⁶³, должны рассматриваться как чины, служившие у большевиков.

Копия

24. Донесение начальника политического отдела Западной добровольческой армии Бермонту-Авалову

№ 22. Отделение в Берлине, 4 октября 1919 года

Секретно

Командующему Западной добровольческой армией

Сегодня у меня опять был директор Ориент-банка⁶⁴, который согласен открыть в районе армии частный торгово-промышленный банк с капиталом в 50 миллионов. Капитал идет в распоряжение Ваше как командующего армией. Сделку можно заключить, но нет от Вас полномочий, которые ожидаю.

Военно-политический совет закрыт, и всем немецким финансовым и политическим группам объявлено, что с Митавским фронтом они могут сноситься через наше отделение Политического отдела, которое обо всем немедленно будет доносить на благоусмотрение Вашего Превосходительства.

Сегодня мне представлялись барон Корф и барон Унгерн Штернберг⁶⁵, официальный представитель армии Колчака, а также заведующий центральным для Европы Агенмор. Вступил с ним в полную связь для поддержания престижа Вашего

и положения. Общее мнение таково, что было бы чрезвычайно для Вас выигршно объявить поход на Москву и, взяв Двинск, идти на Смоленск по линии железной дороги; в таком случае Вам не нужно ни громоздкого обоза, ни большого количества лошадей и повозок.

У Смоленска Вы получите поддержку Деникина и ликвидируете конфликт с Юденичем. Дивизион остается на месте и поддержит Ваше правительство, которое останется или в Риге, или в Двинске. Вам не нужно думать, что будет с правительством. Вам нужно думать о себе и Вашем дальнейшем победоносном наступлении. Остальное приложится. К моменту подхода Вашего к Смоленску, Вас Деникин безусловно поддержит всеми средствами.

Но, к моему глубокому сожалению, я решительно никаких указаний от Вашего Превосходительства ни по вопросу о банке, ни по вопросу о марках до сего времени не получил. Прошу срочных распоряжений. Ультиматум Антанты⁶⁶ сглаживается и, кажется, очень скоро совершенно сойдет на нет. Ждут занятия Вами Риги.

За начальника отделения А. Реммер

Копия

25. Неизвестный автор -- Бермонту-Авалову

[5 октября 1919 года]

Дорогой Павло, спасибо еще большое за милые дни у Тебя, я страшно рад, что был там и воочию убедился, какая у вас постановка и какая работа и единодушие -- диаметрально противоположное тому, что происходит здесь. Доехал хорошо, но утомительно: благодарю Протопопова за письмо, которое никогда не получил. Передам Карцеву посылки для Тебя, часть передай матери Мет -- белье прими от нас, оно Тебе пригодится, хотя оно и весьма неважное, но лучшего у нас нет, а ведь Тебе белье нужно -- но оно для Тебя -- а не для раздачи, понял. Сам носи, а то отберу опять. Я очень беспокоюсь за то, что происходит у вас там, все это может кончиться более чем плачевно благодаря нелепым и идиотским распоряжениям здешнего правительства, столь недостойно боящегося Антанты -- которой бояться нечего совершенно. Очень досадно, что Энгельгардт не приехал до сих пор, это признак скверный, а главное, это очень плохо, что дело и там и здесь принимает затяжной характер. Бискупский, ушедший наконец после провала с тем преступником, о котором я их всех предупреждал и с которым они за моей спиной вели переговоры⁶⁷, обещал мне этого не делать, вновь бодрится, а это признак тоже плохой. Надо было решительно и быстро действовать, как мы и предполагали и решили, и я не понимаю, что могло помешать всему этому.

Если Дурново приедет к Тебе и Ты ему дашь дело там или здесь, то в Твоих же интересах советую Тебе отстранить от всякого дела и не допускать ни к чему ротмистра Ал. Ал. Скрябина, это человек недоброжелательный и подвергнут сплетням нехорошим, я его здесь быстро раскусил и понял, и из меня ему не удалось ничто вытянуть, хотя он и старался это сделать -- берегись его, он не наш, наоборот, причем злорадствует. Гижичкий тоже его знает. О Гижичком иногда подумывай, он хороший малый и не жалко о нем немного заботиться. Матери Мет дай возможность удрать, если Ты покинешь Митаву, а то она там погибнет, второй раз чудом не спасется, как первый раз. Я все-таки повторяю, будь осторожен с Твоим адъютантом Леницким, там далеко не все благополучно, и Ты ради личных чувств можешь повредить делу страшно. Что касается Реммера, то я остался при своем мнении, что он ведет двойную, если не тройную игру и он не Твой человек и это Ты еще несомненно испытываешь на себе, если не поверишь нам -- Реммер ведет себя более чем странно, это человек опасный -- имей это в виду и поверь мне, ведь мне ничего не надо и я Тебе все это пишу лишь из чувств дружбы и ради дела -- это Ты знаешь, т[ак] ч[то] суди сам, прав ли я или нет -- на карте много стоит и надо быть осторожным, но и решительным, и будь Ты таким и поверь, дело выиграет, а ведь это теперь все что надо.

Я все жду письмо Врангеля⁶⁸, чтобы сообщить ему о санитарном положении

у нас. Сейчас здесь в министерстве сдвиг не в нашу пользу и мало надежды получить деньги, но я сделаю все что можно и Конрадий Ост[ен]-Сак[ен] тоже старается вовсю.

Что касается Дурново, то я судить о нем не могу, видел его лишь раз, но, кажется, говорят, что он балалайка, из которой можно извлечь дурные звуки, и что он недурный инструмент в подходящих руках, но пальцы в рот я бы ему не положил, тем более, что лично убедился, насколько мало можно полагаться на его слова: он мне говорил определенно одно, а сделал другое -- это мне не нравится, я, как Ты знаешь, люблю правду, тем не менее лучше его иметь в своем лагере, нежели в лагере противника.

6 октября 1919. Сейчас видел минутку Энгельгардта, слава Богу, что здешние известия преувеличены и неверны и дело так себе у Вас. Мне много и часто приходится сражаться с нелепыми слухами и сплетнями, распространяемых Твоими "друзьями" о Тебе и армии -- не всегда легко бороться, в чем виноват Ты сам своей неосторожностью: надо быть осторожнее, имея на руках такое огромное дело величайшей важности. Я совершенно поражен и не нахожу ни слов, ни объяснения тому, что Ты дал Реммеру столь широкую доверенность -- разве Ты никому из нас не веришь и веришь лишь ему. Прав ли Ты верить только ему. Думаю что нет, знай, что у Тебя есть друзья бескорыстнее и более верные, чем он, и, когда Ты в этом убедишься, будет слишком поздно. Реммер человек, которому Ты не смеешь сильно доверяться -- его деятельность здесь очень не ясна, наоборот -- темна и он может страшно повредить делу при такой самостоятельности -- отвечать же за все будешь Ты. Ряд его шагов здесь совершенно недопустимы и неприемлемы -- просто опасны, но Ты, очевидно, лишь осведомлен им о том, что ему удобно и угодно. При таких условиях, новое дело при новой постановке, с которым надо быть особенно осторожным и которое должно быть кристально чисто и вестись осторожно и совершенно честно -- может погибнуть. Ведь сотрудники Реммера даже не осведомлены о его работе. Так нельзя. Я очень польщен и благодарен, что меня наметили в число здешних представителей, но при такой постановке, когда Реммер имеет полномочия и, видимо, мнит себя посланником делать что-то, работа полезная невозможна, можно только работать сообща и совершенно единодушно и совместно; я не могу участвовать при таких условиях, не хочу быть участником гибели дела -- столь святого. Я с наслаждением, что Ты знаешь, помогаю Тебе во всем, но лишь когда я вижу цель и надеюсь на результат и пользу, а тут я боюсь просто. Поставь дело на правильную почву и точку: 3--4 лица представителями и общие полномочия, но не единоличные, Кнорринга председателем -- и дело будет хорошо, а так невозможно -- это у всех вызывает и подозрения и отрицательное отношение.

О себе я скажу, что уверен, что мог бы принести больше пользы, оставаясь в стороне, т[о] е[сть] частным лицом по отношению Твоей армии, но будучи вместе с тем хорошо осведомлен обо всем, что делается у Тебя там. Я многих вижу и знаю, со мною немного считаются, знают, что я говорю правду и иду прямо к цели, и вот, будучи независимым, мне легче помогать -- в совете же я по приглашению могу всегда принимать участие с правом совещательного голоса -- что будет лучше и полезнее для дела. От председателя будет зависеть принимать меня на совещания и от Твоих представителей -- осведомлять меня; приказы же приказы выслать мне. Я ради Твоего дела отказался от частной службы, дававшей мне кой-какую монету -- но совместить я это не могу, слишком занят. Меня смущает лишь одно во всем этом, это денежный вопрос: если с пользой действовать, то, конечно, мне надо чаще видеть разных лиц у себя и чаще бывать кое-где, а это связано с расходами, на что, как Ты знаешь, у меня средств нет -- вот что плохо, а то можно многое иначе поставить и многое сделать, т[ак] к[ак] у меня связи во всех почти министерствах, но надо этих людей знать и видеть. Будь у Вас средства, то это было бы просто и для дела весьма полезно и необходимо: стоять официально в стороне и вместе с тем действовать -- самое лучшее и полезное. Обдумай этот вопрос хорошенько и сообщи свое мнение и решение и переговоры с Паленом об этом. Я буду ждать ответа от Тебя скорого. Палену передай, что их письмо отправляется в Одессу.

Итак, будь осторожнее и измени срочно положение здесь -- поверь, что необходимо, обнимаю, Твой (подпись). По всей вероятности, Попов69.

Копия

26. Приказание Западному добровольческому имени графа Келлера корпусу

№ 01.Г. Митава. 6 октября 1919 года

№ 1. Первый пластунский полк, 2-й пластунский полк, батарея Мильде, батарея Ашехманова, искровая станция получают 6 октября продовольствие до 10 октября включительно.

№ 2. Интендантству до 12 час. 7 октября нагрузить броневой поезд № 7 на Восточном вокзале продовольствием в количестве на 8 дней для 2-го пластунского полка и бронепоезда. 7 окт[ября] 2-му пластунскому полку принять охрану продовольствия в броневом поезде.

№ 3. 8 окт[ября] интендантству погрузить большую баржу продовольствием на 5 дней для 1-го и 3-го батальонов 1-го пластунского полка и батареи Мильде. Баржу отправить 9 окт[ября] с буксиром "Р". Заведование транспортом принять подпоручику Квитчау.

№ 4. Утром 8 окт[ября] автоколонне нарядить в распоряжение продовольст[венного] транспорта 20 человек с 2 пулеметами для охраны.

№ 5. 9 окт[ября] с баржи выдать довольствие следующим частям на 5 дней вперед: 3-му батальону 1-го полка с полубатареей Ашехманова в Маиоренгоф, 1-му батальону 1-го полка с батареей Мильде в Усть-Двинске.

№ 6. Продовольствие для 2-го батальона 1-го пластунского полка отправить в Олай и раздать там. Дальнейшие приказания будут отданы дополнительно.

№ 7. Кроме того, погрузить на баржу патроны и артиллерийские снаряды, которые будут раздаваться на местах разгрузки. Подробные указания на этот предмет последуют через тыловые команды батареи Ашехманова и Мильде.

№ 8. Ввиду трудности доставки снарядов на фронт требуется крайняя бережливость в их израсходовании. Не количество выстрелов, а точность стрельбы обещает успех. О количестве выпущенных и еще имеющихся снарядов и патронов доносить ежедневно в оперативный отдел. О недостатке донести заблаговременно.

№ 9. Каждому солдату выдать 150 патронов; на каждый легкий пулемет выдать не менее 2000 патр[онов], на каждый тяжелый пулемет выдать не менее 4000 патр[онов], на каждое орудие выдать 200 снарядов.

№ 10. 7 окт[ября] снять все телефонные провода, соединяющие роты с батальонами и батареей с дивизиями. Начальнику связи корпуса распорядиться о снятии остальных проводов.

№ 11. Соблюдать строгий порядок в обозах. При остановках оставлять путь свободным. Колоннам друг друга не перегонять. К обозу каждого батальона назначить энергичного офицера.

№ 12. Больных и раненых 2-го батальона 1-го полка сдавать в санитарную колонну Железной дивизии. Раненых 1-го полка и 3-го батальонов и батарей отправлять в Митаву на возвращающихся пароходах.

№ 13. Батальонам и батареям ежедневно к 17 часам доносить о положении в оперативный отдел шт[аба] корпуса по телефону или радио. В донесениях сообщать: 1) О деятельности противника. 2) О деятельности своих частей. 3) О потерях. 4) О расходах патронов и снарядов.

№ 14. Пленных подробно допрашивать. Показания сообщать в оперативный отдел.

За начальника штаба полковник Григорьев

Разослано: штаб армии 1, штаб корпуса 1, корпусному интенд[анту] 1, ком[анди]ру 1-го пласт[унского] п[олка] 1, к[оманди]ру 2-го пл[астунского] п[олка] 1, к[оманди]ру 1-й арт[иллерийской] див[изии] 1, н[ачальни]ку автокол[онны] 1, н[ачальни]ку связи корпуса 1.

Копия

27. Приказ войскам Западной добровольческой армии

№ 04. Гор. Митава. Октября 1919 года

Секретно

Карта: 1:100.000

№ 1. Латыши и эстонцы продолжают сосредоточивать войска для наступления на Митаву. Они располагаются в следующих группах: в районе Кеккау и Олая, в районе имения Шварценгоф, фольварка Ценненгоф, имения Кальнцем; в приморских местечках Новый Бильдерингстоф -- Карлсбад обосновались выгнанные из нашего тылового расположения местные латышские комендатуры.

№ 2. 8 октября частям корпуса имени графа Келлера перейти в контратаку совместно с верными нашими союзными войсками.

№ 3. Группа "Балтенланд" переходит своим левым флангом через Гросс-Экау в наступление в направлении на Кеккау.

№ 4. Железная дивизия и части 1-го Западного добровольческого имени гр[афа] Келлера корпуса занимают к 7 октября исходное для наступления положение в следующем порядке:

3-й пех[отный] полк с 3-м артиллерийс[ким] отделением и 4-м эскадронном занимают участок от Скрайде до лесн[ичества] Миссе-Лель. 2-й пех[отный] полк с 2-м артилл[ерийским] отделением -- на участок от Бирзоль до им[ения] Олай включительно.

1-й пех[отный] полк (без 2-го батальона с 1-м артиллерийским отделением -- на участок от имения Олай (включительно) до болота Леттенбрух (исключительно).

Саперный батал[ьон] занимает лесничество Кливенгоф.

2-й бат[альон] 1-го пех[отного] полка с 2-м эскадронном располагаются вокруг имения Эрзель.

3-й бат[альон] 1-го пластунского полка с полубатареей Ашахманова с 1-м эскадр[оном] Железной дивизии под командой майора Дойн[а] располагается в Шлампене. Батальон перевозится в Шлампен в ночь с 6 на 7 октября по железной дороге, 1-й эскадрон отправляется в Шлампен 6 октября ночью.

1 и 2-й бат[альоны] 1-го пластунского полка и батар[ея] Мильде остаются на своих позициях в боевой готовности.

№ 5. Батарея Притч остается на своей позиции, для ее прикрытия ей передаются пулеметы 2-й конно-артилл[ерийской] батареи.

№ 6. 1-й бат[альон] 2-го пластунского полка остается в боевой готовности на своем месте.

№ 7. 3-му бат[альону] 1-го пластунского полка прикомандировать 4 конн[ых] ординарца из 1-го конного полка. Остальные конные офицеры и всадники 1-го конного полка передаются 7 октября утром 1-му батальону 2-го пластунского полка.

№ 8. Атака произойдет 8 октября следующим образом:

а) 3-му пех[отному] полку собраться в 8 час[ов] утра в направлении Плаканен -- Гранов -- лесничество в лесу Пельпервальд.

б) 2-му пех[отному] полку участвовать правым флангом при наступлении 3-го пех[отного] полка через Веллерют в направлении Скрунда, левым флангом наступает на дер[евню] Олай, а пройдя с[ело] Скрунда, поступает в распоряжение Железной дивизии.

в) ...-й пех[отный] полк 70 начинает атаку из северо-восточного угла леса между им[ением] Олай и болотом Леттенбрух и наступает далее в направлении на лесн[ичество] Лапе -- им[ение] Гренгоф. Ближайшая цель наступления -- достижение линии имение Шварценгоф -- имение Беббербек.

г) 2-й бат[альон] 1-го пластунского полка с батареей Мильде направляется ровно в 7 час. утра от лесн[ичества] Зельтинг на Ценненгоф, занимает его и продолжает наступление на Пенкенгоф, где вступает в связь с 1-м пех[отным] полком, от которого и получает дальнейшие распоряжения.

д) Саперный батальон, начиная от лесничества Кливенгоф, 2-й бат[альон] 1-го полка с 2-м эскадр[оном], начиная от им[ения] Эрзель, переходят в наступление на Кальнцем с таким расчетом, чтобы к 8 час. утра подойти к

Кальнцему и занять его совместной атакой. После чего наступление продолжится безостановочно по дороге озера Бабит до им[ения] Финкенгоф, где эти части поступают в распоряжение 1-го пех[отного] полка.

е) 3-й бат[альон] 1-го пластунского полка с полубатареей Ашахманова и с эскадром в 8 час. утра должны прибыть в Шлок и после очищения от неприятеля приморских поселков продолжают наступление на Новый Бильдерлингсгоф, обеспечивая фланг со стороны моря. По занятии указанных выше поселков 1-й эскадрон поступает в распоряжение 1-го пехотного полка, 1-й эскадрон и 3-й бат[альон] 1-го пластунского полка поддерживают непрерывную связь.

ж) Броневой дивизион, 2-й бат[альон] 1-го пластунского полка, 3-й эск[адрон], егерский батальон, стрелковая пулеметная команда фон Луц без 4-й роты находится в боевой готовности в 7 час. 45 мин. утра на Рижском шоссе головой колонны ус[адьба] Дальбинг в порядке, указанном выше, оставляя дорогу свободной для проезда.

з) Броневой поезд 7 октября в 8 час. вечера прибывает на станц[ию] Ливен-Верзен и придается 1-му батальону 20-го пластунского полка. Этот батальон вместе с бронепоездом должен 8 октября занять Тукум, поэтому он должен выступить заблаговременно, с таким расчетом, чтобы подойти к Тукуму в 8 час. утра. Частям этим оставаться в Тукуме для обеспечения нашего левого фланга и производить разведку в направлении на Тальсен.

Но 9. Авиаотряду усиленного состава Железной дивизии с 8 часов утра 8 октября производить разведку в направлении Кеккау--Торенсберг--Рига и в направлении Кальнцем -- Шлок -- Новый Бильдерлингсгоф. Летательные бомбометательные аппараты и аэропланы, передаваемые пехоте, с 8 час. утра начинают атаку неприятельских войск, двигающихся по Рижскому шоссе и по дорогам из Ценненгофа на им[ение] Баббербек и из им[ения] Пинкенгоф на Ригу.

Обратить особое внимание на то, чтобы пехотные части давали бы сигналы белыми ракетами для указания своего местонахождения.

Но 10. Когда неприятель будет опрокинут, 2-й батальон 1-го пластунского полка и 3-й пех[отный] полк немедленно продолжают наступление до Двины.

1-й бат[альон] 1-го пластунского полка исполняет приказания командира 3-го пех[отного] полка и должен занять мосты через р[еку] Двину, 3-й пех[отный] полк удерживает Торенсберг и производит разведку на севере до установления связи с 1-м пех[отным] полком, а к югу -- до установления связи с немецким легионом.

Но 11. 1-й пех[отный] полк с подчиненными ему частями по достижении р[еки] Двины занимает участок от Кипенгольма до устья. 2 бат[альон] 1-го пластунского полка будет направлен в Усть-Двинск.

Но 12. Санитарной колонне Железной дивизии в 8 час. утра 8 октября быть в д[еревне] Скуйе.

Но 13. Штаб Железной дивизии 8 октября в 8 час. утра прибывает на Рижское шоссе и затем направляется к Олаю.

Но 14. Я буду находиться в г[ороде] Митава, а впоследствии перееду в им[ение] Олай.

Командующий армией полковник Авалов
Начальник штаба полковник Чесноков
Приказ отпечатан в 8 экземплярах.
Приказ разослан в ... час. 6 октября.
Копия

28. Неизвестный автор -- Бермонту-Авалову

7 октября 1919 года

Дорогой Павло. В дополнение к моему письму считаю нужным и настоятельно необходимым высказать Тебе свои опасения и удивление по поводу деятельности Реммера и данных ему Тобой широких полномочий. Все это опять не единообразие -- а именно это нам надо, чтобы работать заодно с вашим или, вернее, нашим правительством в Митаве. Если теперь будут правительством назначены

представители его сюда, то немыслимо же, чтобы с отдельными полномочиями от Тебя действовал бы Реммер т[аким] о[бразом], что его работа весьма неясна и, скажу, страшна. Называть себя Поташиком⁷¹ и жить совершенно невероятно широко и т. д. -- вызывает подозрения, и кроме того, никто не знает, какие обязательства он дает и насколько они приемлемы и исполнимы для Вас там. Выходит опять то, что было и что удалось ликвидировать, наконец, и к счастью. Немыслима такая работа, я не сторонник ликвидации Реммера, но категорически настаиваю, чтобы представители здесь были бы назначены правительством и чтобы их работа была бы общей и никаких отдельных лиц с полномочиями не было бы, а то дело опять не пойдет. Невозможно иметь нескольких хозяев одного дела: две няньки, а ребенок расшибает себе башку -- так будет и здесь, что несомненно, и так и знай, и имея в виду лишь пользу дела, переговоры с Паленом и действуй сообща: невозможно иметь неизвестного правительству посланника "Превосходительство" с адским шиком и т. п., который не в полном контакте с местной властью. Я надеюсь, что Ты с этим согласишься и уступишь. Ведь Ты знаешь, что хотим мы все лишь благо дела и Твое, а не личной выгоды, почему и должен так оценивать наши советы и, скажу громко, требования к Тебе, как у власти стоящего и не имеющего право играть и рисковать этой властью, когда от этого столько зависит: тут личности и личные интересы должны быть в стороне.

Я убедительно Тебя прошу и настаиваю, если не хочешь губить святое дело, послушайся меня, и действуй осторожно, и берегись тех, о которых Тебе пишут Твои верные друзья. Ты многого не знаешь и не можешь знать, и описать все трудно -- но верь мне, Тебя и дело не хотим губить, а наоборот, всячески готовы его поддержать и помочь; не мешай же нам и не порть дело из-за личных видов и симпатий, тут все должно отпасть: только Россия и ее благо -- этого мы все хотим, об этом мечтаем мы все. Я очень надеюсь и уверен, что Ты, обдумав положение, сделаешь то, что надо -- Ты слишком умен, чтобы не схватить мысли и понять положение и чтобы желать гибели столь великого Тобю созданного дела.

Ну, Господь с Тобю, обнимаю Тебя.

Твой старый друг (подпись)⁷²

Копия

29. Доклад начальника политического отдела Западной добровольческой армии Бермонту-Авалову

Секретно

№ 31. 8 октября 1919 года

Имею честь продолжить вчерашний мой доклад. По вопросу, как относится правительство полковника Авалова-Бермонта к Германии вообще и к войскам генерала графа Гольца, я ответил, что само собою правительство полковника Авалова-Бермонта будет смотреть такими же глазами, какими смотрел и будет смотреть сам полковник. Полковник же всегда заявлял, что того считает истинными друзьями России, кто ей в действительности помогает. Раз Германия дает средства для борьбы с большевиками, может ли полковник Авалов-Бермонт и его правительство отказаться от того, что в настоящую минуту России наиболее необходимо. Соглядатаи Антанты тотчас же поторопились засвидетельствовать, что раз командующий стал на точку зрения европейской ориентации в вопросах внутренней и внешней политики, все симпатии миссии всегда будут на стороне нашей.

Вчера в 2 часа дня ко мне заявился представитель американской объединенной прессы⁷³. Начал с того, что вот де появилось сообщение об образовании Временного правительства западной России. Просит разрешения узнать подробности этого, чреватого последствиями, события. Я ответил, что официально мне об этом факте ничего решительно не известно, но что и мне стали известны слухи, что в Митаве якобы Временное русское правительство сформировано; далее я сообщил все то, что говорил ранее этого англичанам. Американец в восторге, что, наконец, вопрос импорта и экспорта, благодаря присутствию власти, возможен к разрешению. Американец обещал сообщить во всю американскую прессу с целью привлечения не только симпатий на нашу сторону, но и реальной поддержки. Обещал в ближайшее же время сообщить, как могут реально пойти нам навстречу консорциумы американских банков. Я категорически указал, что правительство Вашего Превосходительства довольно уже по тому одному, что в его ведении сейчас находится сырье в очень значительных

количествах, а сырье -- наилучшая валюта.

2. Вопрос об учреждении банка налаживается тем, что вместо германских марок Ориент-банк вносит ост-рубли⁷⁴. Кроме того, ввиду предложенного бароном Энгельгардтом его устава банка мы решили объединить уже намеченный нами план и структуру с пожеланиями и уставом барона Энгельгардта. Во всяком случае вопрос о внесении этим банком денег принципиально решен. Впредь же до этого для облегчения задачи барона Энгельгардта по вопросу об армейских деньгах я заручился контрактом с неустойкой, что к 23 октября мой контрагент по отпечатанию марок и гербовых знаков вносит таковых шесть миллионов. Я, получив этот контракт, копию которого завтра представлю Вашему Превосходительству, сейчас же сообщил это барону Энгельгардту, дабы последний мог сообразно сему действовать в его финансовых и других областях.

Генерал Малькольм, начальник английской миссии, поехал в Лондон, где настоятельно желает проводить мысль, чтобы со стороны Антанты не чинилось бы препятствия к созданию Западного противобольшевистского фронта, даже при условии, что в войска фронта войдут немецкие солдаты. Настроения в антантских кругах таковы, что там сейчас совершенно растерялись по этому вопросу. Во всяком случае считаю необходимым доложить, что вчера я устроил маленький обед, к которому пригласил Швабахера от военной группы, фон Бартельса от министерства иностранных дел и затем баронов Кнорринга, Энгельгардта, фон Брауна, от капиталистов господина Гоца (того самого, который печатает мне марки), капитана Непорожного и директора Ориент-банка. После предложенного прекрасного меню и вина я расположил всех к интимной беседе, в которой яркой нитью проходило от Бартельса и Швабахера, что западный русский фронт призван сыграть колоссальное значение и в деле борьбы с большевиками и в деле создания германо-русского союза. Все приветствовали образование, наконец, Вашим Превосходительством правительства, и, таким образом, есть с кем разговаривать.

Здесь определенно убеждены, что само собою разумеется, что ни один солдат из Курляндии не уйдет и весь этот злополучный ультиматум в конце концов пойдет по пути брестских требований.

Определенно могу сегодня засвидетельствовать, что еще никогда Западный фронт и его командующий полковник Авалов-Бермонт не приковывали к себе того внимания не только в Германии, но и вообще в Европе, как по опубликовании частных известий о сформировании Западного русского Временного правительства.

В русских кружках -- полное поражение Ваших противников, и те, которые еще вчера ругали вас, сегодня лебезят и корчатся в судорогах, опасаясь, что их прошлая деятельность закроет им доступ к Правительственному пирогу, по их понятиям.

Я уже доносил Вашему Превосходительству об участии распущенного Берлинского совета. Бывшие члены его готовы ныне поступить на службу к Вам, какое бы место Вы им ни предоставили бы. Генерал Бискупский один оказался приличнее остальных. Он по крайней мере определенно заявил, что "раз победил полковник Бермонт -- ему и книги в руки. Очевидно, это действительно человек, которого давно следовало поставить во главе всего дела, а мы только ему мешали".

Действительные виновники всех тормозов Вам очень скоро приедут в Митаву к Вам на поклон.

Из имевшихся в моем распоряжении в Берлине средств мною выдано было, согласно приложенного расчета, всего 27 550 марок. Само собою разумеется, я доношу это не на предмет возврата этих денег мне, а на предмет отчета Вашему Превосходительству о суммах, которые я израсходовал не по отпускам от армии, а из средств чрезвычайных. Из этих же чрезвычайных средств мною сделано полное оборудование берлинского отделения политического представительства Вашей армии.

Сегодня я послал Вашему Превосходительству телеграмму о том, что почтовые марки и гербовые знаки оплаты печатаются. Для установления строгого контроля в литографии за количеством ежедневно выпускаемых знаков мне пришлось привлечь четырех надежных людей, а именно: Гуаданини, фон Брауна, Гейства и Соболевского. Но этих людей недостаточно, так как контроль должен заключаться не только в простом присутствии в литографии, но и в подсчете, пересчете и дежурстве за рабочими у машин. К 25 октября будут представлены Вашему Превосходительству 6 миллионов марок, каковое количество поможет

барону Энгельгардту более чем существенно. Затем 5 ноября, и все остальные -- 15 ноября.

Чрезвычайно важным считаю доложить совершенно секретно, что эта же литография берется выполнить остальной наш заказ, о котором хлопотал все время Черемисинов. Дело в том, что бумага, которую достает Черемисинов, совершенно не соответствует назначению. Я нарочито прилагаю при этом его бумагу. С такими средствами можно лишь провалить дело. Между тем мне удалось достать бумагу и литографию. Жалко будет, если Черемисинов закупит разного хлама и дело не пойдет. Во всяком случае сегодня выяснилось совершенно ясно вопрос банка⁷⁵ и в воскресенье я вместе с директором имею выехать к Вашему Превосходительству с контрактом и деньгами.

Если мне будет разрешено провести план относительно бумаги, прошу срочно с обратной почтой прислать указания.

Очень прошу для выполнения контроля разрешить поручику Крестину с обратным же поездом ехать в Берлин, и он тоже будет сидеть в литографии, так как там должны находиться совершенно надежные люди. Ведь можно в такую историю влипнуть, какую и не ожидаешь, т[о] е[сть] почтовые и гербовые марки чтобы не появились у кого-либо постороннего.

Кроме того, надо иметь людей, с которыми этот товар можно было бы частями переправлять в Митаву, так как это же большие суммы. Сегодня большой день в рейхстаге, где спартакисты-независимые будут выступать с разоблачениями по поводу реакционной группы русских, создавших правительство западной России и желавшей на реакцию получить от американцев 300 миллионов. Это все, оказывается, было подстроено группой независимых во главе с Гаазе⁷⁶, которого вчера в Берлине ранил тремя пулями неизвестный. Все это "Фрейгейт", орган спартакистов, перевалил на голову Бискупского. Пошла злая катавасия, которая сегодня в рейхстаге примет форму нападения на правительство, допускающее вербовку в Берлине белой гвардии. Нами приняты все меры к ликвидации, подробности которой завтра доложу.

Вашего Превосходительства покорнейший слуга и искренне преданный А. Реммер

Копия

30. Бермонт-Авалов -- Юденичу

8 октября 1919 года

Сегодня латышская и эстонская части, угрожая мне, начали переходить демаркационную линию и вынудили меня дать им отпор, я для обеспечения своей базы занимаю линию Двина и иду на фронт на соединение с Северной армией.

Копия

31. Телеграмма Бермонта-Авалова Деникину

8 октября 1919 года

Командующему всеми военными силами на юге России генерал-лейтенанту Деникину

Доношу Вашему Превосходительству, что я только что послал за границу представителям союзных с Россией держав телеграмму следующего содержания:

*Представителям союзных с Россией держав.

21 сего сентября я, в качестве командующего находящимися в западной России военными русскими силами, сформированными для действия против большевиков, приступил к восстановлению порядка и мер безопасности в здешнем крае.

По сему поводу я вошел в соглашение с высшим начальником здесь находящихся германских войск, согласно которому я гарантировал постепенный

отход этих войск и безопасность их эвакуации в Германию.

Для того, чтобы выйти из хаотического состояния, в котором находится как управление, так и самый край, ныне занимаемый командуемыми мною войсками, я назначил при себе Совет управления и преподал ему указание выработать временное управление и подготовить базу для либеральных преобразований по демократическим принципам и желаниям населения.

К моему глубокому сожалению, Временное латышское правительство в это время стало собирать значительные латышские и даже эстонские силы на границах моего военного расположения, нарушая демаркационную линию и вызывая целый ряд столкновений тотчас после того, когда мною командуемые части заменили германские войска.

Я дал приказание всем выставленным мною заставам не предпринимать никаких действий против латышско-эстонских войск, даже несмотря на их постоянные провокации, но последние учли этот способ моих действий за слабость и предприняли ряд наступлений на мои позиции. Я был вынужден предпринять ряд мер, которые гарантировали бы нашу военную безопасность, и занять новую демаркационную линию, которая позволила бы мне начать военные действия против врага нашей Родины -- большевиков с необходимым успехом.

Я позволяю себе надеяться, что союзные с Россией державы пожелают, согласно договорам, соединяющим их с нашей Родиной, поддержать мои усилия и облегчить свободу действий моих войск.

Командующий Западной добровольческой армией полковник Авалов-Бермонт
Скрепил: председатель Совета управления западной России сенатор граф Пален

Управляющий делами Совета Зимин*

Командующий Западной Добровольческой армией полковник Авалов

Копия

32. Доклад штабс-капитана Таракус-Таракузио Бермонту-Авалову

№ 29. Митава. 9 октября 1919 года

Доклад штаб-офицера для поручений при командующем Западной армией, 12 сентября 1919 года, г. Митава

Ознакомившись с проектом г[осподи]на Недры и обменявшись по этому поводу мнением с юристами, докладываю:

Казенные имения, леса, здания и городские казенные земельные участки не могут рассматриваться как частная собственность и всегда принадлежат и находятся в ведении правительства данной территории. Поэтому возникает два положения:

1. Если признается существующее правление Латвии и его органа власти, то все вышеуказанное имущество Российского государства не может не принадлежать правительству Латвии, без которого оно существовать не может.

Только кабинетские земли, краснокрестное имущество, церковное, земли и имущества частных предприятий и лиц считаются "имуществом, принадлежащим собственникам".

2. Если смотреть на правительство Латвии, вследствие непризнания его пока конференцией держав Согласия, как на узурпаторов власти, то означенное казенное имущество можно требовать передать в ведение русских властей, причем нет сомнения, что правительство Латвии откажется от исполнения означенного требования, как в корне подрывающего его существование, почему придется свое требование поддержать военной силой.

Полковник Чесноков

Командующему всеми военными силами Латвии и Литвы.

Копия

33. Приказ Юденича вооруженным силам Северо-Западного фронта

9 октября 1919 года

В г. Митаву из Ревеля

Полковнику Бермонт[у] (копия полковнику Вырголичу)

Содержание: приказ Главнокомандующего всеми вооруженными силами Северо-Западного фронта от 9 октября 1919 г.

Ввиду того, что полковник Бермонт не выполнил к указанному ему сроку ни одного из моих приказов и, по полученным сведениям, даже начал военные действия против латышских войск, объявляю его изменником Родины и исключаю его и стоящие под его командованием войска из состава Северо-Западного фронта.

Всех оставшихся верными долгу офицеров и добровольцев приказываю немедленно подчинить старшему из них, который при поддержке английской миссии должен принять все меры для скорейшей отправки их на соединение с Северо-западной армией.

Генерал от инфантерии Юденич

Копия

34. Русская миссия Красного Креста для помощи русским военнопленным в Германии⁷⁷

№ 558, 9 октября 1919 года

Берлин, Уландстр. № 156.

Милостивый государь Павел Рафаилович,

В ответ на письмо Ваше от 30 минувшего сентября сообщаю, что миссия Российского общества Кр[еста] Креста в Берлине, в настоящее время сама крайне стесненная в денежных средствах, к глубокому сожалению лишена возможности оказать Вам материальное содействие для приобретения необходимого русской армии медицинского имущества. Тяжелое санитарное состояние действующих в Прибалтийском крае русских армий и местного населения было уже нам известно от уполномоченного Р[оссийского] общ[ества] Кр[асного] Креста в г[ороде] Риге А.А. Римского-Корсакова, обращавшегося к нам с ходатайством о поддержке, удовлетворить которое мы также не были в состоянии.

Если миссии Р[оссийского] о[бщества] Кр[асного] Креста удастся получить хотя бы часть находившихся в распоряжении большевистского Кр[асного] Креста денег, на которые был в прошлом году наложен арест и о получении которых миссия давно ведет переговоры с германским правительством, -- я, разумеется, почту своим долгом немедленно собственной властью оказать санитарному делу в Прибалтийском крае посильную помощь.

Пока же вынужден ограничиться представлением всей переписки по данному вопросу председателю Российского общества Красного Креста за границей г-ну Ключникову⁷⁸, прося его со своей стороны помочь, чем возможно, русскому делу.

Прошу Вас, милостивый государь, принять уверения в совершенном моем уважении и преданности.

Уважающий Вас барон Врангель

Копия

35. Вариант ответа⁷⁹ Бермонта-Авалова на приказ Юденича

№ 04. 10 октября 1919 года

Ревель, генералу Юденичу

Контрнаступление на латышские и эстонские войска предпринято мною, дабы не поставить мою армию в положение, в которое вы поставили Северную армию,

не обеспечив ее тыла.

За предыдущими приказами Вашими следовали разъяснения через офицеров от Вас об необязательности этих приказов для меня, так как Вы не являетесь полным хозяином Ваших действий. В таком смысле я понимаю и последнее.

Дальнейшими операциями надеюсь принести пользу не только Родине, но и Северной армии.

В достоверность выдвигаемых Вами чудовищных обвинений я не могу верить, так как в то же время, когда Ваша армия находится в условиях, невыносимо тяжелых для русской гордости, моя армия занимает в Курляндии должное место и в прежнем величии поднимает русский флаг.

Полковник Авалов

Копия

36. В.Д. Швабах -- Бермонту-Авалову

Берлин, 10 октября 1919 года

Вашему Превосходительству как главнокомандующему Западной русской армией приношу мои сердечные поздравления к созыву Совета управления западной России и присовокупляю к этому надежду, что соединенными силами войск, находящихся в Прибалтийском крае, под Вашим отличным командованием, удастся разбить общего врага, большевиков, которые вместе с тем являются и врагами всего цивилизованного мира, и тем проложить дорогу к возрождению России.

С выражением искреннейшего уважения преданный Вашему Превосходительству В. Д. Швабах

Копия

37. Неизвестный автор -- Бермонту-Авалову

10 октября 1919 года

Князю Авалову, полковнику Бермонт[у], командующему русской Западной армией.

Ваше Сиятельство знает, с каким особенным вниманием я следил за ходом формирования корпуса имени графа Келлер[а]. Я знаю, с каким усердием Ваше Сиятельство принялись за обучение созданного Вами лично корпуса, знаю, как Вы сумели поднять дисциплину в Вашем вновь созданном отряде и снискать доверие Ваших подданных.

С большим умением провели Вы взятую на себя задачу через все водовороты политики и занимаете теперь выдающееся положение как командующий русской Западной армией.

Я поздравляю Ваше Сиятельство с успехом русской Западной армии в последних боях. В первый раз за более чем сто лет сражались тут русские и германские войска бок о бок, и я с особой радостью передаю Вашему Сиятельству о слышанных мною похвалах молодым русским отрядам.

Да дарует Господь и дальше Вашему правому делу полную победу на благо Вашего Отечества и борьбе против большевизма на благословение всего культурного мира⁸⁰.

Копия

38. Неизвестный автор -- Бермонту-Авалову

11 октября 1919 года

Дорогой Павлик, хочу через Энгельгардта поздравить Тебя с успехом, дай Бог и дальнейшего в этом святом деле. Надеюсь, что удастся здесь скоро опять завоевать доверие, что трудно после всех происшедших здесь мерзопакостей, и газетной травли, и разоблачений деятельности героев патриотов Бискупского, Дерюгина, Дурново и др., все они оказались поганцами основательными. Ты видишь, я был прав, говоря Тебе о них. О Дурново я писал в последнем письме, но беру все назад, он после всего, что сделал, совершенно недостойн служить в чистой организации, его нельзя допускать и близко. О Бискупском и говорить нечего, если бы он приехал к Тебе с повинной, то его место у стены или на дереве -- слишком много он вредил русскому делу и потерял своим словом свою честь бесповоротно.

К сожалению, трудно в печати опровергнуть всю мерзость и этим выяснить, что Западное правительство, сделавшее столько мерзостей, шуму и вреда, не должно быть смешано с нынешним и что Вы там не причастны, -- а невозможно категорически выступить благодаря тому, что у Бискупского на руках Твоя же бумага с просьбой образовать правительство, а он, несомненно, воспользуется -- вот Ты и видишь, как опасна такая бумага и доверенности и полномочия -- о чем я Тебе уже писал: это делать нельзя, слишком опасно для дела, поверь мне, ведь теперь Ты видишь сам, что я прав, нельзя дробиться, необходимо единство действий.

Энгельгардт убеждал меня переехать к Вам работать, но ведь это сложно, как бы я этого ни желал -- ведь семья должна оставаться здесь и на два дома жить слишком дорого для меня, бросив здесь службу. Мне это очень грустно, т[ак] к[ак] в "России" давно хочется служить и работать. Я очень надеюсь, однако, что и здесь пока мне удастся помочь Вам так или иначе, если меня пригласят к делу будущие представители правительства, но и тут вопрос тесно связан с монетой, -- но зло в том, что, не будучи в состоянии видеть у себя, надо и бывать где следует, а это необходимо, чтобы работать и влиять с успехом, это Ты поймешь.

Не найдешь ли Ты возможным и нужным подумать о тех, которые здесь работают -- и работают очень усиленно и хорошо, как Карцев, и произвести в следующий чин. Карцов молод, но работает честно, преданно и много, и его поощрить Ты должен -- подумай вообще о здешних работниках, положение которых весьма тяжелое и работа сложная и неблагодарная, но незаметная, а Ты и правительство по военной и гражданской отраслям можете и должны поощрить своих верных сотрудников тем или иным способом -- это и в Твоем духе, я это знаю. Интересно, как дела дальше пойдут -- дай Господь Вам успеха и благополучия.

Пока всего доброго, крепко обнимаю Тебя. Твой друг (подпись) 81

Прикажи Глумецкому, этой свинье, написать мне.

P.S. Убеждаю Тебя подписываться всегда одинаково, а то в газетах глумятся про то, что то Бермонт, то Авалов, то Авалов-Бермонт, не надо им давать поводов и темы для глумлений -- ведь пресса г... изрядное.

Копия

39. Неизвестное лицо -- Бермонту-Авалову

Уландштр[ассе], Шарлоттенбург. 14 октября 1919 года

Дорогой Павлик, дал Энгельгардту уже одно письмо для Тебя, но хочу еще кое-что Тебе высказать по-дружески и просить Тебя по-дружески кое о чем. Меня Энгельгардт усиленно уговаривал немедленно ехать в Митаву, и занять должность по его министерству, и стать во главе отдела таможенного, чтобы наладить дело -- это предложение весьма лестное и даже материально обеспеченное, т[ак] к[ак] я мог бы оставить семью здесь, которую я бы все равно не взял бы сейчас с собою, но целый рад вопросов и дел здесь меня задерживают, и положительно ехать сейчас было бы для меня убийственно. Я мог бы получить на месяц отпуск и ехать к Вам с тем, чтобы затем вернуться, и

меня заменит здесь сын моего начальника А.Ф. Гамма, но Ты поймешь, что хотя я юридически и мог бы вернуться, но нравственно нет, т[ак] к[ак] согнать с места сына начальника отозвалось бы на отношениях -- это ясно, не правда ли. Меня ужасно тянет туда, но если бы, не дай Бог, дело не окрепло, то я остался бы с семьей на улице, и Ты поймешь меня, что я этого не хочу рискнуть⁸². У меня была иная идея и иное желание: Ты мне тогда мило и по-дружески предложил в штабе должность по гражданской части, да если дело наше, даст Бог, окрепнет и разовьется, то будет много мест по моей специальности -- по администрации (а таможенное дело я совершенно не знаю), и тогда была бы возможность там Вам помогать, теперь мне кажется, что я мог бы здесь приносить еще много пользы благодаря своим знакомствам и связям и службе в русском комитете и консульстве, и было бы для дела лучше пока быть здесь. Я бы мечтал вот о чем, быть бы причислен либо к правительству, либо к твоему штабу или Тебе с откомандированием, вернее, оставленным в Берлине, здесь бы многие этого не знали и считались бы со мною больше, чем со служащими. Представитель же здесь Кнорринг или кто иной мог бы меня использовать, и ежедневно от 3 час[ов] я был бы к услугам, я же звал бы его к себе, когда надо, и бывал бы где надо, и влиял бы, и направлял бы. Ты же имел бы верного человека, готового защищать твои интересы и их отстаивать, и жена моя тоже имела бы возможность проявить свои отношения к тебе и нашему делу. Ты бы меня зачислил, с производством в приличный чин, т[ак] к[ак] у немцев это очень важно -- а ведь я имею права, т[ак] к[ак] ордена Анны II и Владимир 4-й степени были подписаны Государем и пожалованы, проклятая революция помешала их получить, а поэтому я с [19]17 года с весны получал бы чин вдвойне и был бы в 1920 году действ[ительным] статск[им] сов[етником], а там можно всегда, за особо выдающие заслуги и т.п. в исключительно тяжелое время и т. д. произвести бы в статские сов[етники]. Это и Ты, и правительство в полном праве сделать, а это адски действует на немцев, которые падки на это.

Я бы здесь работал для Вас и, если бы видел, что здесь все идет хорошо и там нужен люд, перебрался бы сюда. Я бы мог приезжать к тебе с докладами и т.д., здесь я бы часть своего жалования отдал бы сыну Гамма, который бы помогал мне, но, конечно, ты должен был бы ассигновать мне кое-что на представительство, т[о] е[сть] чтобы я мог звать к себе и бывать кое-где, не считая каждую копейку, но все же это было бы дешевле, нежели там давать мне, кроме 3000 мар[ок], обещанных мне Энгельгардтом, квартиру, обмундирование и паек. Если бы ты мне давал бы здесь 2500 или 2000 мар[ок] без всяких прибавок, то я бы мог многое сделать -- этому поверь. Энгельгардт думает, что здесь уже не важно, а я уверен, что он очень ошибается, здесь еще много надо делать, особенно теперь, когда Бискупский, Дерюгин и компания всю работу против тебя и, тогда в министерствах и в наших кругах такие лица, как я и Конрадий Ост[ен]-Сак[ен], которые имеют связи, влияние и известное здесь имя, могут еще много пользы принести и могут Вам послать полезных людей. Я бы на твоём месте и Конрадия, который очень тебе предан, использовал бы здесь по финансовой части, его прежняя фирма очень важна здесь и его связи в министерствах тоже. Если ему тоже ассигновать 1500--2000 мар[ок] -- это было бы грош для Вас, а для дела -- идеально, это я тебе искренне говорю на пользу дела; и ты и Пален в свое время ведь думали обо мне для Берлина, так вот: сделай так, как я советую, и поверь, что это будет хорошо и ты не пожалеешь, что два Ост[ена]-Сак[ена] здесь на тебя работают. Мы бы с Конрадием приехали в Митаву ознакомиться бы со многим и о многом доложили бы и это все можно было бы, если бы мы состояли у тебя и были бы хорошенько обеспечены. Ты и Пален могли бы высказать представителю здесь наше желание, чтобы мы или я был бы привлечен к делу с правом совещательного голоса и сотрудничали бы с ними. Гамм всецело будет работать в нашем направлении, если я его буду интриговать, а он товарищ Сазонова по лицу, [на] Иванова вопреки Дерюгину будут влиять, а ведь это все очень важно, на Брандта мы тоже можем влиять -- так что в общем деле достаточно и, я думаю, даже важнее, нежели теперь там, где люди найдутся. Я был бы тебе очень благодарен, если бы ты, обсудив этот вопрос, прислал мне телеграмму со своим решением обо мне и, может быть, тоже о Конрадии, это скорее писем, а ведь важно скорее знать решение, а то волнуешься ужасно и время идет. Я в страшно нервном состоянии и т. д., и прикажи прислать мне. Я уверен, что если ты согласен со мною и захочешь, то ничего тебе не стоит это дело сделать, а это

было бы и для дела и для нас идеально хорошо. Обдумай все это с точки зрения деловой и дружеской, реши и телеграфируй мне срочно, я с нетерпением буду ждать известия от тебя и ничего не решу пока, но знай, что мне нужен скорый ответ от тебя и точный, а то ничего не смогу больше сделать, а это для меня будет ужасно плохо и неприятно. Очень прошу тебя, реши и сейчас сообщи. Если ты решишь благоприятно, то мы скоро появимся у тебя для переговоров о многом, если ты согласен, то укажи там же, у кого и сколько монет получить, чтобы не вышло бы недоразумений ни с кем здесь. Жду решение с волнением, я бы советовал Карцова пока оставить здесь, пока все не наладится окончательно, еще он здесь, хотя я и понимаю, что Энгельгардт его хочет, т[ак] к[ак] он хороший работник, но он не убежит, а сейчас пусть побудет здесь, есть еще важная работа, поверь.

Мета очень кланяется, она тоже очень против того, чтобы я сейчас ехал, зная, что здесь важны люди, -- ты ее знаешь, она бы не противилась ради каприза, а именно потому, что знает положение здесь лучше многих и сама основательно содействует нашему делу.

Итак, не откладывай решение и сейчас же срочно телеграфируй. Очень прошу тебя, как друга, т[ак] к[ак] иначе мое положение весьма тяжелое, то могу остаться между стульями, ибо служебный месяц на днях⁸³ и тогда должно быть все выяснено.

Обнимаю крепко Твой друг (подпись)

Копия

40. Воззвание правительства Северо-Западной области России *К русским солдатам и офицерам отряда Бермонта*

Между 9 и 14 октября 1919 года⁸⁴

Гг. офицеры и солдаты! Вы слышали призыв к вам главнокомандующего генерала Юденича. Вы читали приказ главнокомандующего, коим он объявляет изменником родины полковника Бермонта (Авалова), а всех верных родине сынов зовет на Нарвский фронт, туда, где идет сейчас наступление на злейших врагов родины, на большевиков.

К вам обращается правительство Северо-Западной области России. Бросьте немецкие ряды и идите к нам под командою старшего офицера, как это приказал нам главнокомандующий. Вы видите явную измену родине. Бермонт получил приказ идти на подмогу Нарвского фронта, он не исполнил приказа. Вместо этого, он ударил на Ригу и на латвийские войска, воюющие в союзе с нами против большевиков. Вы знаете, чем грозит нашему фронту эта измена. Победоносно начавшееся наступление⁸⁵ может остановиться, латвийские войска будут отвлечены от борьбы с большевиками, эстонские войска пойдут на подмогу Латвии, тыл наш ослабнет, и мы должны будем вновь ожидать лучших дней. Большевики же получают передышку, соберутся с силами и начнут вновь бесчинствовать, проливая невинную кровь, замучивая восставшее русское население.

Этого ли вы хотите? Нет, правительство уверено, что вы не допустите до такого злорадного торжества палачей народной воли и свободы. Правительство уверено, что вы исполните святой долг и откликнитесь все как один человек на призыв своего главнокомандующего. Вперед на Нарвский фронт, вперед без колебания. Пусть восторжествует железная воля ваша идти на помощь к освобождению родины. Не поддавайтесь уговорам и обещаниям, не верьте врагам родины, вступайте смело на путь славы, свободы и счастья для себя и для несчастной, истерзанной русской земли. На вас смотрит вся Россия. К вам тянутся с мольбою руки мучеников и заключенных в тюрьмах, казематах и подвалах. К вам обращены взоры умирающих женщин и детей. Спасайте их. Родина будет вам благодарна. Она позаботится и о вас и о детях ваших, и вы заслужите гордое и почетное звание спасителей отечества. Вперед на Нарвский фронт. Вас зовет правительство, на знамени которого начертано: "Земля и свобода".

Правительство Северо-западной области России⁸⁶

41. Доклад неизвестного автора Бермонту-Авалову

№ 49. 14 октября 1919 года

1. В здешних политических и финансовых сферах чрезвычайно заинтересованы не фактом бесчестного поступка по отношению к Вашему Сиятельству со стороны генерала Юденича, этого попрыгача англичан, и эстонского наймита Иванова, а лихорадочно ждут разъяснения отношений генерала Деникина к Вашему Сиятельству и Вашему правительству. Необходимо в самый кратчайший срок полученный благоприятный ответ генерала Деникина предать самой широкой огласке всей прессы. Этого с нетерпением ждут все немцы и Антанты.

2. Посещающий меня князь Кропоткин сообщил мне о том же в таком же освещении. Я просил его непременно подчеркнуть французам необходимость представительства Вашего Сиятельства в Париже. Сегодня князь Кропоткин прибежал ко мне и сказал, что французы не только согласны, но предоставят лицу, которое Вашим Сиятельством к тому будет уполномочено, визы и даже посольский вагон прямым сообщением в Париж. Необходимо такое лицо в спешном порядке отправить. Я не смею представлять кандидатов, но полагаю бы, ввиду чрезвычайной важности сделать это в спешном порядке, предложить Вашему Сиятельству, не нашли ли бы возможным, хотя временно, поручить эту миссию князю Кропоткину, который по возвращении из Варшавы мог бы немедленно выехать в Париж. Необходимые инструкции и полномочия можно было бы выслать барону Кноррингу, который к воскресению должен быть обратно из его поездки в Баден-Баден.

3. Я уже имел честь доложить Вашему Сиятельству о том, что в Париже на мирной конференции решено вопрос о Балтике предоставить разрешению самой России. Общее настроение всей иностранной прессы, не исключая и самой Англии, по отношению к Вашему Сиятельству и по отношению, в частности, к действиям Вашим в Прибалтике весьма осторожное, так как настоящие Ваши действия еще не выяснили главное: к чему вы стремитесь -- к Москве ли, или все Ваше выступление под Ригой есть не что иное, как баронское дело. Поэтому позволяю себе доложить, что как воздух необходимо теперь же предпринять определенную диверсию на Двинск или Режицу. Ваше заявление ульмановцам о мире и совместных действиях выбило из рук Антанты оружие, но Антанты на страницах своей прессы ждет не слова, а дела, как то пишет "Темп" 87.

4. Поручение относительно крестов и медалей исполнено будет через восемь дней от сего числа. Стоимость всего заказа около пяти тысяч марок. По изготовлении хотя бы части заказа -- таковой немедленно представлю с особым курьером.

5. Хотя здесь и очень ждут известий о занятии Вами Риги, но еще раз позволяю себе высказать свой личный взгляд по этому вопросу. Само собой разумеется, что триумф Вашего Сиятельства был бы колоссальным, но со взятием Риги связано непрременное требование обеспечения всего населения хлебом, с одной стороны, а с другой -- занятие Риги есть прямой вызов Антанте. Ригу же нужно занять тогда, когда Антанты совершенно примирится с мыслью аннулирования Ульманиса, во-первых, и, во-вторых, когда Англия сама начнет защищать ту русскую Ригу, которая начнет грузить на английские пароходы в адрес английских купцов лен, пеньку, кожу, лес и шерсть. Консорциум и синдикат, которые я здесь создаю, состоят из немецких, английских и голландских капиталов. Сегодня в восемь часов у нас последнее заседание с представителями французов, от которых в синдикат предполагается Каминка (петроградский банкир). От его имени и по его доверенности выступит Либиенталь, способнейший и толковый торговопромышленник Москвы. Сегодня он был у меня и заявил, что 90% за то, что и французы в синдикат войдут, ибо положения синдиката считают лучшим выходом из путаницы вопроса о Балтике. Дело в том, что этот синдикат сейчас же начнет влиять на всю прессу Лондона и Парижа и потребует открытия портов [от] того правительства, которое, наконец, является настолько дееспособным и сильным, что заключаемые торговые договоры можно будет с уверенностью считать жизненными.

Завтра общее заседание всех представителей учрежденного синдиката, и я очень жалею о том, что В.М. Поппе не будет возле меня 88.

Копия

42. **Неизвестный автор -- Бермонту-Авалову**

Берлин, 15 октября 1919 года

Дорогой Павел Михайлович,

Приношу Тебе мою самую искреннюю сердечную благодарность за то гостеприимство, которое ты мне оказал в Митаве. До сего времени я нахожусь под тем хорошим и отрадным впечатлением, которое я вынес от всего этого, что я у тебя видел.

Действительно у Вас делается работа в широком государственном масштабе. Дай Бог Тебе это большое, русское дело довести до благополучного конца.

Понемногу и здесь, в Берлине, переходят на нашу сторону, и свои прежние отношения объясняют тем, что раньше не так нас понимали, а потому и не могли согласовать свои действия с нашими.

Был я по приезде у полковника Брандта -- военного агента, он в определенной форме заявил, что взятие Риги исключительно может быть оправдано только в случае отправки хоть и небольшой добровольческой части на большевистский фронт; при этих обстоятельствах у него будут руки развязаны и он обещает с пеной у рта отстаивать всех нас у англичан, что движение вперед можно произвести, обеспечив себе тыл. Французы, по-видимому, не одобряют английской политики по отношению к России, и мы здесь пользуемся, чтобы одних натравить на других.

Одно могу сказать, что Твоя определенная политика, а главным образом решительный образ действий производит здесь очень солидное впечатление и все здорово с Тобой считаются; симпатии всех на Твоей стороне.

Сегодня утром нигде не могли найти А.К. Реммера, он как бы бесследно исчез, оказалось, что еще вчера из министерства иностранных дел его предупредили, что сегодня в 4--5 час. дня у него на квартире (Ронштр[ассе], 13) будет произведен обыск; конечно соответствующим образом приготовились, и он заблаговременно уехал в укромное местечко.

Поверхностный обыск только что, как мне сообщили по телефону, окончился вполне благополучно; с Реммером связь опять установлена. Так [что] у нас все благополучно, работа кипит, все Твои поручения я исполнил. Виктория Викторовна просит тебя поздравить с первым боевым успехом и шлет Тебе привет.

Посылаю Тебе флакон духов.

Крепко Тебя обнимаю и целую, искренне Тебе преданный и Тебя любящий
Твой (подпись) 89

Копия

43. **Второй вариант⁹⁰ ответа Бермонта-Авалова на приказ Юденича**

Ревель, 15 октября 1919 года

Контрнаступление на латышские и эстонские войска для обеспечения фланга и тыла моей армии предпринято, дабы не поставить ее в положение, в которое поставили Вы Северную армию, не обеспечив ее тыл.

За предыдущими приказами Вашими следовали разъяснения через офицеров от Вас о необязательности этих приказов для меня, в таком смысле понимаю и последнюю телеграмму.

Дальнейшими операциями надеюсь принести пользу не только Родине, но и войскам Северной армии. Изменником Родины себя не могу назвать, т[ак] к[ак] в Вашей телеграмме явный призыв к мятежу в моей армии.

Еще потому не считаю себя изменником, что в то время, когда на территории Северной армии ее чины унижены и оскорблены, -- чины моей армии во всей Курляндии пользуются уважением и российский флаг гордо развевается.

[Резолюция]: Секретно, кн[язь] Авалов

Копия

44. Радиотелеграмма Бермонта-Авалова правительству Литвы

15 октября 1919 года

Литовскому правительству, Ковно

Я командировал генерала Альтфатера⁹¹ с комиссией произвести расследование о беспорядках, допущенных чинами корпуса полк[овника] Вырголича. Виновные будут переданы военному суду, убытки возмещены.

Пользуюсь случаем еще раз подтвердить свое желание поддержать самое добросовестное отношение с литовским народом и правительством Литвы.

Не могу верить, чтобы литовское правительство не откликнулось на мой неоднократный призыв. Великая Россия возродится, и добро как и зло, сделанное ей во время ее возрождения будет учтено ею сторицей.

Командующий Западной добровольческой армией полковник кн[язь] Авалов-Бермонт No 138

Копия

45. Телеграмма Бермонта-Авалова правительствам стран Антанты

16 октября 1919 года

Представителям держав Согласия

Союзные корабли, находящиеся в Рижском заливе, в предыдущих боях с большевиками быстро уходили в море, не оказав поддержку борющимся с большевиками. В борьбе войск Западно-Добровольческой армии с большевистскими бандами Заметана, союзный флот второй день засыпает снарядами мой первый казачий пластунский полк и мирное население Торенсберга, проливая русскую кровь, как видно в благодарность за героическую помощь русских своим союзникам во время войны. Я должен усмотреть в этом полную поддержку врагов России -- большевиков.

Позиции своей не уступлю, и мои войска во главе со мной будут бороться до последней капли крови за благо России.

Командующий Западной добр[овольческой] армией полковник князь Авалов-Бермонт

Копия

46. Телеграмма Бермонта-Авалова командующему английской эскадрой

Ревель, 16 октября 1919 года

Получил Вашу 190 от 15 октября. Обеспечив ныне мою военную базу для похода против большевиков, уже 10 октября предлагал латышам прекращение военных действий. Прошу Вас помочь мне [в] достижении этой цели. Войска мои стреляли только по позициям угрожавших мне латышей. Считал корабли союзников друзьями России, а не частью латышского войска, борющегося против нее. Так как переговоры по радио слишком медленны, прошу выслать в Митаву уполномоченных [по] переговорам [для] скорейшего прекращения кровопролития. Требую прекращения огня союзных кораблей по моим войскам и по мирному населению Торенсберга.

Командующий Западной Добровольческой армией полковник князь Авалов-Бермонт

Копия

47. Телефонограмма полковника Евреинова Бермонту-Авалову

Торенсберг, 16 октября 1919 г. 16 ч[асов] 10 минут
Обстановка следующая: на позиции 1-го полка 5 часов утра и до настоящего времени идет бой 2-й батальон планомерно наступает и находится в настоящее время у перекрестка севернее Шмита, 1-й батальон в количестве 87 штыков правее 2-го батальона. Выежаю в штаб 1-го полка.

Полковник Евреинов

Копия

48. Граф Ф. Финкенштейн -- Бермонту- Авалову

Кенигсберг, 17 октября 1919 года

Секретно

Его Величеству⁹² госп[одину] полковнику князю Авалов--Бермонт, Митава.
Ваше Высочество⁹³, поздравляю к послаху, который русская Зап[адная] армия под командой В[ашего] Высочество подвергла.

На днях я в Берлине мог говорить о событии в Балтикуме. Единственное препятствие, которое моментально имеется, есть, финансирование армии В[ашего] Высочества с 1 ноября. Восточная Пруссия не имеет охоты или даже не имеет силы финансирования. Финансирование утяжелеет держание генерала Юденича и Антанты⁹⁴. Я надеюсь, в согласии В[ашего] Высочества, часть населения Вост[очной] Пруссии переговорить к тому, чтобы генералу Юденичу выслать радио с просьбой помогать Зап[адную] русск[ую] армию, чтобы в будущем Россия и Германия могли идти вместе.

Насчет Антанты, в особенности Англии, можно только сказать, что Англия хочет выиграть свои последние тузы. Но нужно дальше еще решать с злыми деятельностями Антанты. Я еще раз предлагаю, В[аше] Высочество, как 2 месяца тому назад, насчет финансирования вести переговоры с Америкой и Японией.

Если мы на руку получаем достаточную сумму, чтобы пережить зиму, то, по-моему, всякая опасность не выиграть не существует.

Я был бы очень благодарен, если В[аше] Высочество прикажете одному офицеру со штаба В[ашего] Высочества передать мне все события и которые даст ответ на мои письма и этим курьером вышлите мне приказы В[аше] Величество.

Мне очень печально, что на мои доносы насчет переговоров с Японией не обратили никакого внимания. Из-за этого терялось много времени.

На заседании герм[анской] национальной партии на следующей неделе будут говорить на счет Балтикума. Я сам туда поеду.

Я еще раз прошу ответить, как В[аше] Высочество относится к моим доносам.

Курьер этого письма скоро вернется назад в Кенигсберг и может ответ В[ашего] Высочества мне передать.

Я прошу курьеру сказать, когда он может придти за ответом.

С уважением покорного почтения я остаюсь Вашему Высочеству вернейший граф Финк ф[он] Финкенштейн,

Капитан и офицеры тайной разведки

Копия

49. Барон Остен-Сакен -- Бермонту- Авалову

Берлин, 17 октября 1919 года

Его Сиятельству г[осподину] командующему Западной армией.

При сем имею честь представить краткую совершенно секретную справку о переговорах с графом Роджиери, из итальянской миссии, на усмотрение и к сведению Вашего Сиятельства.

Барон Остен Сакен

Совершенно секретно.

Справка его Сиятельству г[осподину] командующему Западной добровольческой армией князю Авалову

Сего 17 октября 1919 г. в канцелярию комитета явился представитель итальянской миссии граф Роджиери для переговоров с действ[ительным] статск[им] советником А.Ф. Гамм[ом] -- представителем по гражданской части. Гр[аф] Роджиери хотел выяснить вопрос об отношении к латвийскому правительству и его представителям здесь, визирующих паспорта для проезда в Италию. А.Ф. Гамм привлек меня к беседе, как знакомого с вопросами в Балтике. Я высказался против сношений с нашей стороны с местным представителем министерства Ульманиса и против принятия каких-либо гарантий за лиц, едущих по визам названных выше представителей в Италию, не считая возможным ручаться за их большевистские взгляды. Вопрос о здешнем представительстве правит[ельства] Ульманиса будет частным образом затронут в Минист[ерстве] ин[остранных] дел А.Ф. Гаммом. Гр[аф] Роджиери интересовался живо положением в Курляндии. Личностью командующего, его отношением к ген[ералу] Юденичу, причинами разногласий между ними, ролью Антанты, латышей, германскими частями в нашей армии, отношением между команд[ующим] и Гольцем и проч[им]. Я дал краткую картину о положении -- ясно какую. Гр[аф] Роджиери интересовался, впрочем, следует ли направить силы к тому, чтобы сблизить Антанту с Германией на платформе -- "борьба с большевиками" -- ответ наш, что "желательно, конечно". К Антанте, и в частности к Англии, гр[аф] Роджиери относится по меньшей мере с осторожностью, чтобы не сказать больше. На вопрос об отношениях германских войск к нашим, то я рассеял его опасения о возможных недоразумениях и столкновениях. Я настаивал на том, что надо всячески поддерживать новое образование и армии кн[язя] Авалова. Заставить Антанту согласиться на вступление германцев в нашу армию и пополнение ее всем необходимым из Германии. Гр[аф] Роджиери вполне соглашается с моим мнением. О Бискупском, Дурново, и др[угих] на его вопрос дал определенный отзыв. Дурново он знал раньше и о нем весьма нелестного мнения.

В указанном направлении намерен продолжать беседы -- гр[аф] Роджиери точно желает контакт. Разговор велся совершенно доверительный и участвующий -- иначе я и не мог выступать. В лице А.Ф. Гамма имеем сторонника.

Бар[он] Остен Сакен

Копия

50. Подпоручик Эбергардт -- Бермонту-Авалову

Берлин, 18 октября 1919 года

Многоуважаемый господин полковник,

Работа наша по получению танков, наконец, привела к желаемым результатам, и если и дальше нам удастся провезти танки через границу, то через недели полторы я привезу в Митаву 8 штук.

Фирма Гетте поставляет нам 8 штук танков взамен права вывоза леса на 400 000 марок, согласно условиям, подписанным гр[афом] Паленом и находящимся на руках у лейтенанта Кумме. До вступления во владение лесом мы вносим залог в 200 000 марок. Сумма эта должна быть внесена на днях и обещана мне шт[абс]-капитаном Черемисиновым. Сегодня я вернулся из Дессау, где смотрел танки, которые на днях начну грузить. Самое сложное в этом деле -- провоз в Митаву. Для этого я вошел в соглашение с экспортной конторой, которая берется под видом сена или другого материала доставить их до границы. Через границу я думаю переправить их своими средствами, для сего все

подготовительные работы мною уже налажены. Все дело в том, что доставка эта будет стоить больших денег, а их-то у меня нет. Само собою разумеется, что эксп[ортная] контора берет за это дело очень дорого, около 4000 мар[ок] за танк, что составляет уже 32 000 м[арок]. Кроме того, для перехода границы и всяких неожиданностей необходимо иметь деньги для подкупа, так что я считаю, что мне для доставки 8 танков немедленно нужно не менее 40-50 000 марок, иначе я отправить их не могу. Кроме того, срочность играет громадную роль, т[ак] к[ак], во-первых, с каждым днем работать становится труднее, все мы под надзором и в подозрении, а затем, 8 танков представляют настолько важную боевую единицу, что срочность их доставки вопрос первостепенный. Кроме сего, необходимо для отряда танков [иметь] грузовики, монтерскую, бензоль и проч[ее], что мне предложено через ту же фирму весьма дешево (в среднем, грузовик на резиновом ходу около 25 000 мар[ок]).

Для получения этого материала также необходим задаток. Необходимо также немедленно купить хорошую машину со всеми принадлежностями для командующего армией, о чем я уже докладывал бар[ону] Энгельгардту и на что просил у него денег. Ввиду всего вышеизложенного прошу Вас, господин полковник, в срочном порядке сделать распоряжение о немедленной выдаче мне здесь, если это возможно, или о весьма срочной высылке мне денег, по крайней мере 50 000 мар[ок] для отправки танков, если же возможно, то и на покупку остальных машин, чтобы в один раз все переправить.

Особенно подчеркиваю, что вопрос это особой срочности и в случае проволоочки может пропасть все дело. Об отправке и о дне перехода границы я буду Вам телеграфировать, причем слово танк заменяю словом "Верtpакет"95, прибытие на границу -- Анкомме нах хаузе96, прибытие в Митаву -- Рюккер нах хаузе97.

О получении этого моего письма прошу немедленно сообщить мне по телеграфу, а также сообщить насчет денег. Для того, чтобы я знал, что именно это письмо получено, прошу упомянуть в телеграмме слово "Верtpакет".

Благодаря работе Антанты сейчас мы настолько стеснены в работе, что приходится все делать конспиративно. О том, что у капит[ана] Непорожного на Карлсбад, 5 был обыск, Вам, наверно, уже известно. Я не знаю, какие шаги предприняты по этому поводу капитаном, но думаю, что следовало бы протестовать официально от имени армии, т[ак] к[ак] кап[итан] Непорожный ведь является оф[ициальным] представителем армии в Берлине и не может подвергаться такому обращению со стороны тайной герм[анской] полиции. Если успею получить завтра донесения Мор[ского] агенства, то приложу их, в противном случае отправлю потом. Еще раз, многоуважаемый господин полковник, покорнейше прошу Вас немедленно дать мне ответ, т[ак] к[ак] весь успех заключается в срочности.

Искренне уважающий Вас подпор[учик] Эбергардт

Копия

51. Подпоручик Попов -- Бермонту-Авалову

Берлин, 18 октября [1919 года], 14 часов

В[есьма] секретно и подлежит уничтожению.

Дорогой и обожаемый командир,

С большим волнением и радостью получаю сведения о Вашем первом выступлении на арену чести и славы, во имя спасения нашей Родины. От всей души имею честь поздравить Вас с священным походом против врагов Единой и Неделимой России и молю Бога, чтобы он даровал нам победу и открыл дорогу на красный Петроград, где нас ждет смерть и счастье Родины...

Сегодня в немецких войсках есть сообщения, что Петербург уже взят войсками Юденича. Публика к этим сведениям относится сдержанно, считая их тенденциозными. Так, сегодня распространился газетный слух, что союзный флот бомбардирует окрестности Риги и нанес чувствительное опустошение в рядах Ваших войск. Вчера передавали, что союзники поставили ультимативное требование очищения окрестностей Риги и бомбардировка -- репрессии за

неисполнение ультиматума. Германское общественное мнение на Вашей стороне. "Поход на Ригу -- поход на Антанту", вот как объясняют немцы Вашу боевую операцию. Многих удивляет, почему Вы до сих пор не заняли Ригу со своей 120 000 армией. Многие восхищаются полк[овником] Выргоlichem, который, заняв окрестности Шавли, объявил их сразу русской территорией. То же самое ожидают и от Вас. Тактику германского правительства к прибалтийскому вопросу трудно выразить точно. Правительство, напуганное блокадой и другими репрессиями Антанты, мечется и, по-видимому, не знает, что и делать. Левые круги то и дело осаждают правительство и рейхстаг запросами о принятых мерах для удаления войск из Курляндии. Также настаивают о закрытии нашего вербовочного бюро. Правительство, конечно, сулит им обещания и больше ничего... На днях у нас в бюро был обыск. Три немецких солдата и один австриец донесли в тайную полицию, что мы вербуем немцев и отправляем их в советскую Россию. По этому доносу полиция и сделала "поверхностный" обыск и, конечно, ничего существенного не нашла, а на прощание заявили: "Все же мы докажем, что вербуете немцев". Относительно вербовки русских они не заикнулись и устраивали вид, что это их не интересует.

Много шумихи подняла история с ген[ералом] Бискупским. Его имя и образование в Берлине "Западного русского правительства" ставят в связи с Вашим именем. Короче говоря -- дескать, генерал Бискупский Ваш ставленник и "Западное правительство" в Берлине сформировано по Вашему приказанию. Следовательно, торговая конвенция с каким-то представителем фирмы Морган произведена по Вашему указанию. Особенно вычислением виновности занимались газеты -- "Фрейгейт" и "Голос России" 98.

В последнее время в Берлине существовал "политический салон" во главе с г[осподи]ном Реммер[ом]. Вокруг имени этого "салона", в частности -- о г[осподи]не Реммер[е], создавались целые легенды. Насколько правдоподобны они, я не смею указывать их в том виде, в каком они муссируются в различных кулуарах. Некоторые лица, состоящие близко у Реммера, передают, что г[осподи]н Реммер не только "покровительствовал" ген[ералу] Бискупскому в его проделках, но и тайно поддерживал связь с ген[ералом] Юденичем, которому периодически писал доклады и посылал через какого-то офицера высокого роста. В докладах он подчеркивал "недостатки" курса Вашей политики и обрисовывал "настоящее положение вещей".

В его "салоне" часто бывали Бискупский, Зякин, др[угие] члены пресловутого "Западного правительства". Все действия и распоряжения были "секретные". Бумаги не регистрировались и отсылались без копии. Даже очень близкие Ваши друзья не имеют никакого доверия к особе г[осподи]на Реммера, а другие открыто говорят, что он большой руки "авантюрист", которому безразлично, какому Богу служить, и который меняет свои привязанности так же легко, как перчатки. Лично я г[осподи]на Реммер[а] не знаю и не берусь судить о его действиях. Жили в "салоне" больше чем с комфортом. Уверяют, что даже личные счета на костюмы оплачивались из казенных сумм и т.д.

Некоторые Ваши друзья не находят целесообразным опровержение графа фон дер Палена о непричастности к "Берлинскому Западному правительству", чем ген[ерал] Бискупский как будто бы ставится вне закона за свои "торговые" операции, и, возможно, германское правительство найдет нужным задержать ген[ерала] Бискупского, что якобы поставит Вас в щекотливое положение, т[ак] к[ак] у генерала есть бумага с Вашей подписью, разрешающая формирование Западного правительства, каковую генерал всегда может предъявить в доказательство законного формирования правительства.

Поручик Савченко, который с настоящим транспортом едет в Митаву, передает, что против капитана Непорожного, против меня и др[угих] лиц в Берлине существует какой-то заговор, [устроенный] якобы латышами, правдоподобность чего пока остается в неизвестности. Меры к выяснению приняты. Лично поручик Савченко не внушает доверия, возможно, что он латышский наемник и едет в Митаву с целью разведки. Н[ачальни]ка контрразведки армии я ставлю в известность для наблюдения за ним.

Податель письма -- поручик князь Ухтомский, н[ачальни]к эшелона. Из военнопленных, кадровый офицер, с женой. Долгое пребывание в плену, скитания и всякие унижения подорвали его здоровье. Особенно несчастна его жена. Если дольше здесь еще они побудут, то обречены на гибель. Было бы преступлением и позором, если бы допустить их к преждевременной смерти, постольку посылаю их к Вам, зная Ваше отзывчивое сердце. Для строя князь пока не годен и, кроме

того, имеет некоторые странности, но со временем они пройдут, все это налетное, плоды пребывания в плену.

Вербовку продолжаю по-прежнему. Делаю все возможное для большого транспортирования. Немцев и австрийцев больше не вербую, иначе погибнет все дело. Посылаю исключительно русских.

Шлю искренний привет, да хранит Вас господь Бог.

Да здравствует наше Святое дело, да здравствует наш великий отец-командир.

С нами Бог и восьмиконечный крест 99, эмблема славного корпуса. Подпоручик кн[язь] Попов-Эрбэктэйский

Копия

52. Полномочие Бермонта-Авалова Реммеру

Митава, 18 октября 1919 года

Секретно

№ 06

Полномочие, выданное мною Андрею Константиновичу Реммеру, от 2 октября 1919 г., настоящим подтверждается, и А.К. Реммеру предоставляются все предусмотренные в нем права по совершению сделок, заключению договоров и основанию учреждений с безусловной обязательностью их в районе действия и влияния Западной добровольческой армии.

Командующий Западн[ой] добр[овольческой] армией полковник

Копия. Резолюция: "К делу. Чесноков"

53. Князь Попов -- Бермонту-Авалову

19 октября

За последние два дня в Берлине распространяются слухи, что г[осподи]ном Реммер[ом] был командирован в г[ород] Нарву один штаб-офицер, который вел пропаганду среди войск ген[ерала] Юденича, чтобы войска перешли на Вашу сторону. Были уже частичные переходы отдельных чинов Северо-Западной армии. В конце концов работа этого штаб-офицера была обнаружена и по приказанию ген[ерала] Юденича виновник арестован. Кроме того, приказ ген[ерала] Юденича об отчислении Вас из состава армии является последствием обнаружения якобы преступной работы Вашего агента -- штаб-офицера.

Упорно держится мнение, что Рига через несколько дней будет занята Вами, хотя бы из-за того, что Петроград занят Юденичем. Между прочим, косвенным виновником скорого занятия Петрограда считают особу Вашего Сиятельства, т[ак] к[ак] Антанта, боясь, что Петроград может быть занят Вами, решила во что бы то ни стало и как можно скорее взять С.-Петербург, для большего закрепления в России своего влияния и авторитета. Военные круги считают преждевременным занятие Петербурга, и многие полагают, что С.-Петербург будет занят только Вашими войсками.

Вчера вечером, в 11 час[ов], транспорт, отходящий в Митаву, задержан немецкой комендатурой. Также были арестованы: нач[альник] эшелона поручик кн[язь] Ухтомский, ротм[истр] барон Буксгевден, я, поручик Савченко, вольноопред[еляющийся] Руге и др. Нам ставили в вину, что мы вербуем немцев, и, когда выяснилась неправдивость этого, нас выпустили в тот же вечер.

Кн[язь] Попов-Эрбэктэйский.

Копия

54. Бермонт-Авалов -- премьер-министру Литвы

Ковно. Г[осподи]ну председателю Совета министров литовского правительства

Очень рад усмотреть в Вашей телеграмме выражение сочувствия нашей цели в борьбе против общего врага. Прошу Вас указать место, где мои представители могли бы совместно с представителями литовского правительства выработать условия передвижения армии на фронт Двинск--Режица.

По второй части телеграммы сообщаю, что эвакуация германских частей исходит от Генерала Эбергарда, который уводит постепенно немецкие части обратно в Германию. В остальном Вы поднимаете вопросы, подлежащие соглашению моему с державами союзников России.

19 октября 1919 года

Князь Авалов

Копия

55. Телеграмма Бермонта-Авалова миссии Красного Креста США в Риге

[Отправлена] 19 октября, Рига, Риан

Оба лазарета, находящиеся в Торенсберге: детский госпиталь на Митавском шоссе и лазарет No 2 на Бюргер-штрассе 13, находятся под огнем латышских орудий, последний был поврежден. На лазаретах имеется флаг Кр[асного] Креста.

Полковник Авалов

Копия

56. Предписание Бермонта-Авалова подполковнику Фирсову

20 октября 1919 года

No 1450, г. Митава

Военному летчику подполковнику Фирсову.

С получением сего предписываю Вам вылететь на самолете к месту расположения Высшего польского военного командования на противобольшевистском фронте, где Вам надлежит представиться главнокомандующему этим фронтом во главе миссии в составе: состоящего при мне представителя Добровольческой армии генерала Деникина Корниловского ударного полка прапорщика Маршал и поручика Шель для установления дружественной связи для совместных действий против большевиков между доблестными войсками великой Польши и вверенной мне Западной Добровольческой армией.

Копия. Резолюция: "К делу. Чесноков".

57/58. Телеграмма Бермонта-Авалова русской миссии в Берлине

20 октября 1919 года

Берлин Уландштр[ассе] 156, 1

Русская миссия, полк[овнику] Брандт[у]

Вчера отдал приказ и направил часть войск на большевистский фронт.

Полковник князь Авалов. No 193

Копия

59. Неизвестное лицо -- Колчаку

Митава, 20 октября 1919 года

Глубокоуважаемый Александр Васильевич,

Командующий Зап[адной] добр[овольческой] армией полковник князь Авалов-Бермонт просит меня написать Вам наше политическое положение, дабы предупредить те неверные измышления, которые распространяются в мире о его предприятии, и дать вам картину настоящего положения.

Полковник Бермонт вот уже более года собирает и создает здесь русский отряд для борьбы с большевиками и ведения его в бой с врагами России. Благодаря его энергии и обаянию, которым он пользуется в войсках, он собрал, вооружил и поставил на ноги значительный отряд до 60 [тысяч] человек и готов был выступить, взять Двинск и двинуться навстречу Южной Добровольческой армии, когда внезапно возникли препятствия со стороны образованных в свое время Германией мелких государств-буферов, отколовшихся от России и мечтающих о самостоятельности Латвии и Эстии¹⁰⁰. К несчастью, Антанта, вследствие близорукости ее здешних мелких агентов, приняла под свое покровительство эти детища Германии и слепо охраняет их сепаратистские тенденции. Так, Латвии показалось опасным пустить Бермонта в Двинск и далее, так как это ускорило бы воскресение России и поставило на очередь вопрос о существовании государств-буферов, бывших окраин русских. По просьбе латвийского правительства Ульманиса, созданного Германией и перешедшего после к Антанте, приказано было генералу Юденичу вызвать к себе отряд Бермонта на север и этим дать свободу вожделям Латвии и Эстии и возможность этим враждебно настроенным по отношению к России карликовым государствам заключить мир с большевиками и косвенно нанести удар русским патриотам, желающим воссоздать сильную родную державу. Бермонт, конечно, не мог идти на такую западню. До него отряд моего троюродного брата, князя Ливена, был завлечен на север и там нашел лишь жалких оборванных солдат Северной армии, не получил от Антанты ни обещанных денег на уплату солдатам, ни даже снарядов. Бермонт свой отряд обосновал на помощи, которую он получает заимобразно от Германии. Там в изобилии снаряжение и все, что составляет силу армии. В рядах его войск много немецких добровольцев и техников. Все это, конечно, не нравится агентам Антанты, всеми силами старающимся представить дело в виде немецкой затеи. Верьте мне, глубокоуважаемый Александр Васильевич, в этом ни одного слова правды. Как Бермонт, так и все его сподвижники, все только живут и думают мыслью о величии и благе России. При армии создан Совет управления, как в Южной армии. Имена членов его говорят о том, что дух и цели нашего дела чисто русские. Те немецкие имена, мое и Энгельгардта, которые вошли в Совет, известны в России как имена русских патриотов. Энгельгардт земский деятель Витебска и Смоленска. Один латыш, входящий в состав Совета был нам необходим для связи с основой кредита нашего, курляндской казенной земельной собственностью.

Когда Латвия не пожелала пропустить наше войско в сторону Режицы и стянула силы на флангах наших, пришлось пробить брешь силой и занять берег Двины. Антанта при этом до того не разобралась в положении, что даже суда ее обстреляли казачий полк, занявший русскую крепость Усть-Двинск. Бельмом на глазу у Антанты является то, что Бермонт в рядах войск имеет немецких добровольцев и получает снаряжение из Германии. Мне кажется, что достаточно пролито русской крови и погублено русского добра для достижения победы Антанты, чтобы русские люди имели право стать на собственные ноги и брать себе помощь там, где она дается. Французы ведь имеют свою "легион этранжер"¹⁰¹, наполовину состоящую из немцев, говорят, что в Галлерской польской армии¹⁰² много немцев, отчего же вдруг русскому делу в этом отношении ставят препятствия. Ведь это прямо бросает Россию в объятия Германии.

Мы всеми силами старались и стараемся сохранить хорошие отношения с Антантой, два дня телеграфировали маршалу Фошу¹⁰³ с просьбой посредничества в борьбе нашей с бандами полубольшевиков Латвии, в которые вливаются массами перебежчики стрелки-латыши, преторианцы¹⁰⁴ Ленина, известные всей России зверствами.

Дело наше правое, и мы хотим и решились бороться до последней капли крови, отстаивая последнюю пядь русского побережья. Ведь Россия без Прибалтики низводится на степень Бухары.

Как же русский патриот может когда-либо быть принужденным дать свое

согласие на подобный позор Родины?

Главное наше затруднение, конечно, финансы. Если Вы могли бы нам помочь в этом отношении избавиться от зависимости немецких финансовых акул, нам бы Вы оказали огромную помощь.

Помогите как Вы можете, словом, ободрением, советом и посредничеством с Антантой, мы за все будем Вам низко кланяться и да поможет нам Господь увидиться вновь в освобожденной и обновленной новой России.

Копия

60. Радиограммы начальника миссии Красного Креста США в Риге полковника Рейна Бермонту-Авалову

20 октября [1919 г.], 11 час. 30 мин.

1) Полковнику Авалову-Бермонту -- Митава

Американский Красный Крест вследствие недостатка персонала в районе Петербурга должен фактически приостановить деятельность. Будьте добры разрешить нашему персоналу со снабжением приехать в Ригу. Мы действительно не имеем никакого военного материала среди нашего снабжения. Я того мнения, чтобы незамедлительно продвинуться на Петербург. У нас теперь 70 вагонов со снабжением, которые в Ревеле ждут отъезда на Петербург, но при этом нет персонала. 200 дальнейших вагонов ожидают нами ежедневно в Выборге. Ответьте, пожалуйста, непосредственно -- полковнику Рейн, американский Красный Крест, Рига.

2) Полковнику Авалову -- Митава

20 октября, 11 ч.30 мин.

Вашу искровую телеграмму относительно госпиталей получил. Содержание сообщил соответствующим латышским войскам и надеюсь, что это в будущем будет избегаться. Ответили ли Вы на мою телеграмму от 18 октября относительно обеспечения жизненными продуктами гражданского населения Торенсберга.

Полковник Рейн, американский Красный Крест, Рига

Принято 21 октября, 1 ч. 45 мин. попол[удни]

61. Радиограмма начальника французской военной миссии в Риге полковника дю Парке Бермонту-Авалову

Радио Рига. Принята 21 октября 1919 [г.], 18-38 ч.

Полковнику Авалову-Бермонт[у]. Митава

Уже в течение 12 дней Вы бомбардируете беспрестанно Ригу -- открытый город, несмотря на то, что Вы знаете, что Ваши снаряды предназначены не для латышских солдат, а для женщин и детей и мирного населения, которые чувствуют, что Вы их убиваете. Это меня не удивляет, так как раз став изменником, недалеко до убийства¹⁰⁵. Зато стоящие около Вас советники не должны были бы забывать, что петля, ожидающая Вас, несомненно, в один прекрасный день захватит всех вас за шиворот.

Полковник Дю-Паркэ,

нач[альник] фр[анцузской] воен[ой] миссии

Копия

62. Подпоручик Остен-Сакен -- Бермонту-Авалову

Берлин, 21 октября 1919 [года]

Его Сиятельству г[осподину] командующему Западной армией князю Авалову [От] старшего чиновника при Центральном совете Западной добровольческой армии статского советника барона Остен-Сакен[а]

Тетенбарн-Берлин

На телеграмму от 20 октября 1919 г. имею честь принести Вашему Сиятельству свою глубокую благодарность за оказанные мне доверие, отличие и внимание и заверить, что я в святом деле воссоздания единой великой России постараюсь принести по мере сил и умения помощь и оправдать доверие Вашего Сиятельства и состоящего при нас Центрального совета.

Подп[олковник] Барон Остен-Сакен

63. Бермонт-Авалов -- миссии Красного Креста США в Латвии

Отправлено 22 октября 1919 [года]

Рига. Полковнику Рейну, американская миссия Красного Креста.

Ваше предложение содействия относительно снабжения Торенсберга продовольствием принимаю с благодарностью. Ожидаю точного указания времени и места перевоза продовольствия. С нашей стороны принимаются все меры для снабжения города продовольствием.

Мною отдано распоряжение о беспрепятственном пропуске Вашего персонала и материалов. Багаж лиц Вашего персонала осмотру подвергнут не будет. Ваше джентльменское отношение вызывает во мне чувство глубокой благодарности и обязывает меня принимать все меры для облегчения выполнения Вами Вашей прекрасной задачи.

64. Бермонт-Авалов -- начальнику французской дипломатической миссии в Берлине профессору Надиспип

С того дня, как мои войска заняли предместье Торенсберг, расположенное на левом берегу Двины, напротив Риги, оно подвергается постоянной бомбардировке со стороны большевистских банд Земетана106, который, хорошо зная, что мои солдаты и батареи находились вне досягаемости их снарядов, в укрытых траншеях, не переставали атаковать своим плохо направленным огнем, мирное население и разрушать дома.

Я немедленно предложил перемирие, дабы прекратить пролитие крови невинных, но это было без результата.

Как это было установлено нашими летчиками, батареи были поставлены между домами Риги и на бульварах города.

Мои парламентары, с белыми флагами, были встречены огнем пулеметов, из коих многие были установлены на колокольнях рижских церквей. Американский автомобиль, который, защищенный белым и американским флагами, привез к мосту через Двину начальника американского Красного Креста полковника Рейна, был по возвращении обстрелян сильнейшим огнем.

Точно так же пароход с продовольствием для мирного населения острова Хазенпота, которому я, по просьбе полковника Рейна, дал пропуск, был обстрелян латышами. 10 октября мосты Риги были в руках моих войск и этот город был в моей власти. Я его не занял, подчеркивая этим единственную цель моей операции, обеспечение моей военной базы, необходимой для похода против большевиков, на фронт Двинск--Режица. За все это время, что длится моя борьба против латышей, взбунтованных против меня своими вожаками, готовыми заключить мир с большевиками, я доказал, что русская армия, которой я командую, армия цивилизованная, неспособная стрелять в незащищенный город, с единственной целью убивать невинных женщин и детей, в то время как вооруженные банды Заметене и Ульманиса, усиленные перебежчиками, последователями Ленина, по всей линии бомбардируют дома, в которых не живут солдаты; они обстреляли таким образом детский госпиталь Торенсберга, где их снаряды убили сестер милосердия и больных, они убивали и уродовали тех нескольких русских пленных, которых им удалось иметь.

Потому, когда сегодня утром моя станция перехватила телеграмму, адресованную как бы мне подполковником Дю-Паркэ, в выражениях столь ругательных и грубых и в стиле, в котором так чувствовался перевод с латышского, я отказался верить, чтобы этот офицер доблестной и благородной французской армии, которой я горд был быть братом по оружию в течение четырех лет ужасной войны, для победы которой я, четыре раза раненный, проливал свою кровь, мог быть ее автором. Я уверен, что телеграмма, текст которой я прилагаю, есть мистификация моих врагов, большевиков, посланная, чтобы вызвать с моей стороны оскорбительный для благородной Франции и ее армии ответ, коих я в течение всей моей жизни был восторженный почитатель.

Проливая с моими товарищами кровь в равнинах Восточной Пруссии, четыре года тому назад, дабы помочь нашей союзнице, в боях с врагами на берегах

Марны, я не думал, что придет день, когда мне придется подвергнуться унижению оскорбительных слов со стороны французского офицера. Итак, я не хочу верить, чтобы это был подполковник Дю-Паркэ, который послал мне подобную телеграмму.

Я прошу Вас не отказать в любезности передать написанное Вашему правительству и верить в глубокое к Вам уважение преданного Вам...

Перевел Ротмистр Аничков
Копия

65. Рапорт Бермонта-Авалова Деникину

22 октября 1919. No 771/1

Г. Митава

Главнокомандующему вооруженными силами на юге России

Рапорт

4 октября сего года за No 020 мною был послан Вашему Превосходительству доклад о ходе формирования и предполагаемых действиях Западной добровольческой армии, в копии прилагаемый вновь.

Со времени составления первого доклада обстановка значительно изменилась. Установления какого-либо соглашения мирным путем с латышским правительством и получения от него необходимых гарантий по обеспечению моего тыла при выдвижении частей армии на большевистский фронт достигнуть не удалось.

Сосредоточение же в районе г[орода] Риги 5, 6, 7, 8 и 9 пех[отных] латышских полков, частей кавалерии и броневых частей стало носить угрожающий характер в отношении района, в коем происходит формирование частей Зап[адной] добр[обровольческой] армии. Демаркационная линия перестала служить обеспечением мне необходимого спокойствия вследствие перехода ее разведывательными частями латышей, результатом чего имел место ряд одновременных стычек.

Обстоятельства эти побудили меня принять меры предосторожности оборонительного характера, с каковою целью мною было решено контрнаступлением достичь линии реки Западной Двины, дабы водным рубежом прикрыть себя от дальнейших покушений со стороны латвийского правительства. Одновременно с этим я ожидал, что со стороны представителей Антанты будут приняты какие-либо меры воздействия на латышское правительство в целях устранения тех причин, кои неизбежно влекли за собою вооруженное столкновение, но к сожалению, этого не последовало. 8 сего октября части вверенной мне армии, после столкновения с передовыми частями латышских войск, стали отеснять их до линии р[еки] Двины на фронте от Кеккау до ее устья, положив ее между собой и латышскими частями.

Во избежание дальнейшего напрасного кровопролития и в стремлении оградить г[ород] Ригу от случайных разрушений, я отдал своим войскам приказ остановить дальнейшие действия и не открывать огня на противоположный берег реки, тем более что задача предохранить себя от покушений со стороны латышей была вполне достигнута, оставалось лишь мирным путем прийти к соглашению во избежание дальнейшего напрасного кровопролития. В этом отношении мною и было сделано соответствующее обращение к латышскому правительству.

Несмотря на все это и полное прекращение огня с нашей стороны, таковой со стороны латышей не прекращался. Мало того, в течение 14, 15, 16 и 17 октября ими был произведен ряд атак с форсированием р[еки] Двины во многих местах, что вызвало с моей стороны ряд коротких контрударов, дабы принудить их отойти за Двину, что и было достигнуто. В настоящее время на фронте Двины наступило успокоение.

К сожалению, в этот период со стороны Антанты не было принято никаких шагов к предотвращению активных выступлений частей латышских армий в целях избежания напрасных жертв, наоборот, вместо сего, огнем артиллерии своих военных судов, стоявших на Усть-Двинском рейде, Антанта активно способствовала наступлению латышских частей, дав им полную возможность произвести десант. Огнем своей артиллерии Антанта нанесла огромные потери вверенным мне частям, исполнявшим свой долг, причем потери в некоторых

частях доходили до 50% своего состава (1 бат[альон] 1-го пластунского п[олка]).

Твердо преследуя первоначально поставленные задачи, принятые на себя Зап[адной] добровольческой] армией и изложенные в докладе от 4 октября, я, невзирая на трудности, созданные мне при формировании частей, продолжаю таковое.

В целях облегчения операций ген[ерала] Юденича в районе Пскова, невзирая на все созданные мне ныне затруднения и препятствия в дальнейшем формировании частей армии, я решил начать постепенно посылку частей на большевистский фронт, поскольку мне это позволит сделать работа обеспечения моего тыла со стороны латышей, степень текущего снабжения частей, находящихся ныне в полной зависимости от Антанты. К сожалению, с ее стороны до сего времени проявляется явная недоброжелательность по отношению к Зап[адной] добровольческой] армии, преследующей общую задачу с остальными российскими добров[ольческими] армиями, всемерно препятствуя ее дальнейшему развитию, пополнению и снабжению.

Я совершенно открыто свидетельствую Вашему Превосходительству, что как я, так и все чины вверенной мне армии преследуют те же цели, исполнены теми же надеждами и вождениями¹⁰⁷, как и чины тех вооруженных сил на юге России, кои имеют счастье возглавляться Вашим Превосходительством.

Несмотря на тщетные усилия Антанты задушить осуществленные мною формирования путем неправильного освещения моей деятельности, закрытия границы с целью уничтожения притока пополнения, снабжения и пр., я чувствую себя достаточно сильным, дабы преодолеть все воздвигаемые передо мною препятствия. Эта сила придается мне широким сочувствием лиц глубокого опыта и знания дела, преданных своему долгу перед Родиной, стремящихся вместе с другими благомыслящими людьми вернуть ее к прежнему величию, а потому пользующихся общим доверием, а также сочувствием широкой массы, чисто военного элемента, благодаря которому я не сомневаюсь в конечном успехе формирования 60-70-тыс[ячной] армии на территории Прибалтики, надлежащим образом организованной и снабженной.

При таких условиях все усилия Антанты, направленные исключительно к использованию в свою пользу маленькой Латвии, Эстонии и Литвы, к катализации этих усилий, направленных из Прибалтики для возрождения Единой Неделимой России¹⁰⁸, меня не так беспокоят, ибо твердая уверенность в правоте своего дела придает именно всем нам эту энергию и бодрость ума, которые помогут преодолеть всякие преграды во имя достижения заветной цели -- прежнего величия Родины.

В заключение считаю своим долгом доложить Вашему Прев[осходительст]ву, что в переживаемое время всякое одобрение и поощрение Ваше, обращенное к чинам вверенной мне армии, и признание Вами тех моих трудов и усилий, кои вкладывались ими в общее дело по созданию русской армии, удвоили бы их энергию и усилия и вселили бы в них еще большую бодрость и веру в конечный успех.

Если бы Ваше Превосходительство сооблаговолили принять вверенную мне Зап[адную] добровольческую] армию под свое командование, то это бы еще более укрепило бы наши надежды на светлое будущее, о чем я со всеми чинами армии ходатайствую перед Вашим Превосходительством.

Подп[исал] Полковник князь Авалов

Копия

66. Рапорт Бермонта-Авалова Деникину

№ 228. 23 октября 1919 года. Митава

До настоящего времени вверенная мне армия, имеющая единственную цель -- борьбу с большевиками в России, содержалась на счет отпускавшихся заимообразно германскими финансовыми кругами средств. Ввиду увеличения численного состава армии расходы постоянно возрастают, между тем оказывавшие нам поддержку германские финансовые круги под давлением Антанты и за опасением восстановления блокады немецкого побережья не могут в настоящее время прийти нам на помощь, тем более, что из этих же соображений

германскому правительству пришлось закрыть русско-немецкую границу¹⁰⁹. Не имея поэтому в своем распоряжении денежных средств для удовлетворения насущных потребностей армии, в особенности в пополнении частей необходимым конским составом, и будучи лишен возможности печатать собственные деньги, обращаюсь к вам с ходатайством о высылке мне 15-20 млн. рублей, которые сообразовите вручить подполковнику Фирсову.

Полковник князь Авалов

И[сполняющий] д[олжность] нач[альника] штаба полковник Чесноков.

Копия

67. М. Суворов -- Бермонту-Авалову

Берлин, Пансион Штейнплор, 23 октября [1919 года]

Дорогой Павел Михайлович,

Андрей Константинович Твоим именем меня задержал в Берлине для работы по отправке [I] 15 т[ысяч] человек в Твою армию II) большого количества патронов и III) по переговорам с англичанами. Он находит, что я сейчас здесь могу принести пользу общему делу больше, чем если бы я поехал в Прагу. Как Твое мнение? Он Тебе сделает более обширный доклад. Кн[язь] Кропоткин и генерал Давыдов вчера уехали. Особенных новостей здесь нет. Работа кипит.

Крепко Тебя обнимаю и желаю сил выдержать борьбу до конца.

Искренно Тебе преданный и уважающий М. Суворов

Копия

68. Бермонт-Авалов -- командующему польскими войсками генералу Галлеру

23 октября 1919 года. Митава. No 225.

Главнокомандующему Противобольшевистским фронтом польских войск¹¹⁰

Несколько месяцев тому назад я начал организовывать Русскую добровольческую армию для борьбы с большевиками, поработившими Россию. При невероятных трудностях мне удалось создать сначала небольшой отряд, который в течение сравнительно небольшого времени вырос в Западную добровольческую армию, прекрасно вооруженную, сытую и одетую и представляющую грозную силу для врагов. Не имея обеспеченного тыла, среди кругом кишящих врагов моей Родины, стремящихся всячески подорвать авторитет моих войск, распускающих про мои войска и про меня самые нелепые слухи как в печати, так и в официальных сношениях, я, естественно, вынужден был принять с благодарностью добровольную помощь и симпатии моих бывших, но честных врагов. В мою армию с распростертыми объятиями принимаются добровольцы всех национальностей, и русские, и поляки, и немцы, и шведы, и другие. Все, кому дороги идеалы права и справедливости, кто с действительным сокрушением смотрит на поругание моей Родины и христианства. Мне нужны солдаты, и я их беру с радостью, хотя бы они были раньше нашими врагами. Если они оказываются не на высоте -- то безжалостно мною удаляются из армии. Наша общая мечта скорей занять фронт непосредственно против большевиков и возможно скорей перейти в пределы территории с чисто русским населением, ждущим нас с нетерпением.

До сего времени благодаря проiscaм врагов моей родины, которым выгодна временная слабость славянства, я был вынужден укрепляться и подготавливаться к наступлению на большевиков в тылу. Теперь наступил момент, когда я могу выдвинуть свои славные войска на непосредственно противобольшевистский фронт, где они будут драться бок о бок, рука об руку с доблестными польскими войсками. Для успеха нашего общего дела победы над большевиками я полагаю необходимым держать между штабами польской и русской действующих армий самую тесную связь, самую братскую связь, каковая всегда и существовала в братских славянских народах. Признавая со своей стороны естественными национальные

стремления великой Польши как независимого самостоятельного государства, я, как русский и славянин до мозга костей, буду стремиться к братскому дружному сожительству с благородным польским народом, вполне понимая будущие задачи славянства представить собою тесный, крепкий союз против пангерманизма и других мировых титанов.

Я не могу в настоящем сношении более подробно развивать свои политические взгляды, но желал бы ради взаимного блага войти в более тесный контакт с деятелями польского национального дела, хотел бы, чтобы при моем штабе состояла польская миссия преданных своей Родине людей, могущих здесь, на месте ознакомиться с настроениями и планами моей армии и убедиться в действительной нелепости тех слухов, которые злонамеренно распускаются нашими врагами во вред Польше и во вред России, людьми, которым невыгодна наша дружба.

Я просил бы Вашего согласия командировать во вверенную нам армию своих представителей взаимно, как честных союзников.

Ответ не откажите сообщить мне с командированными к Вам подполковником Фирсовым, прапорщиком Маршал[ом] и поручиком Шель, коим прошу распоряжения оказать всякое содействие в их просьбах по охране самолета и помощи для обратного полета.

Полковник (подпись)

Начальник военно-походной канцелярии полковник

Копия

69. Приказ Бермонта-Авалова по Западной добровольческой армии

Не подлежит оглашению

Приказ по Западной добровольческой армии No 54

24 октября 1919 г., г. Митава

Неоднократно на словах и в приказах по армии я указывал и разъяснял те причины, которые заставляют мою армию вместо быстрого движения вглубь России задерживаться здесь, где русская власть игнорируется и где присвоили себе власть те, кто хочет отторгнуть от России искони принадлежащие ей области Балтийского побережья.

Я преследую ту же цель, которую выполняют войска под командою доблестного генерала Деникина на юге и на Украине, и не могу допустить, чтобы хозяевами областей России были те, кто старается отторгнуть от России ее земли.

Гг. офицеры и младшие чины.

Вы должны знать, что значит для России Балтийское побережье. Это выход к морю не только для латышских и эстонских областей, но и для всей России, начиная с далекого Урала. Недаром великий император Петр Первый русскою кровью положил себе выход к морю и этим создал из России великую европейскую державу¹¹¹. Помните, если вы отдадите это побережье врагам России, много русской крови придется пролить, чтобы завоевать его обратно. А тем, кто сохранит нашей родине свободный выход к морю, Россия этого не забудет.

Но несмотря на всю тяжесть выполнения этой задачи, я помню всегда о необходимости спешить на помощь Центральной России и перебрасываю часть [сил] на большевистский фронт, чтобы скорее увидеть наших родных, изнывающих под игом большевиков, и спасти их.

Не заслуживает звания командующего тот, кто не обеспечивает свой тыл и не охраняет мирное и трудолюбивое население, которое без того подвергалось бы той же участи, как наши братья в глубине России.

Приказываю старшим начальникам обстоятельно разъяснить это своим младшим чинам и указать на то большое дело, к которому они призваны на благо и счастье своей Родины, великой и единой России.

Искренно любящий до забвения нашу дорогую Родину и вас, мои друзья, верный России солдат, командующий армией (подпись) полковник князь Авалов

Копия

70. А.К. Гершельман112-- Бермонту-Авалову

Берлин, 25 октября 1919 [года]

Дорогой Павел Михайлович,

Сегодня брат мой Коля едет в Митаву, и я просил его передать Тебе это мое письмо. Коля обо всем Тебе доложит лично. Ввиду травли, предпринятой против нас всей левой германской печатью, мы ускорили наш переезд из Карлсбада113 и занимаемся теперь на новой квартире в Шарлоттенбург Рошерштрассе No 9, где и будет жить Непорожный с братьями Бодик.

Нам приходится сейчас работать при крайне трудных условиях, тем более что и Антанта выпустила теперь против нас своих агентов в лице русских офицеров, как например, прапорщика гр[афа] Ребиндера, который по примеру нас открыл тоже свое бюро; Ребиндер друг и приятель барона Ган[а]114 ; предпринимает меры, чтобы парализовать их деятельность. Когда теперь с очевидностью выяснилось, что Юденичу очень туго приходится под Петербургом и что войск его недостаточно, чтобы завладеть столицей, все в Берлине уверены, что Ты с Твоей армией решишь на всем Северо-Западном фронте участь большевиков; все с нетерпением ждут разрешения вопроса об участии Риги и выхода Твоего с армией на Московскую дорогу. Вот уже несколько дней в Берлине находится генерал Гурко, но, к несчастью, ни Непорожный, ни я его еще не видели.

По негласным имеющимся у меня сведениям, Гурко всецело стал на Твою сторону; постараюсь обязательно повидать Гурко, который должен меня помнить по войне, так как я у него во время похода на Восточную Пруссию115 был личным ординарцем, командированным от 16 гусарского полка.

Третьего дня в Берлин вернулся гауптман Меркер, он у нас был, и ведем теперь переговоры, чтобы его вновь привлечь к работе.

Так у нас все благополучно. Виктория Викторовна просит Тебе кланяться и посылает Тебе флакон французских духов, которые она здесь случайно получила.

Крепко Тебя целую, искренно Тебя любящий и преданный, Твой А. Гершельман

Да хранит Тебя Господь Бог.

Копия

71. Бермонт-Авалов -- А.А. Любимцеву

25 октября 1919 No 269.

Милост[ивый] госуд[арь] Александр Алексеевич,

Те средства, которые я должен получить, чтобы окончательно сформировать вверенную мне армию, еще не дошли до меня, и в настоящее время, когда приходится ожесточенно бороться с врагами России за каждую пядь родной земли, я нуждаюсь в поддержке каждого, кто любит свою Родину, почему я и обращаюсь к Вам, как к достойнейшему патриоту российской державы, с просьбой помочь моей армии средствами, которые экстренно мне необходимы и о которых Вам сообщит мой представитель в г[ороде] Берлин[е] кап[итан] Непорожный. Надеюсь, что Вы придете на помощь дорогому нам делу и тем своей Родине.

Остаюсь (без подписи)

Его Высокоблагородию А.А. Любимцеву

Копия

72. Приказ Бермонта-Авалова по Западной добровольческой армии No 11

25 октября 1919 г., г. Митава

По отделу дежурного генерала

1. К[оманди]ру запасных батальонов генерал-майору Архипову немедленно приступить к формированию отдельной местной роты из поступивших и поступающих во вверенную мне армию добровольцев -- лиц иудейского вероисповедания, выработать штаты и положение для сей роты и наметить к[оманди]ра роты, представить мне на утверждение.

Всем к[оманди]рам и н[ачальни]кам частей и учреждений, у коих состоят на службе вышеуказанные лица, приказываю им немедленно их откомандировать в распоряжение к[оманди]ра запасных батальонов.

Формирование производить при 1-м запасном батальоне.

Подлинник подписал: командующий армией

Полковник князь Авалов

Копия

73. Подпоручик Эбергардт -- Бермонту-Авалову

Берлин, 25 октября 1919 [года]

Многоуважаемый господин полковник,

Сообщаю Вам о положении в Берлине по сведениям бар[она] Корфа:

1) В настоящее время, к сожалению, пресса безусловно против нас, в последние дни даже самые правые газеты начали нападать на нас, особенно на бюро капит[ана] Непорожного. Причина тому -- блокада, которая проводится англичанами и которая, несмотря на свои небольшие пока размеры, все же дает себя чувствовать. Во всех наших начинаниях здесь, особенно в вопросах снабжения, ставятся громадные препятствия. Однако, несмотря на это, есть возможность, и бар[он] Корф думает, что ему удастся, уладить это, изменить прессу в нашу пользу. Отчасти это будет, конечно, зависеть от А.К. Реммера, сможет ли он дать на это деньги. 2) В настоящее время нам удалось установить через моих друзей, хотя и англичан, но совершенно обрусевших и симпатизирующих нам, связь с Парижем, и я думаю, что весьма легко можно будет через них добиться признания нас парижской конференцией и Колчаком. Жена Колчака, вокруг которой сейчас группируется весьма влиятельная группа в Париже, живет в Канне и не сегодня-завтра я налажу туда связь, возможно, что бар[ону] К[орфу] придется для этого съездить в Париж. Через ту же группу мы получим часть французской и нейтральной прессы. 3) К сожалению, мы все еще здесь весьма плохо информированы из Митавы.

Бар[он] К[орф] очень просит давать сведения чаще и если возможно, то самое важное телеграфировать.

В настоящее время в Берлин приехал генерал Гурко. Он сейчас очень скрытен, пока еще ничего узнать не мог. У него бывают Бискупский и А.К. Реммер. Кажется, что-то опять затевается. Во всяком случае в свое время Вам все сообщу. Сегодня у Гурко будет А.К. Реммер, вчера был с докладом Бискупский. Завтра я все подробно узнаю и немедленно сообщу. Для контроля доставки я свои письма буду нумеровать, для сообщения же важных и срочных донесений необходим хотя бы небольшой шифр, который я при сем прилагаю.

К сожалению, я еще не получил от Вас ответа по делу с танками. У меня все готово, задержка только за деньгами. Отправка их тоже улажена, и переправить их, безусловно, очень легко удастся. Имеется 12 совершенно новых танков, среднего размера, по 100 лош[адиных] сил каждый. Шт[абс-]кап[апитан] Черемисинов внесет 300 000 м[арок] задатку, и для окончательной приемки и отправки их, а также для закупки необходимого для отряда танков автомобильного имущества мне необходимо еще 500 000 мар[ок], по получении которых, в течение недели все 12 танков будут в Митаве. Покорнейше прошу по этому вопросу срочного ответа.

О том, что адмиралу Колчаку будет послан подробный доклад, мною уже сообщено Мор[скому] агентству.

Жду ваших дальнейших инструкций и приказаний. Очень прошу ускорить

вопрос о танках, так как сейчас это еще возможно провести.

Искренне уважающий Вас подпоручик (подп[ись]) Эбергердт

О получении шифра прошу известить меня телеграммой. Кроме того, прошу сообщить мне Ваш частный адрес для телеграмм.

Копия

74. Реммер -- полковнику Чеснокову

Берлин, 26 октября [1919 года]

Дорогой Борис Владимирович,

Завтра в 3 часа 30 мин. председатель синдиката будет у генерала Гурко, который после трехчасовой с ним беседы решил заявить синдикату, что Авалов-Бермонт остается командующим Зап[адной] добровольческой армией, а, следовательно, и является представителем правительства России. Следовательно, и договор группы финансистов с ним через меня будет не договор с "изменником", а официальным договором синдиката с одним из представителей будущей великой неделимой России.

Если бы Вы знали, чего все это стоило. Ведь и против Павла Михайловича и против меня все время вели отчаянную интригу. В конце концов довели до сведения синдиката, который решил дать Авалову миллионные средства, что и Авалов и его представитель Реммер -- два авантюриста. Затем, когда у меня был подписан предварительный договор с синдикатом, все в Берлине начали кричать, что Бермонт объявлен изменником. Какой же осторожный немец после этого подпишет договор и отдаст миллионы на войска изменника, так как все, что подпишет изменник, или его доверенный -- будущей Россией будет аннулировано. Все враги Павла Михайловича ухватились за юденическое объявление и начали по всему Берлину кричать: "Наконец-то авантюриста уберут. Наконец-то его заменит Краснов116 или сам Гурко".

Стараюсь вовсю. А тут еще начали поступать с фронта тревожные известия. Словом -- беда.

В довершение всего, какая-то сволочь из Митавы сообщила сюда во все круги, что правительство Палена решило аннулировать Реммера, как спартакиста и большевика. При этом добавлялось, что Реммер не сегодня-завтра по поручению Митавского правительства будет схвачен и посажен в тюрьму, которая-де по нем давно плачет.

И это пишут и устно передают тем кругам, которые вошли со мною в переговоры по вопросу внесения командующему армией миллионов на банк.

Пришлось делать невероятные усилия. Я дошел до состояния, благодаря всей этой травле, близкого к помешательству.

То, что сегодня нечеловеческими усилиями налаживалось, то завтра разбивалось сообщениями из Митавы. Спасибо Поппе, привез мне подтверждающую уверенность, и завтра кончаю, о чем прошу Вас доложить командующему армией.

Глубоко уважающий А. Реммер

75. Доклад Реммера Бермонту-Авалову

6 час. вечера, 26 октября [1919 года]

Секретно

Сейчас я заканчиваю большое дело. Умоляю, для пользы дела, сделать распоряжение срочно выслать капитана Гершельмана с рассмотренным Вашим Сиятельством планом банка и отдела государственного хозяйства, ибо здесь доморощенные подлецы распускают из якобы полученных ими из Митавы сведений официального источника, что ни план мой, ни многомиллионный заем правительством Вашим принят не будет и все люди, которые едут к Вам, убедятся, что Реммер действовал вразрез с правительством, которое Реммера и его план не потерпит. Все документы и доказательства творимых безобразий представлю Вашему Сиятельству по прибытии.

Вашего Сиятельства
Покорный слуга А. Реммер
Копия

76. Реммер -- Бермонту-Авалову

Дорогой Павел Михайлович,
Вчера уехал в Митаву капитан Гершельман, через которого послал тебе необходимый доклад.

Сегодня у меня был адъютант генерала Гурко, который еще раз подтвердил, что завтра генерал объявит финансистам, что ты являешься действительно представителем России и что ты и дальше остаешься командующим армией.

Это все. Это дает мне победу над всей сволочью, которая работала против меня, а, следовательно, и против тебя.

С молитвой и верой в Бога жду завтрашний день.

Целую тебя, Твой Андрей Реммер

Копия

77. Радиограмма Бермонта-Авалова вице-президенту Лифляндской консистории Валдемару Малдону

27 октября 1919 года

Ваше радио на имя генерал-суперинтенданта получено. Пока не будут сняты пулеметы с колоколен церкви и увезены батареи с улиц и площадей и не прекращен обстрел открытого города Торенсберга¹⁷, я принужден отвечать на огонь латышей, от которых зависит прекращение военных действий. Митава, No 277.

Командующий Западной Добровольческой армией полковник князь Авалов

Копия

78. Расписка Бермонта-Авалова

27 октября 1919

No 270

Сим удостоверяется, что от г[осподи]на Алексея Алексеевича Любимцева получено взаимобразно для нужд Зап[адной] добр[обровольческой] армии...¹¹⁸ каковая сумма должна быть возвращена А. А. Любимцеву из средств армии по истечении трех месяцев, считая с настоящего чиста и месяца взносами по... каждый месяц, что подписью и прил[ожением] нас[тоящей] печ[ати] удостоверяется.

Командующий Западной добровольческой армией полковник

Копия

79. Подпоручик Эбергардт -- Бермонту-Авалову

Берлин, 27 октября 1919 [года]

Многоуважаемый господин полковник, сообщаю Вам первым долгом сведения бар[она] К[орфа].

1) В Англии в настоящее время особенно живо интересуются и толкуют на все лады о нашей армии, причем симпатии весьма многих на нашей стороне. В разговоре с видным русским политиком сэр Черчилль¹¹⁹ якобы даже заметил, что если бы он был русским, то поступал бы точно так же, как полковник Бермонт.

2) Деятельностью Маршала и Гофа крайне недовольны. Они отозваны обратно

в Англию, а на их место назначен генерал Генинг. Генинг весьма известен в Англии как боевой генерал и джентльмен в политическом отношении.

3) Комиссия, направляющаяся в Курляндию, однако, едва ли много там даст, так как главной ее задачей является эвакуация во что бы то ни стало германских войск, и на компромисс с комиссией рассчитывать трудно.

4) Крайне облегчить положение должно взятие Риги. Если Рига падет, то, по мнению даже самих союзников, армия наша займет выдающееся место в рядах добровольческих армий и с нами будут совсем иначе считаться.

Положение в Берлине для нас сейчас весьма затруднительное. Посылаю Вам вырезку из газеты. Это ответ кап[итана] Непорожного на обвинение его в том, что он якобы скрылся после обыска в бюро. Несмотря на это, все же аресты продолжаются. Арестован уже 3 дня казначей бюро -- Залеман, помощн[ик] кап[итана] Черемиснова Гильдебрандт (у которого все дело со станками) и еще 4 человека. Грозят также арестовать кап[итана] Непорожного и ротмистра Гершельмана. Обвинение все то же -- вербовка германских солдат для армии. Все это, конечно, серьезных последствий иметь не может, но все же очень и очень тормозит дело. Надеюсь, что в ближайшее время все удастся опять наладить.

Вокруг генерала Гурко сейчас группируются: Бискупский, Дерюгин и т. д. Что они затевают, не известно никому, да и им самим не вполне ясно. Планы у них столь широкие, что они вопрос нашей армии считают, по их же словам, "одним из многих", которыми им нужно заняться. Не нравится мне слишком интимная дружба А.К. Реммера с Бискупским. В то же время Реммер стал страшно скрытен, мало интересуется нашими делами, а все лишь в переговорах с ген[ералом] Бискупским. Пока я еще не имею никаких данных о деятельности Реммера, но его особый интерес к Бискупскому невольно обращает на себя внимание, тем более, что после истории с "банкирским домом Моргана" имя Бискупского совершенно дискредитировано. По частным сведениям, ген[ерал] Гурко весьма доволен положением в Митаве и якобы посоветовал ген[ералу] Бискупскому войти в подчинение к командующему.

Вчера в Берлин прибыл Гучков из Лондона. Гучков считает самым важным вопросом немедленное занятие Риги. Он на днях выезжает в Митаву.

Относительно организации здесь нашего пресс-бюро (телеграфное агентство) я уже писал. Сейчас вопрос этот окончательно выяснен и прошу Ваших по этому вопросу распоряжений. Дело обстоит так: барон К[орф] имеет непосредственную связь и влияние на почти всю местную прессу, а также связь с английской прессой и издательством Бурцева¹²⁰ в Париже. Все эти места нами заинтересованы и дали свое согласие на распространение сведений нашего пресс-бюро. При помощи этого бюро мы будем непосредственно информировать прессу всего мира, а также иметь возможность и влиять на нее. Все это возможно, конечно, только пользуясь связями барона К[орфа] и самого известного редактора Германии, господина Брум, который уже дал свое согласие и будет работать с нами безвозмездно. Специальных расходов не потребуется никаких. Единственный расход -- это наем помещения (примерно тысячу марок в мес[яц]), переписчицы и редактора (1500 м[арок] в месяц) и затем расходы на телеграммы и необходимые средства обзаведения всем необходимым. В таком случае все телеграммы из армии должны непосредственно поступать в бюро. Организация эта должна принести нам громадную пользу, и в настоящее время влияние на печать особенно для нас здесь важно. В случае если Вы, господин полковник, считаете это возможным, прошу Вашего дальнейшего по этому вопросу распоряжения.

С танками дело обстоит так: у меня осмотрено и вполне все подготовлено для отправки 12 штук. Вся отправка организована настолько удачно, что благополучная доставка несомненна. Даже в случае их реквизиции на дороге или на границе они будут застрахованы. Условия и цена самые выгодные (каждый танк около 70 000 марок). Все было готово, договорено и осмотрено, и шт[абс]-капит[ан] Черемисинов обещал внести 300 000 мар[ок] задатку, после чего мы хотели их грузить. Однако денег кап[итану] Черемисинову не удалось получить, и теперь я прямо не знаю, что делать. Если на днях не внесу деньги, то дело не состоится. Покорнейше прошу Вас, господин полковник, срочно телеграфировать мне, что делать и где получить деньги, чтобы внести задаток. Танки я лично осматривал и пробовал, они совершенно новые, среднего (скорее большего) типа, в 100 лош[адиных] сил. Доставлены могут быть в течение одной недели. Предложение и все дело ведется через фирму "Гуго

Стиннес"121, что одно уже доказывает реальность предложения. С нетерпением жду Вашего ответа. Подробности мною доложены лично полковнику барону Энгельгардту.

Искренно уважающий Вас подпоручик Эбергардт

Адрес: Берлин-Шарлоттенбург, Аугсбургер штрассе, пансион Венцель.

Копия

80. Канцелярия Западной добровольческой армии -- графу Финкенштейну

28 октября 1919 [года]

Командующий армией ничего не возражает против того, чтобы Вы вели финансовые переговоры с Америкой и Японией, если Вы считаете, что это может дать положительные результаты, и о ходе этих переговоров просит ставить его в известность.

Командующий армией просит принять его благодарность за Ваше искреннее желание помочь нашему общему делу.

Начальн[ик] военно-походной канц[елярии] полковник (подписи нет)

Копия

83. Состав Совета управления при командующем Западной добровольческой армии

28 октября [1919 года]

№ 286

Совет122 состоит из: 1) по 1 представителю от каждого отдела, 2) представителя правительства, 3) представителя командующего армией, 4) представителя от интендантства, 5) 3 человека от местн[ого] самоуправления], 6) 3 человека от рабочих организаций, 7) 2 человека от профессиональных союзов, 8) 2 человека от касс взаимопомощи, 9) 2 человека от местной торговли, 10) 2 человека от промышленности, 11) 2 человека от кооперативов, 12) 13 человек от демократии, 13) 19 человек от буржуазии.

Это, значит, будет демократический орган. А. Реммер

Копия

82. Бермонт-Авалов -- полковнику Брандту

29 октября [1919 года]

№ 0292. Секретно

Вследствие того, что успех моих военных действий тесно связан с работой Вашей миссии и пополнение русскими военнопленными сейчас особенно требуется для моих военных операций, я прошу Вас не отказать сделать распоряжение, чтобы моему представителю в Берлине капит[ану] Непорожнему была предоставлена возможность направить в армию возможно большее количество русских военнопленных. Вместе с сим сообщаю, что мои отряды передвигаются через Фридрихштадт к фронту Режица--Двинск.

Подп[исали:] полковник кн[язь] Авалов, нач[альник] военно-походной канц[елярии] полк[овник] Чесноков

Копия

83. Доклад Реммера Бермонту-Авалову

29 октября 1919 года, Берлин

Лично. Секретно

Совершенно ясно, что в будущем, по занятии Петрограда и Москвы, верховенствующее место займет генерал от кавалерии В.И. Гурко. Будучи в контакт[е] с партией [Н.Е.] Мар[кова]123 (в Копенгаген[е]), генерал Гурко в полной связи с Колчаком и Деникиным и, само собою разумеется, с Юденичем.

Я уже доносил, что представляется делегатам синдиката Гурко. Заявил, что командующий Западн[ой] добр[овольческой] армией кн[язь] Авалов-Бермонт не изменник, а звено общей всероссийской цепи. Что действия князя Авалова-Бермонта есть действия общей русской политики.

Генерал Гурко, для общей координации (совместно с Деникиным и Колчаком) и в подтверждение легализации (после юденического приказа), высылает завтра в Митаву своего личного адъютанта поручика Пфайля. Об этом считаю долгом своевременно донести.

Кроме того, генерал Гурко высылает из Берлина полковника Дурново на фронт "работать". Само собою разумеется, что Дурново введен в строй, и никаких других намерений поездки Дурново генерал Гурко не придает. Генерал сказал: "Полковник Авалов сам увидит, что сделать с Дурново".

Все того мнения, что Дурново зряшний человек. Пользы мало, шуму много. Просто -- фамилии ради для. Генерал Гурко сегодня выслал к Колчаку и Деникину сообщения о Западном фронте, в этих сообщениях между прочим указано, что армией остается командовать полковник князь Авалов. Кроме сего, генерал Гурко потребовал передать для фронта Колчака нашу программу монархистов-демократов, что мною и исполнено.

О том, что генерал Гурко будет Верховным -- необходимо держать в полном секрете, дабы вся его работа Колчаку, Деникину и Юденичу не могла бы быть нарушена Антантой.

Посылаю это письмо отдельно с приказом прапорщику Гейсту в случае опасности -- письмо уничтожить.

Во всяком случае доношу Вашему Сиятельству, что генерал Гурко лично от меня потребовал не оглашать то, что я доношу Вам о его будущей роли. План экономического возрождения им совершенно одобрен, и он высказался очень одобрительно, что начнется этот план с Западного фронта -- границы с Германией.

Генерал Гурко сказал: "Это будет зерно будущей России".

Со своей стороны, счастлив доложить, что план этот одобрен всем консорциумом. Остается во главе этого дела поставить человека совершенно к этому и способного и имеющего доверие в России и в Германии. Таким является, по моему мнению, Оскар Федорович Гиллерт, бывший директор Дисконто-Гезельшафт124 и собственник заводов Эльрих и Ко, а также директор 28 заводов в Германии. Сейчас он работает с нами в полном контакте и председательствует на наших совещаниях с синдикатом.

А. Реммер

Копия

84. Реммер -- Бермонту-Авалову

29 октября 1919 г.

Дорогой и горячо любимый князь, Павел Михайлович.

Ты не можешь себе представить, что значит, когда все дело закончено и вдруг оно остановилось, потому что в газетах русских и немцев появилось объявление, что договоры с правительством Западной армии действительны только те, которые санкционированы: бароном Кноррингом, бароном Остен-Сакеном и Непорожным. Это объявление помещено было во всех немецких газетах и в "Голосе России". От кого оно исходило -- не знаю, но мой синдикат задал мне логический вопрос: "при чем же тогда Реммер". Пришлось мне убедить их всех, что эти объявления -- "утка", пущенная Антантой.

Но вот последнего удара я никак не ожидал. Приехал сюда Маврициус и заявил, что без согласия немцев-солдат, вернее немецких войск, договор заключен быть не может. Я уговорил Маврициуса никуда с этим договором своим не соваться, так как если немцы узнают, что командующий армией, заключающий

с ними договор, связан обязательствами, то они, немцы, решительно откажутся от совершенно налаженного дела банка.

Но еще того хуже, если этот акт с немецкими войсками станет известен в Берлине и дойдет до Антанты. Я настоял перед Маврициусом, чтобы до внесения немцами 50 000 000 он нигде и никуда своих полномочий и договоров не совал бы. Но кое-кому он уже говорил, и вот я сижу у телефона, жду ответа Поппе, который вызван председателем синдиката по вопросу, как синдикат должен отнестись к тому, что помимо Реммера в Берлине находятся: Кнорринг, Остен-Сакен, Маврициус, Непорожный, Энгельгардт, фон Берг и другие -- имена неизвестны¹²⁵, но все эти лица ведут переговоры и в тот момент, когда Реммер подпишет контракт с синдикатом, названные выше лица подпишут¹²⁶, может быть, тождественные договоры с другими консорциумами или обществами.

Что будет -- не знаю... Тем более, что все кричат о том, что появилось очень много лиц со всякими доверенностями и от командующего и от его правительства. Затем указывают, что неизвестно, что для кого обязательно: то ли правительство возглавляет Бермонта, то ли Бермонт возглавляет правительство. А тут еще латыши да Антанта.

Продолжаю дальше, я, В.М. Поппе, только что возвратившийся от представителя синдиката. Должен признаться, что никогда еще я не чувствовал всю истину изречения: "Сохрани меня Господь от моих друзей, а с врагами я сам справлюсь". Когда я был в Митаве, мне ни одним словом не заикнулись о существовании договоров, заключенных с германскими войсками в Курляндии, несмотря на то, что граф Пален имел со мной разговор, длившийся более часа. Мало того: обязавшись 6 октября перед германскими войсками не заключать никаких договоров касательно лесов, железной дороги и телеграфа без согласия на то германских войск, при мне 17 октября отправили Ф.Ф. Нидермейера в Берлин заключать договор относительно железной дороги. Что же, спрашивается, это такое? Разве такого рода вещи допустимы? Умоляю Вас, дорогой, ненаглядный Павел Михайлович, положите конец всем этим невозможностям. Мне со страшным трудом удалось успокоить и убедить представителя синдиката, но я не ручаюсь, что это мне удастся сделать еще раз. Целую Вас крепко и кланяюсь низко. Глубокоуважающий Вас В. Поппе

Продолжаю дальше. Только что кончил писать Поппе и приехал Барон Энгельгардт. Барон сообщил, что у поручика Бодика есть от Тебя ко мне письмо. Но ведь существует такой порядок: если командующий посылает письмо -- то оно держится в кармане командированного по несколько дней. Барон Энгельгардт очень удивился, что письмо это до сих пор не передано мне. И между прочим говорит, что это письмо очевидно послано мне с содержанием, которое сводится к тому, чтобы я немедленно выехал в Митаву и дал бы отчет в том, что я здесь сделал. Дело в том, что в пятницу (как заявил представитель синдиката г[осподи]ну Поппе только что) решительно заканчиваются условия выдачи нам 250 000 000. При подписании договора 50 миллионов, а остальные двумя сроками. Я еще не получил Твоего письма через Бодика и не знаю, когда получу. Но если верить бар[ону] Энгельгардту, письмо это требует моего возвращения в Митаву. Прошу телеграфно подтвердить, должен ли я все бросить и ехать или кончать здесь дело. Адрес мой: Моммзен штрассе No 45, А. Реммер

Пока не получу телеграммы, я не решаюсь бросить дела. Если я уеду, все дело рухнет. Ведь приходится с утра до вечера подогревать, муссировать, вселять интересы и ликвидировать ежедневные сюрпризы из Митавы и со стороны Антанты.

Генерал Гурко заверил представителя синдиката господина Гартмана, что договор синдиката с Тобой -- это договор с представителем России. Поверь, что это стоило недели ужасной работы.

Всего не опишешь. Да и читать тебе, я думаю, нет времени. Ты сам в ужаснейших условиях. Поэтому--то Реммер и сидит здесь, чтобы вывести все на правильный путь.

А суда и следствия я не боюсь. Суд и следствие докажут, чего добился Реммер и на что только не шли митавские мои приятели, чтобы портить то, что мне с таким трудом удавалось.

Целую крепко, твой Андрей Реммер

85. Директива Бермонта-Авалова военному губернатору г. Митавы

31 октября No 011

Секретно

Прошу при создании полицейских кадров обратить особое внимание на репутацию намеченных чинов, чтобы в кадры полиции не попали чины с дурной славой, так как только безупречная честность и деловитость чинов полиции даст мне возможность осуществить те начала, которые я изложил в воззвании "Всеим жителям".

Я прошу Вас обратить внимание на то, что в городе распространяются слухи о всякого рода вымогательствах со стороны полиции, чинов контрразведки и т. д. и о широких кутежах чинов этих учреждений.

(Подпись) ком[андующий].

Копия

86. Полномочие Реммеру

Начальник Политического отдела Западной добровольческой армии Андрей Константинович Реммер настоящим уполномочивается на заключение договоров:

1) на открытие в Митаве частного Торгово-промышленного банка с основным капиталом в пятьдесят или более миллионов германских марок на условиях по его, А.К. Реммера, усмотрению;

2) на отпечатание для нужд Западной добровольческой армии знаков оплаты гербового сбора и почтовых отправлений;

3) с отдельными фирмами или финансовыми и кредитными учреждениями по снабжению Западного фронта предметами потребления и всякими товарами.

А для сего А.К. Реммер вправе обязывать неустойками, принимать залоговые и задаточные суммы в любых размерах и на условиях по его, А.К. Реммера, усмотрению. Все, что А.К. Реммер по сему уполномочию учинит, почитается утвержденным командующим Западной добровольческой армией и в сфере действий и влияния этой армии обязательным и подлежащим исполнению беспрекословно.

Командующий Западной добровольческой армией

" " октября 1919 года 127.

Копия

87. Директива Бермонта-Авалова полковнику Чайковскому

1 ноября 1919 года

No 325-326

Начальнику штаба вверенной мне армии полковнику Чайковскому поручается вести переговоры и заключать договоры с литовским правительством о совместных действиях с литовским правительством и командующим литовской армией. Что подписью и приложением печати удостоверяется.

Полковник

Копия

88. П.П. Дурново -- Бермонту-Авалову

1 ноября 1919 года, Берлин

Глубокоуважаемый князь Павел Михайлович,

Считая невозможным в данное время вести в Берлине какую-либо активную военную работу на пользу нашей погрязшей Родины, я позволяю себе обратиться к Вам, как солдат, желающий фактически принести пользу как своим опытом, так и знаниями в рядах командуемой Вами доблестной армии.

Зная Вашу всегдашнюю стойкость, отзывчивость и прямой взгляд и преданность царю и Родине, больше чем разделяя тоже Ваши взгляды -- я почти себя счастливым стать в число бойцов за правое дело в Вашей армии. Хочу думать и надеяться, что Вы пожелаете высказать Ваше согласие на изложенную просьбу и захотите дать возможность внести и мне мою посильную лепту в Ваше великое и трудное дело в качестве офицера Генерального штаба, всю войну пребывавшего на строевых должностях. Прошу Вас не отказать пожелать назначить меня куда Вы найдете нужным: моя цель только одна -- принести возможно больше активную пользу Родине.

Прошу простить меня за беспокойство, причиняемое настоящим письмом, но теперь такое время, что офицеру нельзя сидеть в глубоком тылу -- вот почему я и позволил себе обратиться к Вам, зная, как Вы активно смотрите на офицерскую работу. В надежде, что Вы пожелаете положительным образом разрешить мое ходатайство, еще раз прошу меня простить за беспокойство, ибо знаю, как Вы заняты.

Позволю себе просить Вас принять уверение в моем глубоком уважении и преданности.

Петр Дурново, Генерального штаба полковник

Копия

89. Бермонт-Авалов -- премьер-министру Литвы

2 ноября 1919 года

Ковно, министру-председателю литовск[ого] правительства

Для ведения дружественных переговоров мною командированы к Вам представители армии в лице начальника штаба полковника Чайковского, полковника Чеснокова при двух офицерах. В настоящее время представители находятся в Радзивилишках в ожидании от Вас благожелательного ответа. В случае Вашего согласия вступить в переговоры благоволите указать, где и при каких обстоятельствах они могут вестись.

Командующий армией полковник кн[язь] Авалов

90. А.И. Гучков -- Бермонту-Авалову

Берлин, 2 ноября 1919 года

Глубокоуважаемый князь, Павел Михайлович,

Я считаю, что Вы не только не изменили Родине, но не изменили своего первоначального плана, собравшись силами, пойти на большевиков. Не буду говорить о том, что произошло. Много, вероятно, было неизбежно. Скажу несколько слов о возможных перспективах. Подробности Вам доложит Ваш милейший посланец, полк[овник] Энгельгардт, которого я держал все время в курсе дела.

Шансы на успех есть, и притом на большой успех. Но есть и риск неудачи, даже полного провала. Если удастся убедить союзников допустить формирование русской армии при немецкой помощи, то не только получится большой политический и стратегический выигрыш, но самый большой вопрос -- вопрос снабжения, вопрос финансовый -- могут быть разрешены самым удовлетворительным образом. Если санкция Антанты отвалится¹²⁸, все

предприятие обратится в очень сомнительную авантюру.

Одним из основных условий успеха в смысле проведения этого дела через союзников является, чтобы всероссийское дело войны с русскими большевиками ни в какой мере не связывалось с другим важным, но все же не очередным вопросом -- балтийским.

Повторяю, игра очень сложная и очень тонкая. Есть шансы блестящего выигрыша. Но все может также оборваться.

Многое будет зависеть лично от Вас.

Да благословит Вас Господь. Душевно преданный подп[олковник] А. Гучков

Копия

91. Приказ по Западной добровольческой армии

3 ноября 1919 г., г. Митава

№ 66

1. К глубокому моему прискорбию, за последние дни не все чины армии, как офицеры, так и солдаты, прониклись серьезностью переживаемого нашей Родиной тяжелого момента. Это тем более печально, что наши задачи спасения Родины, поверженной большевиками в анархию и разорение, для каждого ясны и понятны. В тот момент, когда безмерными усилиями людей, горячо любящих свой народ, любящих обездоленную и страдающую Россию, она поднимается снова к жизни, к праву и справедливости, -- в тот момент последних и самоотверженных усилий преступно предаваться необоснованной критике тех, на ком лежит тяжелая ответственная задача перед Родиной, как руководителей и начальников. Жизнь миллионы раз подтвердила, что критиковать всегда легко -- творить трудно. Еще напоминаю мое неуклонное требование избегать подобные явления; эта критика сильно подрывает дело возрождения России, ослабляя действия и распоряжения начальников. Я принужден беспощадно и сурово наказать всех тех, кто ставит подобные препятствия на пути нашей общей работы. Пора всякому понять, что враги наши не дремлют и всюду, где они могут, возводят [преграды]. Мы стремились пойти на Нарвский фронт, чтобы драться с большевиками. Нам предъявили тяжелые, сокрушающие условия, приняв их мы бы не принесли России пользы ни на грош, ибо тем самым перерезали себе горло.

Мы хотели идти на фронт Двинск--Режица, чтобы в содружестве с латышскими войсками драться против большевиков -- нам помешали. Правительство Ульманиса решило заключить преступный мир с большевиками, и тогда ручьи крови полились снова бы в латвийском краю.

Что произошло с нами, если бы мы оставили у себя в тылу Ульманиса, с его необузданной политикой и действиями, направленные во вред общему русскому делу?

Не обеспечив себе тыл и не закрепив его, наша армия попала бы под удар в спину со стороны тех, кто шел на дружбу и примирение с большевиками.

Поэтому, устраняя враждебную русскому делу власть Ульманиса, мы этим самым приводим сознание народных латышских масс к необходимому просветлению и убеждению, что мы и они -- одно, что латышский край и Россия своим историческим прошлым неразрывно связаны между собой на всю жизнь.

Во имя нашей Родины мы, добровольцы, горячо и искренне любящие ее, не имеем нравственного права допустить латышский народ до того тяжелого заблуждения, в которое его повергает Ульманис со своими соратниками.

Надо не забывать, что Россия, скрепляясь с востока, севера и юга, скрепляется и отсюда, с запада. Мы борцы за ее спасение и возрождение, за начало ее объединения в одно целое и великое отсюда, с запада.

И все, кто идет в наши ряды, должны стать нашими друзьями. Если им дорого спасение нашей истерзанной России -- мы вдвойне и глубоко благодарны им.

Я не раз указывал на то, что руку дружбы и благодарности мы протягиваем всем, кто разделяет наши цели и задачи -- пусть то будет француз, немец, англичанин и т. д.

Еще раз призываю всех чинов армии к служебной корректности и

сдержанности, во имя идеи спасения России -- и к дружелюбному отношению к мирному населению латышского края, ибо интересы латышского народа не могут быть никем нарушены. Я требую, чтобы все офицеры и солдаты моей армии глубоко прониклись моим призывом. Вера в светлое будущее России всегда должна быть с нами, и тогда мы сделаем. Момент, когда мы пойдем смело и бодро вперед, опрокидывая все козни и хитросплетения наших врагов -- близок. С нами Бог и крестная сила.

Подлинник подписал: командующий армией полковник князь Авалов

С подлинным верно: начальник штаба полковник (подпись)

Копия

92. Рапорт разведывательного отдела штаба XI Западного добровольческого корпуса

8 ноября 1919 года, г. Шавли

№ 1177

Секретно

Начальнику штаба

Рапорт

Принимая во внимание сложившуюся обстановку, благодаря которой мы являемся чуть ли не в полной зависимости от немцев, замкнутость немецких руководящих инстанций, граничащую подчас с явным нежеланием ставить нас в известность в вопросах, непосредственно нас касающихся, выдвинула [сь] необходимость по мере возможности освещать агентурным путем настроение, планы и дальнейшие намерения не только противника, но и наших немецких войск¹²⁹.

За истекший месяц работы моей в этом направлении с полной ясностью определилось стремление перешедших к нам немцев только и исключительно к личному благополучию и самой беззастенчивой наживе, не считаясь [со] способами.

Будучи обречены у себя на родине [на] безработицу и голод, немцы толпами поступают к нам в надежде на сытое и обеспеченное существование.

Первое время все обстояло благополучно, т[ак] к[ак] питанием и деньгами люди были обеспечены. Ныне, с наступлением кризиса, настроение упало. Полная неопределенность будущего, уход на родину немецких частей и вместе с ними и всех тех мелких удобств, которыми так умело окружают себя немцы, возможность полного отсутствия сообщения с Германией, невыясненное положение жел[езных] дорог, уход полевой почты и ропот среди остающихся немцев, голоса эти раздаются не только из солдатской среды. Я был лично свидетелем, когда немецкий офицер в присутствии офицеров и солдат много и горячо говорил на тему бессмыслицы дальнейшего пребывания здесь.

Выпуск новых денег окончательно подорвал веру в дело и с ней и желание дальнейшей работы.

Для избежания возникновения самых нежелательных последствий необходимо как можно скорее и яснее объявить 1) положение жел[езных] дорог, 2) озаботиться устройством почты, 3) решить денежный вопрос.

Неясность этих вопросов служит нескончаемым источником всевозможных слухов, дает обильную почву для агитации неблагонадежным элементам, и при дальнейшей неопределенности в этом отношении мы в самом ближайшем времени можем очутиться среди толпы взбунтовавшихся солдат, которые не будут выбирать средства для улучшения своего положения.

Ротмистр (подпись)

Копия

93. Приказ Бермонта-Авалова по Западной добровольческой армии

8 ноября 1919 г., г. Митава. № 74

Не подлежит оглашению

Оперативная сводка за 2 и 3 ноября 1919 года

В течение 2 ноября без перемен.

3 ноября противник¹³⁰ около 5 часов утра начал обстрел судовой артиллерией района севернее Торенсберга и района устья реки Аа. Под прикрытием этого огня, веденного очень энергично, около 6 часов утра противником была произведена попытка высадиться в район Маиоренгоф, с катером, за которым следовал транспорт. Попытка эта, благодаря доблестным действиям наших частей, была отбита, причем в дружном отражении противника принимали даже участие телефонисты. Потерпев неудачу, противник произвел вторую попытку высадиться в районе Дуббельн, но, встреченный нашими частями, принужден был уйти в море. Около 8 часов утра была произведена третья попытка высадиться у Каугерн, причем небольшим частям противника удалось высадиться к западу от Каугерна. Энергичными ударами сосредоточенных наших славных частей все высадившиеся части были сброшены в море, причем огнем наших пулеметов, действовавших с дистанции 100 метров, противнику нанесены огромные потери. Катера и суда поспешно ушли в северо-восточном направлении. Нами захвачены лодки и оружие. Во время указанных действий гидроплан пытался снизиться у Маиоренгофа, но был подбит нашим огнем и на буксире уведен противником.

Одновременно с попытками произвести десант на побережье, противник перешел в наступление со стороны Усть-Двинска, заставив в течение дня отойти несколько назад левый фланг нашего расположения. На этом участке бой продолжается. На побережье в течение дня было спокойно. В районе Фридрихштадта наши войска в направлении станции Даудзевас остановили предпринятое противником наступление.

В районе Тальсена спокойно, наши части успешно продолжают очистку этого района от банд, грабящих население...¹³¹

Копия

94. Неизвестное лицо -- Бермонту-Авалову

Ваше Превосходительство,

Разрешите довести до Вашего сведения, что марки, благодаря всевозможным обыскам, арестам и общей медленности в их заготовлении, фактически не могли быть своевременно высланы на фронт. Кроме того, предприниматель, согласно договора, имеет право на продажу известной части в свою пользу -- в этом его выгода и объяснение всего соглашения. Тем не менее, я настаивал на отправке марок во что бы то ни стало, но из этого, к сожалению, ничего не вышло. Даже столь небольшого количества как 260 000 шт[ук] не удается отправить с кап[итаном] Гершельманом из-за риска конфискации и ареста лиц, их везущих. Все разговоры о том, что мы тут занимаемся продажей марок, в лучшем случае заблуждение, в худшем -- клевета. Все марки в количестве 9-10 млн шт[ук] пребывают опечатанными. Разрешение вопроса о них -- часть общего вопроса, разрешаемого комиссией. Кроме того, приняты меры к получению их другими путями. Андрей Константинович [Реммер] уполномочил полковника Суворова принять марки по снятию ареста. Теперь Андрей Константинович, согласно Вашему приказанию, сложил с себя полномочия и финансовыми вопросами не ведает. Созданное им грандиозное дело рухнуло, но не по его вине. Он и все, кто вместе с ним работали, честно и самоотверженно шли к определенной цели -- сделать все, дабы жила Западная армия, в то время как другие мешали этому, очевидно по недомыслию. Марочное дело, как исключительно выгодное для армии, как крупный фискальный источник гербового, почтового и как налога на роскошь сбора, кроме того, доходов, которые могут быть от продажи марок за границу коллекционерам, и, наконец, синдикат, образованный А.К. [Реммером], разве все это не решение задачи, хотя бы даже все эти дела временно переживали кризис, как и все наше дело. До сих пор я Вам ничего не писал, так как обо всем Вам докладывал Андрей Константинович. Теперь разрешу Вам донести, что фон [...] ¹³² работает с нашей стороны в междусоюзной комиссии и, как владеющий двумя языками, он оказывает влияние отдельно на каждого члена комиссии и достигает результатов как в отношении признания Вас командующим, так и в финансовых вопросах. Кроме того, как русский

представитель в комиссии работает А.И. Гучков, который находится под влиянием нашего офицера, друга Алексеева¹³³, мичмана Клейбер[а].

Прапорщик Емельянов, командированный в Берлин для дачи концертов, таковых давать не может, но обещает половину своих заработков от выступлений жертвовать в пользу армии.

Относительно себя доложу, что я жду освобождения опечатанных марок вместе с полковником Суворовым для сдачи таковых уполномоченным от Вас приемщикам.

Неудача, постигшая Андрея Константиновича, естественно отражается на всех его подчиненных. Про всех говорят невероятные гадости и всеми силами стараются смешать с грязью. Что касается меня, то к такой оценке людей я уже привык, но тем не менее слишком все тяжело и подло. Если Вы хотя бы одну секунду поверили, я прошу Вас потребовать от меня официального отчета в каждом шагу своих действий, хотя бы даже я был лишь исполнителем полученных приказаний своего начальника, так как каждый из нас самоотверженно работал во имя Ваше, во имя полковника Бермонта, создавшего Западную армию из хаоса, лжи и подлости одних и благородства и чести других. От всей души желаю Вам всего наилучшего. Глубоко уверен, что Вам никакие препятствия не страшны, что Вы все победите и уже победили.

Уважающий Вас, поручик [...]134

Копия

95. К.К. Пален -- Бермонту-Авалову

8 ноября 1919 года

Глубокоуважаемый Павел Михайлович,

Я только что узнал о том, что у Вас был какой-то ротмистр Майзель, предлагая привести отряд. Меня просил Позен передать Вам, что Майзель не ротмистр и известен как аферист, продающий полякам немецкое оружие. Чтобы получить его из складов, он хочет предъявить от Зап[адной] армии свидетельства. Позен советовал его арестовать здесь и произвести у него обыск. У него еще два помощника, выдающиеся за офицеров -- все это мошенники. Пишу Вам в постели, извините почерк.

Крепко жму Вашу руку, искренне преданный Вам Константин Пален

96. Политическое донесение Бермонту-Авалову из Берлина

11 ноября 1919 года

На основании обысков в Военном отделе Западной армии в г[ороде] Берлине был арестован казначей отдела Зальман, просидевший в Моабитской тюрьме 14 суток. Кратковременному аресту были подвергнуты кроме того: бар[он] Кнорринг, корнет Бодин, подпоруч[ик] Розенвальд, поруч[ик] Зиверт. Усиленно разыскиваются кап[итан] Непорожный и ротм[истр] Гершельман. Обыски и аресты исходили в первое время от абвер-команд¹³⁵, затем были переданы в ведение фремденполицией¹³⁶, наконец, комендантуре г[орода] Берлина, во главе которой стоит майор Каупиш. Каупишу поручено ведать всеми делами, касающимися вербовки, доставки оружия в Западн[ую] армию и т.д. Его помощником назначен г[осподи]н Феллехнер. По слухам, междусоюзническая прибалтийская комиссия с ген[ералом] Нисселем¹³⁷ во главе не поедет в Митаву, а собирается остановиться в г[ороде] Мемеле, взяв для собственной защиты пулеметы.

Граф Ребиндер передает междусоюзной комиссии список лиц, вредных, по его мнению, для намерений Антанты в Прибалтике. В список вошли: барон Кнорринг, кап[итан] Непорожный, ротм[истр] Гершельман, шт[абс]-ротм[истр] бар[он] Нольде, корнет Бодин 1-й и 2-ой, корн[ет] Карпов, поруч[ик] Зиверт.

Шт[абс]-ротмистр[...]138

97. Реммер -- Бермонту-Авалову

Дорогой и горячо любимый князь Павел Михайлович,

Твой граф Пален не мог бы никогда примириться с обстоятельством, когда при тебе находился бы человек, который смел бы свое суждение иметь и тем самым возражал бы на политику, проводимую графом, с исключительными видами господ прибалтийцев. Когда в Берлине я поднял на заседании в начале августа вопрос о персональной унии прибалтийских баронов с Германией, то барон Пилар позеленел от злости и вынужден был сознаться, что действительно нет акта, уничтожающего унию, но что якобы уния эта автоматически не существует, так как не существует старая Германия.

На мой вопрос "а что если Германия вернется к старому строю, то в этом случае как бароны поступят в исполнение подписанного ими акта об унии с Германией?" -- Пилар в гневе возразил: я не понимаю, для чего г[осподин] Реммер поднимает такие вопросы, которые ничего общего с нашим делом не имеют.

Вот с какого именно времени все баронство страшно вооружилось против меня и главным образом направило все усилия к тому, чтобы аннулировать то доверие, которое ты имел ко мне. Много было потрачено ими энергии и трудов и так как возможность достачи Реммером миллионов для тебя возвеличила бы Реммера и низвела бы все их интриги на нет, пошли на гадкое дело и на третий день пребывания Палена в Берлине было сообщено делегации от синдиката, что Реммер аферист, что доверенности от него отобраны и что с Реммером никаких дел делать не следует.

На немцев это подействовало ужасно. Все это под присягой готовы подтвердить сами предложившие мне услуги: В.М. Поппе, Лев Андреевич Лаутман, и, когда будет нужно, это заявят и сами члены синдиката.

6 ноября бар[он] Кнорринг прислал мне письмо твое от 28 октября, в котором ты предлагаешь мне ввиду отсутствия реальных результатов прекратить действия по полученным мною доверенностям, 7-го вечером Поппе от моего имени заявил представителю твоему барону Кноррингу, что, согласно полученного твоего письма, Реммер прекратил всякую деятельность финансирования твоего дела. Кнорринг бесконечно обрадовался и начал упрашивать В.М. Поппе, что в устранении Реммера от дел он, барон Кнорринг, решительно ни при чем, что это Пален, которого он, Кнорринг, не оправдывает. Со своей стороны Кнорринг заявил, что действительно Реммер слишком верил в хороший исход дела и это, якобы, погубило все дело. С таким выводом могут выступать только или безумные, или злонамеренные. Но теперь поздно все это трактовать. К делу. Так как официально я не могу тебе помочь, я тебе помогу неофициально без всяких доверенностей. Люди, которые меня за это время узнали, желают идти со мною в частное предприятие, которое даст тебе постоянную поддержку деньгами. Но только тебе лично, а не Палену и Ко. В тебе определенно видят вождя армии против большевиков и тебе одному доверяют, в остальных видят лишь реакционеров, стремящихся только к одному -- возврату к основам унии, к милитаризму, к абсолютизму.

Вчера был вызван для дачи объяснений к генералу Нисселю. Генерал Ниссель -- глава миссии, которую послала Антанта разобрать прибалтийское дело. Я подробно изложил генералу Нисселю, хорошо говорящему по-русски, что ты с самого начала и до настоящей минуты только о том и думаешь, чтобы идти на большевиков, помочь Деникину и Юденичу. Сказал, что может быть в Прибалтике и есть какое-нибудь гнездо контрреволюционеров Германии, о перехваченных письмах которого говорит Антанта, но что с этим гнездом у тебя ничего общего нет.

План генерала Нисселя заключается в том, чтобы твоя армия пошла на соединение с Юденичем, а немцы чтобы ушли в Германию. Генерал спросил меня: нам известно, что вы друг Бермонта, так скажите, как Бермонт отнесется к такому единственному положению. Я ответил: командующий наш имеет лишь одну единственную цель: освободить страдающую Родину от воров и грабителей в лице Троцких¹³⁹, Лениных и проч[ей] сволочи. Само собою разумеется, что никакого

отношения к восстановлению или контрреволюции в Германии командующий не имеет и если бы обнаружил что-либо подобное, то самым решительным образом пресек [бы] всякую деятельность в этом направлении.

Впечатление мое от допроса меня французами таково, что Антанта решительно не знает выхода из положения и совершенно бессильна что-либо физически провести, кроме застрашивания. Но у нее большой козырь в надежде взять измором тебя и, главным образом, немцев, чего надеются достигнуть при содействии Носке, видящего сегодня во всей прибалтийской политике организацию роялистов с баронами. Я категорически заявил генералу Нисселю, что если он даст тебе средства -- ты немедленно выступишь на фронт против большевиков, из чего сразу будет видно, в каком направлении ты желаешь действовать. Когда и Нисселю я заявил, что я частный человек, то он очень начал просить помочь ему разобраться во всем этом деле. Я ему ответил: единственно, что поможет делу -- это если генерал Ниссель, говорящий по-русски, обо всем переговорит сам с нашим командующим. Без всяких посредников, без всяких переводчиков. Вот что единственно может привести к самым лучшим результатам. Генерал Ниссель через два дня уезжает на фронт и постарается обо всем переговорить с тобой.

Целую крепко и храни тебя Господь Бог.

Твой навсегда А. Реммер

Берлин, 11 ноября 1919 года

При первой возможности еду с Поппе в Митаву.

98. Гучков -- Бермонту-Авалову

11 ноября 1919 года

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Вместе в к[омис]сией междусоюзнической, которая едет для урегулирования дел в Балтике, отправляется мой старый и добрый знакомый бар[он] Корф. Очень рекомендую Вашему вниманию его, как человека отлично осведомленного, вполне надежного и, кроме того, имеющего связи со штабом адм[ирала] Колчака.

С глубоким уважением (А. Гучков)

Берлин,

Копия

99. Донесение корнета Б.Э. Коскупа Бермонту-Авалову

13 ноября 1919 года

Доношу, что с[его] ч[исла] мною получено донесение из Кенигсберга, от 12 с[его] м[есяца] (время отправки 6 час. 40 мин. вечера) следующего содержания:

"У меня сложилось впечатление, что комиссия боится неприятностей вне границы; она прибудет в Тильзит в четверг, где временно остановится. Следует сообщить через адъютанта, посредством собственноручного письма, о приглашении комиссии сюда и гарантировании полной безопасности, и что командующий неотлучим. В крайнем случае встреча в Шаулен (Шавли) полезна. Мое впечатление, что поездка в Тильзит каких-либо начальников и депутатий грубая ошибка, так же и не следует касаться вопроса о колонизации".

С подлинным верно: Корнет бар[он] Коскуль

Копия

100. Директива германского комиссара при межсоюзной комиссии по прибалтийским делам вице-адмирала Гопмана командиру Железной дивизии

[Ранее 14 ноября 1919 года]
Командиру Железной дивизии
Митава

Для дальнейшей передачи командирам всех самостоятельных германских корпусов: по желанию межсоюзной комиссии по прибалтийским делам, Вы сим получаете приказание от германского имперского правительства прибыть на совещание в пятницу 14 ноября 1919 г. в гор[од] Тильзит. Гарантируется неприкосновенность личности и возвращение к Вашим частям. Ответ, когда придете, в ген[еральное] командование VI Резервного корпуса, на мое имя, а также к сведению Жел[езной] дивизии от Ген[ерального] командования] VI Рез[ервного] корпуса и 8-му воен[ному] управлению ж[елезных] д[орог] по поручению германского имперского правительства.

Германский комиссар при межсоюзной комиссии по прибалтийским делам
вице-адмирал Гопман140

Копия

101. Директива Гопмана командованию Западной добровольческой армии

[Ранее 14 ноября 1919]
Русской Западной армии
Митава

Согласно ходатайству председателя межсоюзной комиссии французского генерала Нисселя по прибалтийским делам, сим приглашаю начальника генерального штаба Западной армии, а также командиров самостоятельных корпусов прибыть на совещание с межсоюзной комиссией в Тильзит и прошу указать мне время прибытия по телеграфу в Генеральное командование VI Резервного корпуса в Тильзите. Гарантируется неприкосновенность личности и возвращение в Прибалтику германским правительством.

Гопман, Вице-адмирал и герм[анский] комиссар по прибалтийским делам при межсоюзной комиссии.

102. Рапорт ротмистра Аничкова Бермонту-Авалову

Тильзит, 15 ноября 1919 года

Обер-офицер для поручений при начальнике в[оенно]-походной канцелярии командующего Западной добровольческой армией ротмистр Аничков

14 вечером я прибыл в Тильзит. Нам стало известно, еще в дороге, что союзная комиссия уехала в Ковно. Сегодня утром мы узнали, что здесь находится еще одна миссия генерала Викцент[а], которая будет контролировать границу. Я немедленно явился к генералу, был принят самым любезным образом, причем генерал заверил меня, что генерал Ниссель будет очень рад прикомандированию к нему русских офицеров Западной армии. Генерал познакомил меня с остававшимися в Тильзите офицерами Нисселя. Из переговоров с ними видно, что миссия хочет ехать в Митаву, но боится враждебных выступлений со стороны немецких солдат армии. После многих заверений в дружественном к ним отношении нашей армии, они сказали, что по всей вероятности миссия придет в Митаву. Миссия на днях приезжает в Тильзит. Согласно данным инструкциям, я употребляю все усилия, дабы уговорить приехать их в Митаву. Со своей стороны позволю себе заметить, что вряд ли желателен их приезд в Митаву, переговоры лучше вести в Тильзите. Здесь их гораздо легче будет убедить, что армия русская, что германцы только вошли в наши ряды как добровольцы и что германского командования и влияния не существует. Французский полковник все время старался говорить со мной, как с союзниками, говорили, что планы французов расходятся с видами англичан, но что, к сожалению, Ниссель здесь

является только исполнителем приказаний Верховного союзного совета¹⁴¹ и вряд ли сможет встать на чисто французскую точку зрения и оправдать наши действия. Придется, мне кажется, иметь в виду возможное предъявление нам ультиматума об увольнении всех немцев, и тогда нам обещают все блага. Я заметил, что это требование абсурдно, армия этим уничтожается и этим самым уничтожается последний оплот против большевиков в Западной России. Я не имею времени сейчас изложить сколько-нибудь подробно положение, так как посылаю это письмо с Паршау, который немедленно едет на автомобиле в Митаву, и я только случайно об этом узнал. Прошу извинить меня за вид рапорта. Прошу Ваше Сиятельство немедленно снабдить нас с Кошкулем деньгами (2000 марок), если считаете необходимым мое присутствие здесь. Жизнь и расходы по представительству большие. В противном случае, мы принуждены покинуть, не окончив миссии, Тильзит 16 ноября. Прошу телеграфно известить, будут ли высланы деньги. Адрес -- Тильзит, отель Кайзергоф.

Для пользы дела, мне казалось бы, было желательным, чтобы я явился (или кто-либо другой) бы не только офицером связи, а Вашим представителем. Прошу также сообщить, корнет бар[он] Кошкуль подчинен мне или он так же, как у офицера связи. Во втором случае я прошу разъяснения освободить меня от исполнения моих обязанностей и передачи ему дела, а мне вернуться в Митаву¹⁴². Прошу прислать инструкции и держать меня в курсе дела, так как неизвестно, когда еще приедет комиссия.

Ротмистр Аничков

Копия. Резолюция: "Ст[арший] адъютант. Командующий приказал уведомить, что ротмистр Аничков является офицером для связи и сопровождения миссии в Митаву. Кор[нет] Кошкуль, как младший, должен исполнять все инструкции ротмистра Аничкова.

(Подпись)".

№ 103. Приказ **Приказ по Западной добровольческой армии по Западной добровольческой армии П** Прр по Западной добровольческой армииР

Митава, 15 ноября 1919 года

№ 79. Не подлежит оглашению

По отделу дежурного генерала

1. Отправленный на фронт под командою ротмистра Тимофеева эскадрон 1-го конного полка Зап[адного] добровольческого имени графа Келлер[а] корпуса, сформированный подполковником Наместником, оказался воспитанным и проникнутым тем духом, которого я желал бы видеть во всех частях командуемой мною армии и основы коего я постоянно проводил и прививал частям войска.

Корректное и рыцарское отношение к местному населению, безукоризненная служба и точное исполнение отданных приказаний свидетельствует о точном понимании долга солдата и воина.

От лица службы благодарю к[оманди]ра конного полка полковника Долинского, его помощника полковника Кременецкого, подполковника Наместника, создавшего такой эскадрон, ротмистра Тимофеева, сумевшего воплотить в жизнь заложенные начала, всех гг. офицеров эскадрона, а молодцам всадникам объявляю свое спасибо.

2. Из Германии прибыл отряд лейтенанта Россбах и вошел в состав вверенной мне армии.

Имя Россбах пользуется большой популярностью в нашей среде и является залогом того, что и командуемые им солдаты оправдывают то доверие, которое все питают к их н[ачальни]ку.

От своего лица и всей армии приветствую лейтенанта Россбах[а] и его подчиненных и ожидаю от них дружной совместной работы против общих для всех врагов -- большевиков.

3. Замечено, что начальствующими лицами возбуждаются многочисленные ходатайства о назначении на административные должности строевых офицеров, чиновников и добровольцев. Во избежание сего приказываю начальнику строевой части армии освидетельствовать в состоящей при дивизионном лазарете постоянной врачебной комиссии, в состав коей распоряжением дежурного генерала назначается представитель от строевых частей, всех состоящих на службе в штабах, управлениях и заведениях армии офицеров, чиновников и добровольцев, занимающих должности от командира батальона и ниже и получающих содержание по 36 марок в сутки и ниже, на предмет определения годности их к строевой службе. О результатах этого освидетельствования

начальнику санитарной части армии сообщить дежурному генералу подробные списки с указанием степени пригодности каждого отдельного лица к строевой службе. Впредь всем начальникам возбуждать ходатайства о назначении на административные должности лиц не моложе 40 лет, имеющих свидетельства названной комиссии о полной непригодности их к строевой службе. Лиц же непригодных к строевой службе и моложе 40 лет дежурный генерал в исключительных случаях и только с личного доклада мне может переводить на нестроевые или административные должности.

4. Ввиду того, что Балтийский Ландвер¹⁴³ со времени своего образования непрерывно вел борьбу с большевиками в Прибалтике и таким образом должен считаться находящимся на театре военных действий в боевой обстановке, предписываю распространить на лиц, служивших ранее в Ландвере и состоящих ныне на службе во вверенной мне армии, действия приказов по военному ведомству NoNo 563 и 681 -- 1915 г. и 296 -- 1917 г. о льготном и ускоренном производствах в следующие чины.

5. В дополнение к приказам No 5 п. 5 и No 7 п. 5 назначаю запасными членами в Думу для рассмотрения наградных представлений гг. офицеров к ордену Св. Великомученика и Победоносца Георгия полковника Анисимова, подполковника Червякова и капитана Гончаренко.

6. Назначается комиссия для рассмотрения наградных представлений о производстве в высшие чины, а равно об отдаче старшинства в чин в следующем составе: председатель -- генерал-лейтенант Билинский и членами -- генерал-майор Мартынюк и подполковник Кременецкий, при делопроизводстве подпоручик Резонь.

7. При встрече с офицерами в расстегнутых шинелях и с тросточками в руках буду таковых арестовывать и передавать военно-полевому суду за неисполнение моих приказов.

8. Распоряжением командира Западного добровольческого имени графа Келлер[а] корпуса в городе Туккум учредить военно-полевой суд.

9. Во изменение п. 10 Положения о чинах резерва армии, объявленного в приказе по армии No 6 пар[аграф] 3, указанным чинам состоять на денежном и кормовом довольствии при штабе армии в отделе дежурного генерала.

10. Ввиду явно вредного направления газеты "Утро*", в подтверждение приказа по армии No 25, пар[аграф] 1 воспрещаю распространение этой газеты в областях, занимаемых вверенной мне армией.

11. Приказываю солдатскую чайную, помещающуюся на Павловской улице, со всем инвентарем и штатом служащих передать в распоряжение начальника Отдела агитации и пропаганды при штабе армии.

12. Добавляется в Правила содержания военнопленных в Западной добровольческой армии, объявленные в приказе по армии No 66, пункт 4:

"Все военнопленные офицеры, чиновники и прочие чины получают, кроме положенного им денежного довольствия, и полный солдатский паек".

13. Медицинский склад в Шавлях и лазарет бывшего Отдельного добровольческого корпуса Дибич[а], находящийся в женской гимназии в Шавлях, переходит в распоряжение начальника санитарной части армии. Приемка имущества склада и лазарета и временное заведование лазарета возлагается на врача Немецкого легиона.

14. Приказываю всем прибывающим в Митаву гг. офицерам, врачам, чиновникам и военным священникам в течение 24 часов по прибытии в город являться в Квартирный отдел комендантского управления для регистрации.

15. Категорически воспрещаю комендантам частей составлять самостоятельно наряды на обывательские подводы и требовать выполнения таковых от волостных старшин. С требованиями на обывательские подводы обращаться к уездным комендантам или их помощникам.

16. Нижеследующих гг. офицеров освидетельствовать в постоянной врачебной комиссии при дивизионном лазарете на предмет годности их к строевой службе:

Бывшего политического отдела армии поручика Крестини,

Западного добровольческого имени графа Келлер[а] корпуса:

1-го конного полка поручика Нехай, 1-го пластунского полка поручика Клейненберг, состоящего в корпусном суде корнета Фриденталь, 1-го артиллерийского полка прапорщика Целина и 1-го запасного батальона корнета Берневиц[...]¹⁴⁴

Копия

104. Телеграмма Бермонта-Авалова Междусоюзнической комиссии Прибалтики

Митава, 16 ноября 1919 года

Адмиралу Хопману -- Тильзит

Вашу телеграмму от 16 ноября получил. Западное русское правительство и я действовали против воли германского правительства, которое несколько раз предлагало очистить Прибалтику. Веруя в помощь союзных России держав, я начал образовывать свою армию в твердой вере в то, что мне будет разрешен проход на большевистский фронт. Когда я хотел пути на назначенный мне участок большевистского фронта, латыши заградили мне дорогу и напали на меня.

Поэтому я должен был прибегнуть к собственной помощи и принять вынужденный бой. Я предполагал, что представители союзных и союзных с ними держав, которые отдавали в Риге и Литве приказ стрелять по русским войскам, что они следовали не по приказу своих правительств. Я не могу принять ни на себя, ни на счет Германии вину за кровопролитие у Риги и Либавы. Я более чем когда-либо стою на точке зрения, что свержение большевизма без создания западного фронта является невозможным. Прошу сообщить, является ли это действительно желанием союзных и дружественных держав, как это вытекает из точки зрения, переданной Вашим Превосходительством, дать большевизму свободу в борьбе всего культурного мира.

Командир Кн[язь] Авалов.

Копия

105. Командир Германского легиона капитан 1-го ранга Зиверт -- Бермону-Авалову

Германский легион, 11 ноября 1919 года

Командующему Зап[адной] Добровольческой] армии

Полковнику князю Авалову-Бермону

Телефонограмму, полученную мною от полк[овника] Вырголича, содержащую приказы командующего, я считаю необходимым исполнить так же тщательно, как и сохранить добрые отношения с командиром 2-го Западного корпуса Вырголичем.

Я полагаю, что Вы никогда не допускали сомнений относительно таких моих намерений, однако текст Вашей телефонограммы допускает такое толкование.

Согласно приказу по армии, на меня возложено командование в Шавельском участке и принятие комендатуры штаб-квартиры, по уходу Добр[овольческого] корпуса Дибич[a], причем корпус Вырголича подчинен был мне в тактическом отношении. Вследствие этого я был назначен по Вашему приказу высшим начальником в Шавельском участке, безотносительно к полномочиям начальника гарнизона, о назначении коего я узнал из Вашей телеграммы, и я не считал бы обязанным исполнять приказания, отдаваемые подчиненным мне учреждением.

Смена частей, стоящих на фронте, влечет за собою и смену снабжающих их тыловых учреждений. Поэтому я приказал установить в помещении эвакуирующегося лазарета No 11 полевой лазарет Германского легиона, считая, что эта мера не может вызвать чьего-либо возражения. Другого помещения для приема больных и раненых из стоящих на фронте частей здесь нет. Поэтому я полагаю, что действия начальника гарнизона, направленные, вразрез с моими приказаниями, к тому, чтобы поместить свой корпусной лазарет, обслуживающий части, стоящие в гарнизоне, именно в том здании, которое мне необходимо для планомерной смены частей, в то время, как для этого имеются и другие достаточные здания, я полагаю, что такие действия не найдут Вашего одобрения. Но ввиду того, что начальник гарнизона ссылается на мне не известный Ваш приказ, прошу Вас, по рассмотрению моего донесения, распорядиться о беспрепятствовании установлению моего лазарета, ибо в противном случае мои части не смогут быть достаточно обслуживаемыми. В ожидании Вашего распоряжения, я немедленно взял обратно свой приказ, ввиду того, что мне указывают на существование Вашего распоряжения. Что касается материалов полевого лазарета No 11 и его санитарных автомобилей, то этот

лазарет получил приказ от VI Рез[ервного] к[орпу]са сдать весь свой лишний материал корпусу Вырголича. Это и было сделано без всяких препятствий со стороны моих войск. Наличный же полагающийся материал подлежал отправке в Германию. Для того, чтобы обеспечить мои войска нужным материалом, я решил вопреки распоряжению немецкого генер[ального] командования велеть конфисковать этот материал. Поэтому эти материалы отныне являются собственностью легиона, отнюдь не в ущерб корпусу Вырголича. Для проведения этой конфискации и были приняты мною меры по отношению к немецкому лазарету, как расстановка пулеметов и проч[его], а вовсе не для того, чтобы насильно занять лазарет вопреки Вашему распоряжению, как это понял полковник Вырголич и, кажется, даже сообщил Вам.

Надеюсь, что это донесение внушит Вам убеждение, что я следовал Вашим приказаниям, которые соответствуют и моим желаниям, и не совершил ничего нарушающего корректность взаимоотношений.

Чтобы избежать возможные недоразумения, прошу о точном определении границ компетенции начальника гарнизона.

Буду Вам очень благодарен, если Вы распорядитесь, чтобы распоряжения, существенно затрагивающие интересы моих войск и вопросы квартир, отдавались по предварительному соглашению со мной, которого, при взаимной предупредительности, достигнуть будет нетрудно. Надеюсь, что после этого столь весьма печальные явления повторяться не будут.

Зиверт, капитан 1-го ранга

Копия

Резол[юция] и надпись Бермонта-Авалова: "К делу (личная переписка). Кн[язь] Авалов. 19 ноября*; "Вечная память рыцарю и верному другу кап[итану] Зиверту, погибшему за возрождение России. Князь Авалов 19 ноября*

106. Распоряжение Генерального командования VI резервного корпуса

[Не позднее 19 ноября 1919 года]

Группе Авалова

№ 607. Отд. па 22817

Сообщить непосредственно Генер[альному] команд[ованию] по телеграфу или письменно список командиров отдельных частей, включая батал[ьонных] командиров до командиров малых самостоятельных частей. Представить не позже 20 ноября -- 8 ч. вечера.

Копия

Резолюция командующего армией: "Ген[ерал]-кварт[ирмейстер]у. Сообщить Генер[альному] ком[анд]о[ванию], что группы Авалова нет, а есть Зап[адная] армия, кот[орой] командует полк[овник] кн[язь] Авалов, кот[орый] привык уважать и верить слову генерала. Полк[овник] кн[язь] Авалов. 19 ноября 1919 года*

107. Обращение полковника Вырголича 145

Господа, мы все, здесь собравшиеся, -- русские люди. Я не политик. Кроме того, сейчас не посвящен во все ее [политики] тонкости и нюансы, потому боюсь ошибиться, но мне все же кажется, я даже убежден, что мои слова найдут в вас отклик, вы поймете то, о чем я вам скажу от лица воинов. Все, что было мною только что доложено, не является детально разработанным планом действия, нет, это только канва, вместе с тем крик наболевшей русской души.

Возможно, и я согласен с этим, что нам необходимо обеспечение глубокого тыла, подчеркиваю -- глубокого, так как история недавнего прошлого говорит, что для создания Добровольческой армии не так остро необходима глубина тыла, сколько дух борцов, идущих за вождем ради спасения Многострадальной.

Условия, при которых мы работаем, значительно, во много тысяч раз лучше тех, при которых начинали дело создания Добровольческой армии генералы Алексеев и Деникин. Все это мы должны взвесить, господа, и должным образом оценить. Имейте в виду, что за каждое наше вольное или невольное прегрешение мы ответственны прежде всего перед нашими семьями и будущим поколением. Быть может, вы нашли, что в моих словах об обеспечении глубокого тыла проскользнула ирония. Да, и в этом вы не ошиблись.

Мне, русскому человеку, больно сознавать, что по всем деяниям нашей будущей союзницы, Германии, приходится констатировать факты неискренности, в полном смысле этого слова. Став на точку зрения, что мы все, здесь собравшиеся, делаем великое дело собирания Земли Русской при помощи наших новых друзей, я должен заметить, что сейчас я вправе в первый раз бросить им, т[о] е[сть] нашим друзьям, упрек.

Какие имеются на это у меня основания -- разрешите сказать позже, а сейчас остановимся на вопросе обеспечения тыла. Итак, мы приняли за основу всех наших действий мирную оккупацию Прибалтики -- в надежде на то, что при возрождении в недалеком будущем России эти области к тому времени уже будут русскими и тем самым нам не придется отвлекаться от внутреннего строительства Отчизны, так как о мятежных окраинах думать не придется. Так вот -- пусть же немецкое командование уяснит себе, что русские 2-го Западного добровольческого корпуса поверят в их искренность, если они смогут принять на себя защиту населения тыла и поддержания в нем порядка, а нет -- нам дать возможность силою оружия угомонить взбунтовавшихся, неразумных братьев наших, подкупленных заветами антихриста.

Поэтому, господа, всех вас, а вас еще раз, Павел Михайлович, прошу об исполнении заветного желания корпуса идти на большевистский фронт, предоставить тыл нашим доблестным приятелям -- немцам.

Во всяком из нас живо русское сердце, и поэтому приложим все свои силы к проведению того, что мною было только что сказано.

Вот все мои соображения, которые я вам честно изложил и против которых ни я, ни мой корпус не пойдут.

Начнем же, господа, учить наших друзей и врагов уважать русское властное слово.

Все изложено письменно.

Что написано пером, того не вырубишь топором... Я готов ответить Родине за каждое свое слово. С подлинным верно:

Копия

108. Полковник Вырголич -- Бермонту-Авалову 146

Положив в основу корпуса идею борьбы с большевиками и подняв знамя освобождения Святой Отчизны от ига насильников, я собрал вокруг такового добровольцев, проникнутых теми же чувствами, что и я, поэтому я не вправе не принять во внимание, что все чины вверенного мне корпуса, горя желанием вступить в бой с предателями нашей беззаветно любимой Родины и будучи лично всегда готовы головы свои положить за великое дело восстановления мощи и славы Отечества, обратились ко мне с просьбой дать им в ближайшем будущем возможность доказать свою преданность святому делу.

Я глубоко счастлив подобным проявлением патриотизма чинов корпуса и убедительно прошу дать мне право выступить на фронт, согласно данному Вами обещанию корпусу 22 октября, в день Вашего посещения города Шавель.

Понимая, как трудно в данное время исполнить заветное желание всех чинов вверенной Вам армии двинуться на врага, я тем не менее настоятельно прошу о напряжении всех средств для отправки и предоставления 2-му Западнему добровольческому корпусу боевого участка на большевистском фронте.

Пребывание в тылу разлагает войсковые части -- это аксиома. Многие офицеры входят с ходатайством об отправлении их к генералу Юденичу и Деникину; подъем большой -- грех его не использовать.

В рядах собравшихся добровольцев для борьбы с большевиками идут

неодобрительные разговоры о нежелании начальства воевать, о пассивном подчинении немцам; о том, что мы просим все освободительное движение и т. д. и т. д.

Придавая всему вышеизложенному должное внимание, я не вправе обойти молчанием факт движения среди добровольцев к заветной мечте подавления большевизма, так как стремление на фронт есть прямое следствие той политики, которая сейчас проводится в жизнь, а потому я настоятельно прошу, для продвижения вперед, принять следующие меры:

1) Более властно с сознанием собственной силы с Колчаком и Юденичем, вести дальнейшие переговоры с германским командованием и окончательно выяснить последующую политику германцев по отношению к нам, по выводе на большевистский фронт. Запастись крупным денежным фондом для обеспечения дееспособности корпусов.

2) Поставить германскому командованию определенные требования для отправки войск на большевистский фронт.

3) Потребовать от них же вполне оборудованный транспорт для возможности передвижения; до сего времени нам частично отпускают все, что дает возможность влачить тыловую жизнь, но не отпускают того, что создаст за нашими спинами крылья.

По выполнении вышеприведенных пунктов, выступление на фронт считаю нормальным, но если бы по каким-либо соображениям это оказалось бы невыполнимым, то я все же осмелюсь от лица корпуса сказать, что оставаться в батрачском положении -- постыдно, а поэтому следует: добиться переговорами с литовским правительством, которое дружелюбно настроено к нашему корпусу, что явствует из приема делегации корпуса, пропуска наших войск на большевистский фронт, либо если бы и это было невыполнимо, то пробиваться с оружием в руках на большевистский фронт.

Если бы политическое положение переживаемого времени поставило нас в положение, когда мы уже не являемся господами своего положения, когда наш голос, голос русских, является голосом вопиющего в пустыне, то и здесь я от лица корпуса нахожу нужным изложить следующие пункты, которые должны быть не только приняты во внимание, но и исполнены германским командованием:

1) Получая от Германии обмундирование, снаряжение, пищевые продукты и т. д., надо твердо знать, по какой цене все это будет оплачено в будущем, не следует давать широких обещаний, а наоборот, торговаться без стеснения, соблюдая интересы разоренной России.

2) Расселение в Прибалтике немецких переселенцев, рассчитывающих получить по 80 моргов земли. Оно обрисовывает причину нахождения германских войск здесь, то есть защиту переселенческих интересов; на это обстоятельство надо обратить все внимание, ибо что приемлемо для немца, то в данном случае для русского несмыслимый позор. Это надо уяснить себе до мелочей и определенно объяснить войскам, за что они ведут борьбу.

Предполагаемые к выпуску новые деньги вместо "остов* только поднимут стоимость "остов*, удорожат стоимость товаров и, введя лишний денежный знак, вряд ли будут приняты в обращение местным населением; придется их вводить силой оружия, что вряд ли желательно в настоящее время и что приведет к исчезновению товаров с рынка.

5) 147 Отпуск денег, практикуемый до сего времени, ставит нас в полную и безысходную зависимость от германского командования, расценивая нас как поденных рабочих, ни одно серьезное, уважающее себя предприятие не может вести операций без основного и запасного капитала, а потому я еще раз настоятельно настаиваю на отпуске в корпус необходимых для хозяйства сумм, без которых мы никогда не получим возможность продвинуться вперед, а будем служить ширмой, за которую германцы будут совершать свои делишки, насаждая в краю колонизацию, которая в будущем экономически нас задушит.

При поступлении добровольцев на службу им было объявлено, что при расформировании корпуса полагается каждому из них выдача месячного оклада, что приблизительно для 2-го Зап[адного] корпуса составляет 1 500 000 тыс. марок, которые всегда необходимо иметь налицо.

Отвечая перед каждым добровольцем за тот путь, по которому я, по данному мною слову, его веду -- настоятельно прошу объявить в приказе по армии совершенно определенно, что ни один из нас не будет опорочен, как русский, находящийся ныне на создавшемся политическом фронте -- Прибалтике.

Немедленное разрешение всех этих вопросов есть не моя просьба, а мольба

всего корпуса, втянутого в трясину политики и слезно молящего дать ему выход -- туда, где надлежит быть сейчас каждому русскому человеку.

Копия

109. Меморандум А. Недры с комментариями

Перевод

Как обеспечить русские части в Курляндии деньгами

Государственное имущество.

В Курляндии много русского государственного имущества. Около одной трети всей площади Курляндии принадлежало государству. На этой площади находится много казенных имений, как равно хорошие казенные леса. Равным образом в городах было много казенных зданий, казенных земельных участков и т.д. Большая часть железных дорог и гаваней являлась имуществом Российского государства.

Непонятным образом, правительство Ульманиса и Народный совет¹⁴⁸ смотрят на все это имущество как на перешедшее во владение провозглашенной ими свободной и самостоятельной Латвии.

Юридически на это имущество можно смотреть только как на временно покинутое собственником. В таком случае местная государственная власть может его взять только под свое управление и охрану. Как только собственник возвращается и желает взять имущество в свое пользование, тогда уже местная государственная власть не имеет ни права, ни основания его задерживать.

Правительство Ульманиса и Народный совет, напротив, доходят до того, что они хотят заложить русское государственное имущество как латышское в Англию, чтобы гарантировать внешний заем Латвии в 20 млн фунтов.

Но как скоро русские части имеются в Курляндии и достаточно сильны, чтобы взять под свое управление и охрану государственное имущество России, тогда уже Латвия не имеет никакого законного права запретить это.

Это государственное имущество, которое русские части вернули своему отечеству, может быть использовано на нужды русского государства. Главной целью в настоящее время является -- освободить Россию от большевиков, установить в ней правовой порядок и возобновить хозяйственную жизнь.

Одних текущих доходов с государственных имуществ на это, конечно, не хватит. В таком случае самое естественное, что русское войско закладывает находящееся в его руках государственное имущество, чтобы спасти государство. Конечно, это закладывание может произойти только при том условии, что Россия в праве, как только она в состоянии, в любой момент уплатить своей долг и его проценты и вернуть себе право неограниченного распоряжения своим имуществом.

Лучше всего, конечно, было бы заключить заем за границей, предпочтительно в странах Антанты. Тогда соответствующие державы были бы заинтересованы в восстановлении России.

Но также и внутренний заем имеет свои хорошие стороны. Пока фронт находится в Курляндии, а после и в Лифляндии¹⁴⁹, как и за время хозяйничания большевиков в Риге, в Латвию притекли громадные суммы царскими и думскими деньгами. Если принять во внимание, что советская республика одна прислала в Ригу более 600 млрд руб., то можно считать, что в Латвии не менее полумиллиарда русскими деньгами. Эти деньги изо дня в день теряют свою ценность. Если можно было бы задержать это падение ценности, то для собственников многое было бы спасено.

Это падение курса в Латвии еще можно задержать. Надо выпустить облигацию на отдельные предметы государственного имущества России, находящиеся в Латвии. Эти облигации можно продать местным жителям за русские деньги по курсу. Полученные билеты отмечать клеймом и пускать в обращение, но уже как гарантированные не только русским золотым запасом, но и облигациями, выданными на государственное имущество России в Латвии. Конечно, общая сумма клейменых денег не могла бы превышать сумму выданных облигаций.

Местному населению из этого вытекала бы та польза, что оно превратило

бы свои кредитные билеты в реально гарантированные облигации.

Для России была бы та польза, что она выкупила бы свои долги (кредитные билеты) по низкому курсу.

Для русских частей польза была бы в том, что они получили бы средства для платежей, охотно принимаемые населением.

Латышский оригинал подписал А.К. Недра.

Нижеподписавшиеся члены организаций, борющихся против большевизма и стремящихся к возобновлению правового порядка в России и ее окраинах сошлись в нижеследующих вопросах на объединение своих действий.

1) Вопрос о будущих государственных и политических отношениях между Россией и Латвией в своем окончательном виде может быть разрешен только Учредительным собранием России и соответствующим народным представительством Латвии. Участвующие в настоящем договоре тем не менее убеждены, что в интересах и России, и Латвии лежит неделимое объединение их по следующим вопросам:

а) общая внешняя политика,

б) общее войско, в которое латышская армия входит как территориальная составная часть,

в) общие нормальные железные дороги и гавани, причем местные узкоколейные подвозные пути и шоссе, равно как и гавани, предоставляются в распоряжение Латвии; чиновники и служащие жел[езных] дорог и гаваней в Латвии берутся преимущественно из местного населения,

г) общая почта и телеграф; насчет чиновников и служащих тот же принцип, как под "в)*,

д) общие таможенные налоги,

е) общее законодательство по соответствующим вопросам "а)*--"е)*. Автономия Латвии признается желательной по следующим отраслям государственной жизни:

а) церковь,

б) суд,

в) школа (с обязательным преподаванием русского языка),

г) полиция (причем жандармерия может быть общей),

д) самостоятельное разрешение аграрного вопроса на началах римского (латинского) права, но под соблюдением общегосударственных интересов,

е) употребление доходов от поземельного, акцизного, квартирного и подоход[одного] налогов на местные надобности,

ж) предоставление государственных имуществ по реестрам "а)*--"е)* Латвии за вознаграждение по справедливой оценке,

з) самостоятельность самоуправления на земских началах, причем главной основой самоуправления считается имущество крестьянство, в которое вовлекается, с одной стороны, крупное землевладение -- тем, что приравнивается в своих правах и обязанностях мелкому (крестьянскому землевладению), а с другой стороны -- земледельческий пролетариат -- тем, что с помощью Латвии он приобретает землю в наследственную собственность. До разрешения аграрного вопроса избирательное право по самоуправлению должно быть обставлено так, чтобы диктатура пролетариата делалась невозможной.

Совместность борьбы России и Латвии против большевизма выражается в следующем:

а) Латвия является базой русского войска,

б) Латвия берет на себя защиту тыла русской армии в границах Латвии, образуя на своих средствах милицию. За то Россия не требует принужденной мобилизации и не производит реквизиции в Латвии. Русская армия держит гарнизоны в стратегических пунктах,

в) военное управление базой армии (за исключением милиции) находится в руках русской армии и гражданское (включая милицию) -- в руках представителей самоуправления; но для объединения делопроизводства военные власти командируют своего представителя в гражданское управление, и наоборот: гражданское управление -- своего представителя в центр военных властей по вопросам военно-административного характера,

д) таможенные доходы за время борьбы делятся пополам между военным и гражданским реестрами.

Граница Латвии -- этнографическая. Валки вкл[ючительно]. Представителями договаривающихся сторон считаются военно-политический сов[ет] в Берлине; органы самоуправления Латвии на основании законов до 28

февраля 1917 г., а со съезда -- из представителей, освобожденных от долга 29 декабря 1915.

Рабочий вопрос -- страхование, общественных работ.

Северо-западная армия под командованием генерал-лейтенанта Родзянко представляет по составным своим частям соединение двух стрелковых корпусов, из которых первым командует генерал-майор граф Пален, а второй в настоящее время состоит под командованием генерал-лейтенанта Арсеньева.

Общая численность армии, держащей фронт от гор. Ямбурга и упирающейся правым флангом в Псковское озеро, по мнению гвардии полковника Хомутова, не превышает 10-12 тыс. штыков, включая в это количество и артиллерию с кавалерией; кроме того, есть вспомогательная часть, как-то: авиационный отряд (из шести аппаратов, четыре доставленные англичанами небоеспособны, см. ниже), ударный танковый батальон из трех рот при шести танках, одна бронемашинка, исключая машинку отряда Свешлевого князя Ливена, взятую в бою под гор. Ямбургом, и три бронированных поезда, базирующихся, за неимением тыла, на гор. Гдов.

Положение Северо-Западной армии, как единицы крупной формации, нельзя признать хотя бы даже удовлетворительным. Безусловными виновниками создавшегося положения являются высшие чины командования и власти, проявляющие или преступное нежелание, или недостаток силы воли открыто выступить с протестом против тех глумлений и издевательств, проявлять которые по адресу армии не стесняются полновластные хозяева положения в Эстонии -- Антанты и главным образом англичане.

Результаты подобного отношения -- с одной стороны, англичан к "призреваемой" Северо-Западной армии, и, с другой, отношения русских властей к англичанам, налицо. Правда, Северо-Западная армия, как было сказано выше, насчитывает де факто 10-12 тыс. штыков, но это еще не значит, что она представляет из себя мощную единицу, могущую успешно вести борьбу на фронте.

Достаточная обеспеченность вооружением, правильно поставленное дело снабжения как обмундированием, так и продовольствием, достаточность необходимого для фронта снабжения, словом, наличность тех главных элементов, которые служат факторами в образовании армии как мощной боевой единицы (считая исключительно живую силу и не включая в нее командование с еще большими к нему требованиями) -- [всего этого] или совсем нет, или [если] они и проявляются, то очень слабо, а чаще не так, как это должно быть.

Что касается вооружения, то больший процент частей армии, или даже, можно сказать, почти вся армия, вооружена своими собственными средствами, если не считать прибывших за последнее время небольшого числа артиллерии, шести танков, четырех аэропланов (небоеспособных), незначительного количества ружей и боевых припасов; больший же процент вооружения есть трофеи в боях с советскими войсками. Насколько же добросовестно исполняется англичанами дело снабжения вооружением, видно хотя бы из следующих фактов: из четырех старых аэропланов, доставленных армии, все небоеспособны по чисто техническим причинам, которые не могли остаться незамеченными англичанами (отработавшие и уже абсолютно негодные моторы, гвозди в цилиндрах моторов), и когда были доставлены танки, то не оказалось пулеметных лент (англичане обвинили в задержке правление эстонских железных дорог). Как видно, названные два примера служат яркой и характерной иллюстрацией вполне недвусмысленного свойства. То же самое видим и в деле снабжения армии обмундированием. До сентября армия не получила ни одного комплекта обмундирования; в середине сентября прибыло обмундирование в количестве около 20 000 комплектов, из которых 4000 комплектов офицерского обмундирования. (Сапог пришло пока всего 4000 пар.) Сторонники союзнической ориентации в лице Северо-Западного правительства, штаба главнокомандующего, да и сами "союзники" при помощи прессы стали выставлять прибытие обмундирования как доказательство фактической помощи, якобы оказываемой ими Северо-Западной армии, между тем как у полковника Хомутова есть достоверные сведения, что это обмундирование еще в феврале месяце с.г. куплено за наличный расчет в Англии офицером, специально туда командированным генералом Юденичем из Финляндии.

Не лучше обстоит дело и с продовольствием. Паек, получаемый в армии, состоит из консервированного мяса (сала) и хлеба, причем около 60%-65% всего

получаемого продовольствия уходит на служащих в тыловых учреждениях армии. Из сказанного выше ясно, насколько печально и неудовлетворительно положение Сев[еро]-Западной армии в отношении снабжения всем необходимым. Результатом такого грустного состояния было еще более грустное явление, а именно, что из частей, перешедших на сторону белой армии, стали появляться перебежчики обратно к красным. Был период, когда подобные случаи стали частыми явлениями и приняли даже угрожающий и опасный характер.

В настоящее время, с прибытием обмундирования, случаи дезертирства уменьшились. В связи с подобным состоянием дела снабжения, как неизбежный результат появилось и соответствующее настроение в армии, а именно, принимая еще во внимание неудачи под Ямбургом, появилась апатия и разочарованность. Подбадривающим настроением и вместе с тем крупным фактором в усилении германофильского течения в нескольких частях армии послужило прибытие в июле на фронт частей корпуса Светл[ейшего] кн[язя] Ливена, когда неодетые, босые и полуголодные части Северного тогда еще корпуса увидели крайнюю противоположность во внешнем виде частей другой, не союзнической ориентации.

Одним из самых больных и трудно разрешимых вопросов в Сев[еро]-Западной армии был и до сих пор остается вопрос денежный. Части получали содержание за два, а то и больше, месяца спустя¹⁵³, и то самой разнообразной валютой. Основной единицей считалась эстонская марка, а выплата содержания производилась в большинстве случаев думскими деньгами¹⁵⁴ или знаками Северного корпуса. На размене приходилось терять 20-30% содержания, что, конечно, не могло действовать успокаивающе на дерущихся на фронте.

Нельзя отрицать, что все эти факты не могли, конечно, иначе действовать на массу, как разлагающе, как мы уже видели, и если спросить, на чем же еще держится армия, то придется ответить, что одна часть надеется на соединение с Добровольческой армией имени ген[ерала] от кав[алерии] графа Келлера, другая часть живет в надежде на добычу и наживу при наступлении и, наконец, третья часть еще надеется на помощь от "союзников*".

Немаловажным фактором в сохранении стройности армии как боевой единицы служит то, что, несмотря на свое более чем печальное положение, Сев[еро]-Западная армия еще не потеряла правильной и планомерной градации на более мелкие составные ее части: корпуса, дивизии, бригады, полки и т. д. Наиболее крупным инцидентом во внутренней жизни фронта являлось: от командования 2-м стрелковым корпусом был отрешен ген[ерал]-майор Булак-Балахович¹⁵⁵. Но ожидаемых, могущих произойти как в самой армии, так и в сношениях с эстонцами, осложнений не произошло, благодаря вовремя принятым мерам, которые, хотя и были вследствие отсутствия у высшего командования должного такта, более чем рискованны, все же привели к мирному разрешению нараждавшегося конфликта.

По мнению полковника Хомутова, генерал-майор Булак-Балахович не столько вреден сам, сколько вредны окружавшие его люди, например министр без портфеля Иванов, полковник Стоякин (расстрелян). В настоящее время части ген[ерал]-м[айора] Булак-Балаховича переведены во 2 стр. корпус и находятся, как уже сказано выше, под командованием ген[ерал]-лейт[енанта] Арсеньева.

Все вышеизложенное усугубляется вопросом о том положении, в котором очутится Сев[еро]-Зап[адная] армия в случае заключения Эстонией мира с большевиками. Принимая во внимание настроение масс и крайне левого правительства Эстонии (см. ниже), здесь почти безошибочно можно предугадать самое нежелательное явление. Эстония через свою территорию войска Сев[еро]-Западной армии не пропустит, и вероятность открытых конфликтов вполне возможна.

Вот в общих чертах положение армии (живой силы), которая сама ощущает на себе все плюсы и минусы союзнической ориентации, и краткие указания, как она реагирует на такое отношение к ней тех, на чью помощь она надеется.

Резюмируя все вышеизложенное, полковник Хомутов находит положение Сев[еро]-Западной армии трагическим, как и всякой армии, не имеющей тыла.

Казалось бы, прямым защитником интересов армии является Северо-Западное правительство, но и здесь мы находим факты, свидетельствующие, что русское правительство в Эстонии самостоятельно лишь постольку, поскольку этого хотят и поскольку это интересно англичанам. Очень характерен сам факт составления кабинета: утром, не предупреждая генерала Юденича как Главноначальствующего и представителя русской власти в Эстонии, английское командование приказало вышеназванному Иванову представить списки кандидатов на посты министров.

Назначив министром-президентом Лианозова¹⁵⁶, они поручили в тот же день к 6 часам вечера составить Северо-Западное правительство. Когда к назначенному сроку Лианозов составил кабинет министров, со стороны английских властей поступило новое приказание: признать к 7 часам вечера того же дня самостоятельность Эстонии. Под какими угрозами или обещаниями, неизвестно, но к 7 часам вечера была признана и подписями членов русского Северо-Западного правительства (три) засвидетельствовано признание независимой Эстонии. По имеющимся у полковника Хомутова данным, все министры были де факто назначены уже заранее самими же англичанами и приказание их Иванову была лишь маска.

По составу своему правительство это определено левое, союзнической ориентации, имеющее в своей среде большой процент евреев и министра без портфеля Иванова (по свидет[ельству] полковника Хомутова, большевистский агент), который в настоящее время, после разоблачения его деятельности полковником ф[он] Валь удален из состава правительства. Одним из представителей умеренного толка является военный министр, главнокомандующий, генерал от инфантерии Юденич, который существенного и сколько-нибудь решающего значения не имеет вследствие, по мнению полковника Хомутова, его слабости и нерешительности.

Одною из первых мер нового правительства было удовлетворение армии денежным довольствием. Были заказаны в Швеции денежные знаки Северо-Западного правительства. В середине сентября новые деньги, за подписями министров Лианозова и ген[ерала] Юденича, были доставлены в армию. Для введения на рынок (на деньгах нет никаких подписей или знаков, свидетельствующих, что они гарантированы Англией) правительством был искусственно поднят курс до 150 руб. [вместо] 100. Когда же у правительства запас эстонских денег (около 12 000 000 руб.) был исчерпан и банки перестали менять новые денежные знаки на эстонскую валюту, курс их стал быстро падать и в последнее время курс их на рынке стоял очень невысоко, и денежный вопрос, таким образом, остается в правительстве очень острым. Что же касается гарантии их английской валютой, то, по мнению полковника Хомутова, вопрос этот является еще вопросом открытым. Вполне понятно, что армия, видя, к какому результату привела денежная политика нового кабинета, не говоря уже о других более или менее крупных нетактичных, лишь тормозящих ход общего дела, вскоре правильно оценила дееспособность Северо-Западного кабинета и в результате последний почти потерял доверие фронта; кроме того, правительство это настолько несамостоятельно, что оно не может противостоять желанию эстонцев выселить весь кабинет на правый берег Нарвы. В общем, по мнению полковника Хомутова, положение Северо-Западного правительства более чем непрочное, во-первых, вследствие своей недееспособности (результат отсутствия государственных умов) и, во-вторых, вследствие потери, благодаря своей неумелой политике, доверия у армии, на которой зиждется всякая власть. Что касается политики, то она состоит в глубоком заискивании у англичан и в беспрекословном исполнении их желаний.

Армия молчит, оставаясь верна дисциплине, а главнокомандующий настолько несамостоятелен, что, по имевшимся у полк[овника] Хомутова сведениям, одно время ожидали ухода генерала Юденича, называя преемником последнего генерала Гурко, но генерал Гурко отказался принять командование, сообразуясь с обстановкой и обстоятельствами, изложенными в настоящем докладе. Большой популярностью в войсках армии пользуется командующий армией ген[ерал]-лейт[енант] Родзянко, бывший до сего времени союзнической ориентации, но поскольку эти убеждения в нем сохранены, судить нельзя, но, как будет видно из последующего, не исключается возможность (исключения) изменения¹⁵⁷ взглядов и ориентации.

Как было сказано выше, отношения между Эстонией и Сев[еро]-Зап[адным] правительством вообще, а с армией в частности, оставляют желать многого.

Правительство Эстонии¹⁵⁸ переживает в настоящий момент кризис в связи с уходом из состава его правых министров; таким образом, оставшееся эстонское правительство есть правительство левых партий, что, без сомнения, является большим минусом в общем положении и прямо губительным для Северо-Западной армии; поскольку можно сказать, что эстонское правительство самостоятельно во внутреннем управлении, постольку нельзя считать самостоятельным его во внешней политике, в частности к Советской России и Северо-Западному правительству.

Недавние мирные переговоры показали, что Эстония может и хочет заключить мир лишь с общего согласия прибалтийских республик, но теперь, после происшедшего сдвига правительства влево и ввиду назреваемых событий в Латвии, полковник Хомутов отказывается отрицать, что возможен еще дальнейший сдвиг влево, и тогда почти вероятно, что Эстония заключит мир с большевиками.

Если в отношении Совдепии Эстония, находясь в союзе с Латвией, Финляндией, Литвой, сообразуется с их политикой и находит с их стороны поддержку (не говоря уже об общих для всех этих республик руководствующих данных, предписанных Англией), то в отношении своем к Северо-Западному правительству и армии, кроме вполне определенной поддержки со стороны Англии и в виде провокации и получаемых, следовательно, с ее стороны соответствующих директив, эстонское правительство в своем, коварно скрытом, враждебном отношении ко всему русскому находит еще поддержку, и поддержку сильную, проявляющуюся со стороны масс и войска в виде уличных эксцессов, и со стороны прессы в газетных статьях.

Отношение войска и населения ко всему русскому не только вызывающе, но прямо открыто враждебно. Настроение у войска Эстонской республики почти или даже прямо большевистское, почему вполне естественно, что мнение у них о Северо-Западном правительстве и армии вполне определенное -- что это реакционное движение, а из этого убеждения вытекают, как неизбежный результат, такие явления, как избиение эстонскими солдатами русских офицеров (Нарва), срывание погон, и уже такие более крупные результаты, как выселение русского правительства за р[еку] Нарву (эстонское правительство в печати объясняет, что выселяют русских из-за недостатка помещений в г[ороде] Ревеле; а почему именно за р[еку] Нарву, где уже определено квартирный вопрос очень острый, об этом пресса не считает нужным давать какие бы то ни было пояснения) и недвусмысленное положение Северо-Западной армии, в котором она очутится в случае возможного заключения Эстонией мира с большевиками. Представителями умеренного толка являются класс зажиточных крестьян-землевладельцев, но их влияние, без правых скамей, ничтожно, и голос, при наличии блока социалистических партий, никакого решающего значения иметь не может. Единственно, что удерживает их от заключения мира с большевиками, это страх перед англичанами, но если это так, то, по мнению полковника Хомутова, скорее всего здесь страх обоюдный и вернее, что страх англичан перед нарождающимся в Эстонии большевизмом сильнее страха Эстонской республики перед англичанами. В общем, настроение в Эстонии тревожное, выжидательное.

Указанный в начале этого доклада прогресс в изменении настроения армии (живой силы) к германофильскому течению многим обязан также трудами и работе, совершенной стоящим во главе германофильского движения в Эстонии гв[ардии] полковником Хомутовым.

Будучи в мае с[его] г[ода] назначен на должность начальника Военно-гражданского управления области Северного корпуса, полковник Хомутов стал назначать на ответственные должности по управлению на местах лиц, ему уже ранее известных и с вполне определенными взглядами и ориентацией, аналогичными с таковыми же в Добровольческой армии имени ген[ерала] от кавалерии графа Келлера. Одновременно с этим, по мере возможности, назначались и отправлялись в части на фронт офицеры общей нашей ориентации для подготовки должной обстановки, так что в результате у полковника Хомутова, как главы ориентации, оказались и чины гражданского ведомства на нужных местах и части, вполне изменившие свои взгляды в пользу германской ориентации.

Как и должно было ожидать, с распоряжениями полковника Хомутова, как начальника Военно-гражданского управления не могли согласиться и примириться люди (командный состав) совершенно иной ориентации. Стараниями ген[ерал]-майора Крузенштерна159, человека без определенных взглядов и политической платформы, полковник Хомутов был со смещением с должности начальника Военно-гражданского управления назначен генералом для поручений при главнокомандующем генералом Юденича, с возложением на него формирования "отряда полковника Хомутова". Дальнейшей интригой формирование отряда было прекращено и полковник Хомутов назначается командиром Ударного танкового батальона. Так из крупного работника, тонкой политикой врагов, полковник Хомутов был превращен в чисто строевого начальника, что губительно

отражается на дальнейшей его работе в усилении германской ориентации на территории Эстонии, ибо, будучи начальником небольшой сравнительно единицы, он уже не может так сильно влиять и способствовать направлению хода событий в желательном для нас направлении.

Несмотря на притеснения, организация с германской ориентацией достаточно сильна, чтобы продолжать работу, тем более, что в Нарву прибыл ген[ерал]-майор кн[язь] Долгорукий и еще раньше там находился ген[ерал]-лейт[енант] Арсеньев.

Кроме того, полковник Хомутов смеет надеяться на возможность присоединения и ген[ерала]-майора Родзянко, уже постольку изменившего свои взгляды, поскольку, совещаясь с вышеназванными лицами, направляет развитие операций в сторону Пскова, дабы, в случае заключения Эстонией мира с большевиками, иметь возможность прорывом через Псков идти на соединение с Добровольческой армией имени генер[ала] от кавалерии Келлера. Как почти всюду, самым больным местом организации является денежный вопрос. Денег у полковника Хомутова абсолютно нет и это, вполне понятно, тормозит и парализует успешность работы в Сев[еро]-Западной области. Полковник Хомутов просит о скорейшей и возможно большей поддержке его деньгами, дабы иметь возможность в случае катастрофического положения армии вообще и организации в частности, эвакуировать людей, нужных ему для дальнейшей совместной работы. А что положение с каждым днем ухудшается, видно из того, что и в эстонском и русском правительствах происходили запросы и даже было предположение арестовать полковника Хомутова, ген[ерал]-майора кн[язя] Долгорукого, ген[ерал]-лейт[енанта] Арсеньева. По известным причинам аресты отложены, но совершены ли или на время, неизвестно. Полковник Хомутов просит серьезно обратить внимание на денежный вопрос, потому что до сих пор все курьеры отправлялись им на их личные средства, но это ведь дело случая.

Как неизбежный результат денежного кризиса является полное отсутствие связи; отсутствие же ее осложняет и сильно парализует работу, и именно потому, что полковник Хомутов не может, не имея никаких инструкций, дать никаких объяснений интересующимся частям о целях, задачах, источниках средств частей, примкнувших к германской ориентации. Не имея возможности давать желательные сведения, он этим самым лишен возможности находить единомышленников в массе, а в результате получается охлаждение и падает интерес к разрешению вопроса о переходе в части с германской ориентацией. Уже сейчас заметна разница в проявлении интереса к вышеназванной ориентации: в июле в момент прихода частей корпуса Светл[ейшего] кн[язя] Ливена и теперь. В частях получается впечатление, что ими в Добровольческом отряде гр[афа] Келлера совершенно не интересуются, и нельзя утверждать, что, если полковник Хомутов и впредь не даст каких-либо пояснений, то это не будет прогрессировать, а в таком случае надо ждать самого печального -- развала всей ориентации. Организация эта на территории Эстонии, как более мелкая и стесненная, ждет указаний от единицы более крупной формации, каковой является Добровольческая армия имени ген[ерала] от кавалерии гр[афа] Келлера. Полковник Хомутов, будучи стеснен и денежными и чисто техническими средствами, усиленно просит о возможно скорейшей организации связи с гор[одом] Нарвой, где он сейчас находится.

Для успешности дела, а в особенности в связи с событиями здесь, в Латвии, прошу о скорейшей организации связи, дабы полковник Хомутов мог бы в зависимости от Ваших, г[осподи]н полковник, инструкций, принять те или иные соответствующие меры или решения. Кроме того, прошу о финансировании полковника Хомутова по причинам и для целей, выше в настоящем докладе указанных.

Полковник Хомутов просит Вашего разрешения приехать в Митаву для личного доклада.

О решении Вашем о его приезде, прошу возможно скоро поставить полковника Хомутова в известность.

Подп[исал:] шт[абс]-капитан Таракус-Таракузио.

Копия

110. Меморандум Бермонта-Авалова и областного управления находящегося под его управлением района

Генерал Юденич и находящееся при нем Северо-Западное правительство, составленное по настоянию Антанты, не считаясь с будущей единой Россией, уже

теперь окончательно признали самостоятельность мелких республик Эстонии, Латвии и других, возглавляемых правительствами, ведущими уклончивую политику и готовыми прекратить борьбу с большевиками.

Такое отношение не может рассчитывать на поддержку тех масс русских людей, которые ставят себе целью полное уничтожение большевизма и восстановление мощи единой России.

Исполнение командующим Западной армии приказа генерала Юденича и увод войск из пределов Курляндии изъяло бы немедленно этот край из-под русского влияния и создало бы благоприятную почву для быстрого развития большевизма, а также оставление этого края лишило бы Западный фронт своей естественной базы для действия в направлении Двинск--Полоцк--Смоленск--Москва, которое является связывающим и необходимым звеном между войсками южных армий и войсками, оперирующими в направлении на Петербург.

Поэтому командующий Западной добровольческой армией совместно с образовавшимся при нем Областным управлением не нашли возможным исполнить указания генерала Юденича и следовать по его пути, тем более что интересы России не допускают отторжения Прибалтики, дающей России выход к морю и интересы которой издавна связаны с великой Россией. При этом войска Западной армии и все управление опираются на ту часть местного населения, как балтийцев, так и латышей, которые усматривают благо Прибалтики в тесном единении с Россией.

Для всестороннего освещения положения и выяснения тех целей, которые себе ставят командующий Западной армией и Областной совет, постановлено командировать Генерального штаба генерал-майора Давыдова 160, как особо доверенное лицо, дабы генерал Юденич и состоящее при нем правительство могли бы услышать правдивый голос и истинные намерения сынов России, сплотившихся уже в мощное целое, и высказать свое сочувствие этому святому и чистому делу.

Это сочувствие, высказанное представителем армии, первой поднявшей знамя борьбы против большевиков, окажет ценную нравственную поддержку и принесет несомненную пользу общему делу, скорейшему освобождению нашей исстрадавшейся Родины от насильников и грабителей.

Копия

111. Устав Союза германских унтер-офицеров русской службы

Устав

№ 1. Название общества. Союз германских унтер-офицеров русской службы.

№ 2. Цель общества: Развитие товарищества и профессиональных интересов.

№ 3. Кто принимается в члены общества. В члены общества принимаются все состоящие на русской службе германские унтер-офицеры. Желательно стремиться к тому, чтобы все состоящие на русской службе германские унтер-офицеры поступили бы в союз.

№ 4. Взносы установлены следующие: единовременный взнос при поступлении в союз и ежемесячные взносы. Единовременный взнос при поступлении в союз по постановлению главного собрания установлен в 10 мар[ок], текущий членский взнос в 2 мар[ки] за каждые 10 дней. Членские взносы вносятся за каждые 10 дней ротными фельдфебелями, которые, в свою очередь, полученные взносы в общей сумме передают кассиру.

№ 5. Собрания. Общие собрания созываются каждую первую и третью среду в месяц и на них присутствуют все члены. За отсутствие без уважительных причин наказываются штрафом в 1 марку. Эти деньги поступают в пользу вспомогательного фонда. На первое время помещением для собраний намечено: "Балтийское кафе" по Почтовой улице. Начало собраний в 8 часов вечера.

Порядок дня на собраниях устанавливается правлением союза и доверенными. Членам союза вменяется в обязанность строго придерживаться порядка дня. Все вопросы на собраниях решаются простым большинством голосов. При решениях с одинаковым числом голосов решающий голос принадлежит

председателю, каждому члену предоставлено право предложить вопросы на обсуждение.

Важные заявления для обсуждения письменно должны, по крайней мере за день до собрания, быть предложены председателю. На главных собраниях вводить гостей не разрешается; исключение составляют приглашенные представители от начальства. На вечеринках, которые производятся каждые 3, 13, и 23 число в месяц, гостей видим с удовольствием.

№ 6. Обязанности членов. Каждому члену вменяется в обязанность как на службе, так и вне ее своим поведением поддерживать достоинство ун[тер]-офицер[ского] звания и по возможности содействовать интересам союза.

№ 7. Исключение из состава членов союза. Бесчестные деяния, как и грубые нарушения дисциплины и постановлений, влекут за собой немедленное исключение из состава союза. Вопросы, касающиеся исключения членов, решаются правлением союза при участии доверенных. Против их решения разрешается возбуждать протесты. В таком случае решающее значение принадлежит главному собранию.

№ 8. Исключение из части. Увольнение из части на основании какого-либо проступка влечет за собою немедленное исключение из союза, а также аннулирует все требования, которые могли бы быть предъявлены союзу. Возбуждать протесты не допускается.

№ 9. При производстве членов в офицеры им предоставляется право оставаться в союзе в качестве членов с совещательным голосом.

№ 10. При обыкновенном увольнении из части союз в нужных случаях готов увольняемому, если установлено, что последний действительно нуждается, выдать единовременное пособие. Решение вопроса зависит от правления и доверенных.

№ 11. При ранениях и заболеваниях членов союза на театре военных действий членские взносы не взимаются. При заболеваниях же по собственной вине взимание взносов продолжается.

№ 12. Членские билеты выдаются каждому члену и не могут быть передаваемы.

№ 13. Правление. Правление состоит из: 1) председателя, 2) секретаря, 3) кассира, 4) доверенных. Выбор правления происходит на особо назначаемом главном собрании простым большинством голосов. Выбирается правление на неопределенный срок. Должности считаются почетными.

№ 14. Для замещения правления простым большинством голосов выбираются председатель и секретарь. Из среды доверенных выбирается ревизионная комиссия, которой подлежит проверка кассы. О результатах проверки она докладывает правлению. Правление обязано полностью соблюдать интересы членов и должно заботиться о проведении в жизнь всех решений, вынесенных на главных собраниях.

№ 15. При переводе в другую часть каждый член о состоявшемся переводе обязан немедленно поставить в известность председателя.

№ 16. При более крупных расходах правление обязано предварительно заручиться согласием доверенных.

Копия

112. Бермонт-Авалов -- Г. Швабаху

Перевод

Глубокоуважаемый Г. Швабах,

Примите мою сердечную благодарность за выраженные Вами пожелания счастья по поводу созвания Центрального совета.

Я твердо уповаю, что совокупными силами моих храбрых войск удастся мне превозмочь все препятствия и достигнуть полной победы.

Я знаю, что члены назначенного мною Центрального совета, состоящего из заслуженных мужей и истых патриотов, отдадут все свои силы великой задаче восстановления нашей родины и всем тем, кто оказал нам помощь в нашей работе мы воздадим глубокую благодарность, и более того, благодарность восставшей России.

Ваши труды, положенные в общее наше дело, никогда не могут быть забыты,

и с благодарностью прошу Вас принять мое глубокое почтение.
Уважающий Вас [Бермонт-Авалов]
Копия

113. Бермонт-Авалов -- генералу Р. фон дер Гольцу

Перевод
Граф,

На мою долю выпало гордое удовлетворение, стоя во главе моих войск, победить в борьбе наших врагов. Мои войска выдающимся образом выполнили возложенные на них задачи и проявили храбрость и выдержку.

Граф, не может подлежать сомнению, что если ныне русская Западная армия стоит непоколебимая и увенчанная победой, то больше всего она обязана этим Вашей самоотверженной помощи и тому примеру чести и долга, образом которого Вы являлись. Я считаю своим долгом чести признать и выразить Вам это. Пусть дух, который когда-то воодушевил императорские войска Германии и России, будет жив в моей армии, дабы она была достойной носить свое имя и достойна тех, кто работает над ее созданием. Я питаю твердую уверенность, что, если в недалеком будущем мы вновь станем лицом к лицу с нашими врагами, геройский дух, завещанный ей вами, поведет ее вновь к славным победам.

С прежней приверженностью и преданностью (подпись).
Копия

114. К.Г. фон Дибич -- Бермонту-Авалову

Его Сиятельству князю Авалову-Бермонт[у],
Главнокомандующему Русской Зап[адной] добровольческой] армии
Глубокоуважаемый князь,

В момент получения приказа оставить с вверенным мне добровольческим к[орпу]сом здешние войска, я чувствую потребность выразить Вашему Сиятельству мою искреннюю благодарность и верное сорабничество и молитв Бога, дабы Он даровал бы окончательную победу русскому оружию.

Возрождение России и Германии тесно связаны между собою. Русские и германские офицеры связаны между собою пролитой ими за общее дело кровью.

Лукавой Англии не удастся разъединить руки герм[анских] и русских солдат.

Борьба с большевизмом за возрождение Родины соединила нас навеки.

В память этого, прошу Ваше Сиятельство принять от меня "Звезду в память победы у Малплакэ*161 с бантом, знак, который прусские воины, принадлежащие к старинным конным полкам, более ста лет носили во время многих славных боев.

Я же уезжаю в Германию, но словом, письмом и делом буду продолжать борьбу и, даст Господь, опять вернусь сюда.

Карл Гейнрих фон Дибич,

Курляндский барон фон Дибич и потомок русского фельдмаршала и графа Дибича-Забалканского162, к[оман]дир герм[анского] Добровольческого] к[орпу]са фон Дибич

Черновик перевода

115. Бермонт-Авалов -- В.И. Гурко

Ваше Высокопревосходительство

Глубокоуважаемый Василий Иосифович.

Я только что узнал, что Вы приехали в Берлин и выразили сочувствие нашему начинанию во спасение Родины. Я просил председателя совета при армии графа Конст[антина] Конст[антиновича] Пален[а] лично ознакомить Ваше Высокопревосходительство с истинным положением дела. Был бы крайне счастлив, если бы Вы нашли возможным навестить нас и помочь нам Вашими авторитетными познаниями.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать Вашему Высокопревосходительству чувства моего глубокого уважения и преданности.

Копия

116. Свидетельство о передаче товаров командованием Западной добровольческой армии частной компании

Командующий Западной добровольческой армией по военно-походной канцелярии Багорен-Фридману для Тульбович и Баренбом.

Я передал господину Якобсону и компании тысячу шестьсот пудов льну и тысячу двести пудов сырой кожи. Кн[язь] Авалов, И. Якобсон.

Копия

Но 117. Телеграмма командования Западной добровольческой армии о пересылке денег в Берлин

Берлин, подполковнику Непорожному.

Триста тысяч марок высланы в Берлин, Линицкий и Тольбович будут. Деньги в Торговом банке в Берлине Чесноков Якобсон.

Копия

118. Телеграмма подпоручику Эбергарду о закупке танков для Западной добровольческой армии

Эбергард, Берлин, Шарлоттенбург Аугсбургерштрассе, 43. Пансион Венцель.

Валентин выехал, везет что просили. Сделайте все возможное, чтобы возможно скорее танки были здесь. Чесноков

Копия

119. Телеграмма о финансовом положении Западной добровольческой армии¹⁶³

Наступление на Ригу необходимо; до него получение денег невозможно. Предвидится предприятие в Берлине. Собственные деньги в дороге¹⁶⁴.

Нолькен

Копия

120. Неустановленное лицо -- Бермонту-Авалову

Глубокоуважаемый Павел Михайлович,

Посылаю Тебе вырезку из "Призыва*165, и отсюда будет ясна некоторая задержка в исполнении данного Тобой мне поручения. Танки, 12 штук, новые, 100 сил, Мерседес, последнего выпуска, опробованы Эбергардом и, судя по всему, нам желать больше нечего. Эбергард в мое отсутствие сделал все, теперь вопрос чисто денежный. Обстоятельства перевозки сообщит Тебе капитан Непорожный. Со своей стороны скажу только, что упустить эти машины было бы большой утратой для армии, т[ак] к[ак] с ними тесно связан и вопрос о валюте и отношении к нам Антанты. Мои машины тоже пойдут тем же путем, как и танки, но считаю, что броневых машин (автомобилей) я пока не ввожу, т[ак] к[ак] у Тебя мало денег и они сейчас зимою не могут ходить по снегу (броневики зимою во время войны не работают), а лучше эти деньги пойдут на бензин, масло и проч[ие] материалы снабжения. Со второй частью Твоего приказа дело обстоит так: патроны есть вблизи Берлина. Помогает агент Нольде и Меркер.

Есть две возможности: железнодорожная переправка и автомобильная. Последняя будет вернее[, но] дольше. По исполнению этой задачи имеется у меня мой адъютант шт[абс]-кап[итан] Бергман, который находится в связи с

зихер-полицией¹⁶⁶ в Инстербурге, Тильзите и который добудет все необходимое для переправки, на автомобилях, патронов через границу до Пошерун, где будет находиться наш отряд из состава броневого дивизиона -- 10 шоферов и 20 солдат. Прошу, ввиду того, что броневой дивизион за мое отсутствие выведен из моего подчинения, отдать приказание о выделении такого отряда, вернее, сформировании.

В состав его должны войти капитаны: Демеци и Кузнецов броневого дивизиона, побольше офицеров. Солдаты должны быть надежны, под ответственностью подполковника Масленникова. Отряд должен ожидать моей или шт[абс]-кап[итана] Бергмана телеграммы и по получении таковой немедленно выступить в Пошеруны. Остаюсь в Берлине я, Эбергард и Черемисинов, остальных отсылаю в Митаву. Шт[абс]-кап[итан] Бергман сообщит свой адрес из Тильзита полк[овнику] Кутько.

Копия

121. Бермонт-Авалов -- командующему армией Латвии

Угроза моему флангу со стороны латышей и эстонцев победоносно ликвидирована моими войсками. Достигнуто обеспечение моей базы. Во избежание братского кровопролития я предлагаю перемирие и переговоры в Митаве и призываю к совместной борьбе с большевиками.

Жду ответа по радио.

Командующий Западной армией полковник Авалов-Бермонт

Копия

122. Доклад неустановленного лица Бермонту-Авалову

Доклад Командующему Западной армией

1) Добился того, что генерал Гурко признал команд[ующего] Зап[адной] армии полковника Авалова, о чем и сообщено ген[ералом] Гурко торгово-пром[ышленным], финансовым сферам и синдикату; в понед[ельник], в 11 ч. утра, у ген[ерала] Гурко будет предс[едатель] синдиката и директор-расп[орядитель] вместе с г[осподи]н[ом] Реммером для утверждения ген[ералом] Гурко прилагаемого при сем плана (прилож[ение] No 1), на этом плане полк[овник] Б[ермонт] должен написать "согласен*", [поставить] подпись и прислать с кап[итаном] Гершельманом обратно.

Синдикат, получив согласие ген[ерала] Гурко, заключает с А. Реммером окончательный договор по полному снабжению всей Западной армии как вещами, так и деньгами.

Программа партии монархист[ов]-демократов принята армией Деникина и югом России -- совершенный факт подтвержден] б[ывшим] министром Кривошеиным¹⁶⁷ и Верховским (инженером).

В понедельник или во вторник синдикат вносит в уплату за акции банка первые 50 млн. В среду или четверг в зависимости от полученного от] полк[овника] Б[ермонта] согласия, выезжают 10-12 представителей синдиката, главные имена следующие: Вильгельм Гартман, Оскар Майер, Пауль Байер, Оскар Гертель и Герман Лилиенталь, это все директора консорциума торговли и промышленности, избранные синдикатом представителями и руководителями исполнения плана экономического возрождения страны в тылу армии полк[овника] Б[ермонта]. Эти имена известны всей Германии и 2 из них члены Национального собрания ([от] Фолкспартей¹⁶⁸). Нидермейер выставлен мною кандидатом в директора банка. А. Реммер хотел бы знать, кто будет полк[овником] Б[ермонтом] назначен председ[ателем] Совета государств[енного] хозяйства.

Копия

123. А.К. Реммер -- Бермонту-Авалову

Дорогой и горячолюбимый Павел Михайлович.

Прошу верить, что сделал невозможное.

Поздравляю.

Ничего не боюсь и сплетни меня не смущают. Не страшны мне те кляузы, что обо мне распространяют.

Поздравляю тебя с тем, что ты признан генералом Гурко.

Твой навсегда А. Реммер.

Границу открыли. Патроны 10 млн пока высланы из Кенигсберга. Дальше еще пошлют.

Копия

124. Генерал К.С. Десино -- военному министру Латвии

Глубокоуважаемый г[осподи]н министр.

Со времени нашей встречи в Риге обстоятельства изменились. Главнокомандующий нашим Северо-Западным фронтом генерал Юденич назначил полковника Бермонта командующим всеми русскими войсковыми частями, сформированными в Курляндии и Литве¹⁶⁹, и, таким образом, Бермонт перестает быть лицом с неопределенным положением и находится в непосредственном подчинении ген[ерала] Юденича. Создавая такое новое командование, ген[ерал] Юденич имел целью склотить в одно целое все разрозненные и независимые отряды и этим кулаком ударить на большевиков в направлении через Двинск, каковое является важнейшим в стратегическом отношении для успеха Сев[еро]-Зап[адной] армии. Ген[ерал] Юденич, я и сам полк[овник] Бермонт примем все меры, чтобы никаких недоразумений с местными жителями нигде не было.

Ведь в настоящее время важнейшей целью Вашею, нашею, латышской и вообще всех является скорейшее сокрушение большевистских войск, без чего не может быть мирного существования, и, стало быть, совокупные усилия всех должны быть направлены только на это, а остальные вопросы вершатся потом.

Теперь ни один международный вопрос не может быть окончательно решен, потому что никто не находится в состоянии равновесия. Нужна сильная взаимопомощь для восстановления равновесия. Выдвижением войск полк[овника] Бермонта через Двинск мы наиболее действительно помогаем общему делу.

Вопрос о генерале фон дер Гольце и его скрытых намерениях не должен мешать или оттягивать скорейшее преследование нашей главной и общей цели, и бояться, что полк[овник] Бермонт якобы открывает коридор для него -- оснований нет, и особенно теперь, когда положение Бермонта так радикально изменилось.

Но если бы и теперь все-таки нашлись бы люди, которые этого бы боялись, то ведь коридор не опасен, а сосредоточенная живая сила, которая при продвижении Бермонта вперед рассредоточивается и, стало быть, становится менее опасной¹⁷⁰. С подчинением полк[овника] Бермонта ген[ералу] Юденичу всякие подозрения в немецких тенденциях должны отпасть.

Что у полк[овника] Бермонта в войсках есть небольшое число немцев, то это вред не может принести и никакой политической роли им сыграть не придется, -- полк[овник] Бермонт этого не допустит, но выбросить их сию минуту невозможно, потому что вся жизнь войск полк[овника] Бермонта велась на средства немцев, и она должна продолжаться так еще некоторое время, пока будет возможно перейти на средства ген[ерала] Юденича. Немцы в отряде полк[овника] Бермонта даже полезны, потому, будучи вкраплены, они могут дать большую стойкость в том случае, если большевистская зараза начнет проникать в эти отряды. Ведь немцы природные наемники с незапамятных времен и всюду

дрались хорошо.

Скажут, что войска полк[овника] Бермонта жили и живут на немецкие средства, что немцы за это потребуют компенсации. Конечно, так, но ведь должны же люди понять, что Россия в ужасной опасности, а в таком случае для спасения не разбирают, кто бросает спасательный круг. Компенсация никому вреда не принесет, она касается только России, ведь и без нее немцы проникнут в Россию и будут конкурировать с другими народами, потому что они предприимчивы, умны и настойчивы в своих целях. Нельзя же думать, что запретительными мерами можно будет исключить целое государство с многочисленным и предприимчивым населением из мировой конкуренции.

Ввиду вышесказанного прошу Вас, г[осподи]н министр, сделать все, что можно, чтобы войскам полк[овника] Бермонта было оказано всякое содействие, пока они находятся в Литве для достижения задачи, поставленной им генер[алом] Юденичем. Ведь и на конференции военных представителей Англии, Латвии, Эстонии, Литвы, Польши и России предположено было выдвинуть отряд полк[овника] Бермонта к Двинску.

Подл[инное] подп[исал] генер[ал]-лейт[енант] Десино

Копия с копии

125. Бермонт-Авалов -- Колчаку

Верховному правителю адмиралу Колчаку

Продолжая по отъезде Вашего Превосходительства из Петрограда мою работу и достигнув к настоящему моменту ощутительных ее результатов, считаю моим долгом донести Вам о ней.

Оставаясь в столице, работал совместно с профессором Плетневым¹⁷¹.

Потом продолжал по мере сил работу на фронте, стараясь замедлить разложение полка.

Видя по окончательном распадении армии бесполезность моего пребывания в ней, перенес мою деятельность в г[ород] Киев, где мне удалось объединить и сплотить некоторых общественных деятелей и при содействии их сгруппировать офицеров бывшей российской армии под флагом "Южной армии*", предназначавшейся для борьбы с большевизмом.

Когда появился генерал от кавалерии граф Келлер с сформировавшейся им в районе Пскова "Северной армией*", то мне удалось войти с ним в связь и передать ему некоторое количество бывших в моем распоряжении гг. офицеров.

При возникновении волнений на Украине и организации обороны г[орода] Киева от войск Петлюры¹⁷² работал по формированию "Отечественных дружин*".

Все это создало мне большие связи с офицерским составом, бывшим в то время в г[ороде] Киеве и на юге России вообще.

По занятии г[орода] Киева Петлюрой за мою работу по воссозданию единой неделимой России я снова, в 5-й раз за вышеописанное время был арестован и водворен в Лукьяновскую тюрьму.

Ожидавшиеся с глубокой верой населением г[орода] Киева "союзники*" так и не прибыли, а между тем Киеву угрожала уже опасность со стороны большевиков, к нему приближавшихся.

Распоряжением германского обер-командования как разоруженные, так и арестованные гг. офицеры добровольческих организаций, а в их числе и я, были вывезены в Германию с эшелонами германских войск, возвращавшихся на родину.

Здесь, еще в пути, а также и по прибытии на место в лагерь при г[ороде] Зальцведель, мне снова удалось сплотить вокруг себя наиболее деятельный и непримиримый с большевиками элемент и народить в умах его идею формирования партизанского отряда для принятия участия в борьбе за благо родины.

Для осуществления этой идеи я и вошел в сношение с германскими коммерческими кругами и германским командованием, причем как те, так и другие всецело пошли мне навстречу и оказали полную поддержку и содействие, снабжая отряд всем необходимым, а командование даже разрешило вступить в ряды партизан своим добровольческим монархически настроенным организациям, кои и стали примыкать к моему отряду целыми частями.

Вполне сочувственно откликнулось и немецкое общество.

К сожалению, мало содействия и поддержки встретил со стороны русской

военной миссии в г[ороде] Берлин и главы ее генерала Монкевица, оказывавшего больше внимания пассивной части офицерства, пекущейся о собственном благополучии на германских курортах или избирающей далекие фронты, связанные с большими и далекими путешествиями, вместо немедленного приложения своих сил на ближайшем направлении для действия на жизненные центры противника.

Эти заботливо выделяются в особые группы и помещаются на курорты вместе со своими семьями, пользуясь особым попечением со стороны миссии.

Между тем, зарождавшаяся мною идея формирования партизанского отряда росла и ширилась, захватывая и другие лагеря и привлекая больше и больше гг. офицеров. Понадобились средства, обмундирование, вооружение, снаряжение, кои мне и предоставлены германским командованием и капиталистами.

Не считая допустимым избирать исключительно офицерский состав, решил использовать также и наиболее благонастроенных пленных, коих, опять же при содействии германского командования, и влить в состав отряда.

Место сосредоточения отряда мною избрано в районе, занятом теперь германскими войсками, где и ожидаю указаний Вашего Превосходительства для согласования моих действий с общим Вашим планом.

После всех тяжелых испытаний, ниспосланных Германии, она не желает большего, чем восстановления границ бывших до 1914 года, не имея никаких завоевательных намерений на русском фронте и совершенно не покровительствуя отделению мелких народностей, что яснее чем где-либо видно сейчас здесь.

Военно-коммерческо-общественные круги стремятся к дружной совместной работе рука об руку с Вашим Превосходительством против общего врага России и Германии -- большевизма, чтобы, победив его у нас, растоптать и своих спартакистов.

Как доказательство своих симпатий и доброжелательного отношения к начинаниям Вашего Превосходительства, определенно настроенные общественные круги Германии оказали полную поддержку и деньгами, и обмундированием, и оружием, и даже добровольцами при предложении им мысли о формировании полезного Вам Сев[еро]-Зап[адного] фронта, желая тем подчеркнуть Вам их сознание необходимости для блага обеих сторон совместной работы против большевизма.

Только желанием выяснить отношение Ваше к этому делу объясняются те ограничения определенными рамками, в кои теперь вылилось наше формирование; в случае же получения благожелательного от вас ответа фронт сей может быть развернут до желаемых вами размеров, получая пополнения из лагерей военнопленных Германии, и будет снабжаться всем из Германии в том же изобилии, как до настоящего времени снабжались корпуса мой и Светлейшего князя Ливена, ныне переброшенный на другое направление и оказавшийся в значительно худшем положении в отношении всех видов довольствия со времени передачи снабжения его в руки Антанты, о чем у Вас, вероятно, уже имеются донесения генерала Юденича.

На этом основании считаю необходимым подчеркнуть всю полезность нахождения моего корпуса в Курляндии, где мы имеем непосредственную связь с нашей теперешней базой -- Германией, откуда получаем в изобилии не только все необходимое, но и все полезное для нашего существования и работы, не касаясь уже вопроса о важности этого участка фронта в оперативном отношении и необходимости удержать его в русских руках при совместных операциях.

Эти соображения заставляют меня задержаться здесь до окончательного формирования корпуса и ожидать дальнейших Ваших указаний.

Полковник [Вермонт-Авалов]

Копия

126. Памятная записка о внешней политике Польши и Литвы

Памятная записка по польскому вопросу.

По собранным сведениям и разговорам с польскими офицерами и военной делегацией, прибывшей на днях из Ревеля в Ригу, выяснилось, что, по-видимому, Польша стремится во что бы то ни стало прийти к соглашению с

Германией относительно всех спорных вопросов.

Польские политические деятели поняли, что, несмотря на поражение и потерю колоний, Германия имеет в себе слишком много жизненных сил, чтобы оставаться на долгое время отрезанной от всего мира в политическом и экономическом смыслах, и что она, не имея на некоторое время возможности дать выход своим силам на запад, естественно будет стремиться на восток.

Польша ясно сознает в настоящее время, что этому стремлению противиться невозможно, тем более что и противобольшевистская Россия не только поддерживает это стремление, но даже считает сближение с Германиею основой своей политики. По частному делу Прибалтийского края эти лица находят, что Польша, имея в виду свои хорошие отношения с будущей Россией, считает безусловно необходимым вовсе не вмешиваться в дела означенных губерний, причем они обращают внимание на то, что до сих пор Польша официально не признает здесь образовавшихся государств, не присылает сюда своих официальных представителей, а также и не думает завоевывать Двинск и Латгалию¹⁷³.

Большое затруднение представляет из себя литовский вопрос. Несомненно, в Литве готовится переворот для того, чтобы посредством завоевания польскими войсками и фиктивного восстания против литовского правительства, провозгласить Вильну столицей Литовско-Белорусского государства, соединенного с Польшей¹⁷⁴.

Названные лица убеждены, что если русские и германцы согласились бы не мешать этим планам и готовы были бы в будущем признать совершившийся факт, то, по всей вероятности, Польша отказалась бы от всяких враждебных действий против русско-германской базы в Прибалтийском крае и даже готова была бы заключить военную конвенцию с русскими войсками германской ориентации.

Памятная записка относительно инструкции министра иностранных дел Латвии Мейеровича, посланной представителю Латвии в Берлин Шрейнеру.

Инструкция имеет отметку "секретно*", а также секретный No 0.

Содержание.

От имени министра сообщается Шрейнеру, что между Парижем и здешними миссиями Антанты существует очевидное разногласие. Генерал Гоф относится симпатично к стремлениям маленьких окраинных государств к полной независимости, но ему приходится бороться с большими препятствиями.

По всей вероятности, в Париже вопрос о самостоятельности решен не в пользу маленьких государств, почему Шрейнеру дается инструкция войти в хорошие отношения с влиятельными кругами русских в Берлине и Париже, которые, как известно, по балтийскому вопросу непримиримые враги самостоятельности Прибалтийских государств.

"Намекните им на то, -- гласит инструкция, -- что мы отнюдь не намерены поставить всю нашу будущность единственно на карту союзников, а что, напротив, в случае, если наша внутренняя свобода, наша автономия будут нам гарантированы, мы способны пойти и против них. Вы можете прибавить, что давление англичан на наше правительство растет с каждым днем*.

Копия

127. Меморандум неустановленного лица о переговорах с Бермонтом-Аваловым

Перевод

VI Запасный корпус. Генер[альное] команд[ование]. Отд. 1-а К 1267/19

Экстренно, секретно. Лично

Писано офицером

Командующему Русской добровольческой Западной армии

Господину полковнику Авалов[у]-Бермонт[у]

1. Ссылаясь на наши сегодняшние переговоры, прошу Ваше Высокоблагородие как можно скорей сообщить письменно латвийскому правительству приблизительно следующее:

а. Часть вверенных Вашему Высокоблагородию войск взяла на себя охрану демаркационной линии к северу от Митавы.

б. Этими войсками Ваше Высокоблагородие обеспечит беспрепятственный отход германских войск из Латвии.

в. Остающиеся по окончании отхода войск немецкие добровольцы поступают в русские части и этим подчиняются русскому командованию.

г. Русские войска, находящиеся в Латвии, имеют одну только цель: подготовку к борьбе с общим врагом -- большевизмом.

д. Ваше Высокоблагородие просит латышское правительство не препятствовать этой подготовке, а, наоборот, оказать всякое содействие этим стремлениям, цель которых -- борьба против общей анархии.

2. Далее прошу Ваше Высокоблагородие ввиду состоявшегося соглашения и в интересах единодушного выступления в Берлине, которому я по опыту последних происшествий придаю особенную важность, все меры для политического и экономического обеспечения предприятия принимать исключительно в обоюдном содействии с германскими совещанием.

Дальнейшая работа с несоответственными, часто даже сомнительными экономическими кризисами в Германии может только дискредитировать предприятие и привести на разложение¹⁷⁵.

Поэтому я поручил майору ф[он] Кесслеру сейчас после его прибытия в Берлин вступить в сношение с совещанием и, пока в качестве моего представителя, совместно с совещанием заботиться о возможно скорейшем обеспечении недостающих еще оснований предприятия.

На основании изложенного высказываю настоятельную просьбу, чтобы все представители Вашего Высокоблагородия впредь, прежде чем вступать в Германии в какие-либо переговоры, сносились или с совещанием, или с майором ф[он] Кесслер[ом], адр[ес] которого:

Берлин, Баварская площ[адь], тел. Лютцов 7162.

3. Приходя к концу, прибавлю еще личную просьбу, чтобы Ваше Высокоблагородие в качестве политического сотрудника заручились бы, в форме по Вашему усмотрению, помощью опытного и замечательно осведомленного здешним положением вещей лица, бывшего губернатора в Вильне, Его Превосх[одительство] графа Палена. Кроме него, мною уже раньше с тою же целью были рекомендованы Его Превосх[одительство] Римский-Корсаков и Его Превосх[одительство] Закит ввиду их безусловной надежности и политической опытности.

Копия

128 А.К. Реммер -- Б.В. Чеснокову

Дорогой Борис Владимирович,

Сейчас выдал 8500 т. (8500 марок) на медикаменты двум офицерам. Прошу сообщить, что это правильно. Говорят, что это для лазарета.

Ваш А. Реммер

Всего денег на армию выдано мною 62 800 марок разным лицам, офицерам и учреждениям.

Жду экстренных указаний.

Копия

129. Докладная записка интенданта Западной добровольческой армии

С выпуском временных разменных знаков Западной добровольческой армии¹⁷⁶ население занятых областей, а в еще большем размере сама армия очутились в финансовом отношении перед полной катастрофой.

Если в настоящее время в Курляндии, в частности в Митаве, еще возможен некоторый обмен сельскохозяйственных продуктов привоза и производства на новые разменные знаки, то в Литве при первом появлении таковых продукты совершенно исчезли с рынка. Конечно, некоторое количество продуктов может быть добыто при помощи аппарата насилия. Не говоря о нежелательности и недопустимости добывания таким путем всего необходимого для армии, и этот путь, как показал опыт в "советской России*", быстро и верно приведет к полному обнищанию и истощению страны, задушит хозяйственную жизнь и вызовет ненависть населения к армии, что затруднит выполнить ту великую задачу, к

которой она стремится.

Принимая во внимание, что вести войну без денег нельзя, что верховное командование, очевидно, исчерпав запас денег, было вынуждено решиться на выпуск собственных денег, а эти последние сразу вызвали экономическую катастрофу, я считаю необходимым высказать свои соображения, в частности о выпуске временных денежных знаков и в общем -- о возможном урегулировании денежного хозяйства в занятых армией областях.

Временные денежные знаки, обеспеченные всем достоянием Западной добровольческой армии, как это обозначено в тексте знаков, не могут дать населению того доверия к деньгам, которое необходимо к ним как к законному платежному средству. Имущество армии, в большей его части подлежащее уничтожению, не есть обеспечение. Эти деньги не будут признаны населением, а насильственное их введение создаст целый ряд кризисов.

Некоторое время, конечно, будут путем репрессии добывать запасы, которые так или иначе не ускользнут от учета, но приток продуктов, а равно их производство совершенно прекратятся. Такое положение всегда приводит страну к полной хозяйственной катастрофе.

Экономический кризис и все связанные с ним вопросы могут быть разрешены благополучно лишь при условии размена новых денег на валюту, пользующуюся полным доверием производящих органов.

Обеспечить правильный размен новых денежных знаков возможно только путем правильного денежного хозяйства и созданием постоянного разменного фонда, вполне удовлетворяющего потребность рынка. Осмотрительный, в полном соответствии с наличным разменным фондом, выпуск новых денежных знаков есть обязательное условие правильного денежного хозяйства.

Создание финансов в государстве, в данном случае прочного разменного фонда, возможно лишь, как выше сказано, при условии правильного ведения денежного хозяйства.

Финансы создаются путем:

- 1) Налоговой системы.
- 2) Эксплуатацией государственных регалий, почты, телеграфа, телефонов, железных дорог, водных путей.
- 3) Заключение займов внешних и внутренних.
- 4) Выпуска денежных знаков.

Из пяти приведенных способов¹⁷⁷ во время гражданской войны, когда управление занятыми областями только налаживается, когда торговля и промышленность в стране находятся в самом ненормальном, скажу, плачевном состоянии, создание прочных финансов при помощи налогов вряд ли даст положительные результаты и поступившие налоги, пожалуй, не покроют стоимость их взыскания, необходимо все-таки теперь же приступить к созданию податного аппарата, хотя бы с целью выяснения возможности взимания налогов в будущем.

Эксплуатация почты, телеграфа, железных дорог и водных путей во время войны вообще, а гражданской в особенности, приносит государству только убыток и поэтому в настоящий момент для создания финансов отпадает.

Заключение внешних займов было бы возможно после крупного военного успеха и при условии создания благоприятной политической конъюнктуры. Внутренний заем сейчас никаких положительных результатов дать не может.

Остаются два последних способа создания финансов, то есть эксплуатация государственных имуществ и монополий, и, наконец, выпуск денежных бумажных знаков. Выпуск временных денежных знаков, обеспеченных доходами от эксплуатации государственных имуществ и доходов от монополий, некоторым образом может разрешить вопрос создания финансов в занятых областях.

При этом поступления от доходных статей должны составить разменный фонд, а выпуск временных денежных знаков должен производиться по мере накопления разменного фонда и во всяком случае в таком количестве, которое не дискредитировало бы новые знаки, ибо только при свободном размене новые денежные знаки будут признаны населением и будут иметь цену денег. Примером может служить выпуск денег "ост*", размен которых был гарантирован по твердому курсу в германской валюте беспрепятственно. Эти деньги, кроме свободного размена, ничем не обеспечены, а среди населения Прибалтики считаются лучшими денежными знаками.

Конечно, при размене должен быть создан известный контроль, и разумная борьба со спекуляцией даст только положительный результат.

Главным источником доходов от эксплуатации в занятых областях могут

служить разработка лесных богатств и объявление монополии на торговлю льном и льняным семенем.

Эти статьи дохода при разумной их эксплуатации могут дать армии на первое время тот необходимый фонд, без которого в настоящее время невозможно создание финансов, а в силу этого и самое существование армии.

Эксплуатация означенных частей возможна либо путем хозяйственным, либо путем концессионным. В данном случае применимы оба способа.

Эксплуатация лесных богатств хозяйственным способом при недостатке вольнонаемных рабочих, дороговизне содержания военных рабочих команд, слабой дисциплине, малой продуктивности их труда и сложности ведения лесного хозяйства даст результат отрицательный. Таким образом, здесь нужно отдать предпочтение способу концессионному, который, помимо получения крупных сумм при заключении концессии, потребует от армии лишь установления контроля над вывозом.

Объявление льняной монополии потребует взятия в учет всего льна и льняного семени, как это сделано в Латвии и Эстонии. Реализация этого ценного и необходимого за границей продукта при помощи приглашенных специалистов даст весьма значительную сумму. Расчет с собственниками льна должен производиться постепенно, в размерах, необходимых для полного сохранения их хозяйства. Для этого создание комиссии из опытных в льняном деле специалистов обязательно.

В заключение прибавлю, что мой доклад не есть критика выпущенных в обращение денежных знаков, а есть теоретический вывод, обоснованный финансовой наукой. Не располагая цифровыми данными о действительной потребности армии в денежных средствах и статистическими сведениями о лесных богатствах и запасах льна в занятых областях, конечно, поставить вопрос о финансировании армии не представляется возможным. Но не надо закрыть глаза на действительность, а нужно опасности, связанной с благополучным разрешением финансового вопроса, смотреть прямо в лицо. Я утверждаю, что если финансовый вопрос не будет разрешен вполне удовлетворительно, то армия должна будет поступить на путь бесплатных реквизиций всего ей необходимого и, в лучшем случае, реквизиций за деньги, не имеющие курса. В том и в другом случае придется считаться с народным возмущением, которое легко может перейти в восстание, а армия превратится в вооруженные массы, опасные только для мирного населения, то есть в то, против чего она собственно призвана бороться.

Копия

Воспоминания

И.С. Коноплин. Бермонтовщина (Дневник, 1919--1920 гг.)

Приведенные ниже страницы дневника есть только часть моих воспоминаний из книги *Записки офицера*.

Переживая гетманскую и петлюровскую эпопею¹⁷⁸ (конец 1918 -- начало 1919 г.), мы в составе небольшого маловооруженного отряда были прижаты войсками атамана Григорьева¹⁷⁹ к Днестру (у Бендер), где после недолгого сопротивления часть из нашего отряда погибла, другая -- перебралась в Бессарабию. Отсюда мы направились в Галицию, участвовали в боях Петлюры на его двух фронтах -- польском и большевистском, и, плененные под Радзивиловым поляками, были затем отправлены в Варшаву. Из последней по указанию вербовочного бюро ротмистра Гершельмана -- представителя армии ген[ерала] Юденича -- отправились в Ригу, где и предполагался штаб последнего: точных сведений на этот счет у нас не было. Мы решили, что по пути, в Митаве,

наведем нужные справки. Отрывки из дневника, открывающие наш приезд в этот город, я и привожу здесь, не пытаюсь заштриховать ни наших предварительных путевых настроений, ни наших планов относительно службы в Белой армии, куда мы, разумеется, шли с большим надломом и физическим, и душевным.

Митава, 2 июня [1919 года]

Сегодняшний день -- день решения многозначительной для нас задачи. Оказывается, в полосе Прибалтики, кроме ген[ерала] Юденича, организующегося в Эстонии, есть отряды -- кн[язя] Ливена, Бермонта, Вырголича... Все они вышивают какие-то узоры -- каждый своими нитками и на свой манер. Нам пришлось задуматься над тем, кто же из них стоит не на жестком раздорожье, а на настоящем пути...

Думали долго, трудно...

А вышло это так.

Чуть засветлело утро, мы проснулись, выглянули в окна -- Митава. Где-то за станцией надрывно бухал церковный колокол, звуки его тягуче ползли над городом, обрывались позади вагонов, точно упали в сырую яму.

Полковник Кочан уже успел побывать в буфете, кого-то расспросить о местопребывании штаба ген[ерала] Юденича. "Господа, вставайте, -- сказал он громко, -- здесь мы высадимся: немножко надо ориентироваться в обстановке".

Мы заторопились.

Кочан у нас за старшего. Мы охотно подчиняемся его распоряжениям, тем более что каждый из нас за время пережитой сумятицы стосковался по твердым указаниям, нося в своей душе ощущение крайней их необходимости.

Дисциплина скрепляет внешне, заставляет подбираться внутренне и сосредоточивает внимание на впечатлениях близких и насущных.

Впрочем, по этому вопросу мы много спорим -- я лично сторонник другого взгляда, уверен, что там, где в наличии существует здоровая самостоятельность, всякое действие отдельного человека, направленное к общей цели (оно должно быть прочувствовано каждым) не нуждается во внешнем подстегивании.

Другое дело, если исчезает это общее признание цели: тогда насилие (начальник -- всегда насильник) должно играть роль *raison d'etre*¹⁸⁰, ибо из него возникает тот "порядок", от которого всякий "разлив" укладывается в берега.

...Итак -- надо ориентироваться!

Мы выбежали на платформу, стали расспрашивать всех, кто попался на глаза -- где штаб ген[ерала] Юденича.

-- А, должно, в Риге, -- отвечали нам. Вот как!

-- А может, здесь, -- мы не знаем...

Офицеры возвращались в вагоны и досадливо ворчали от неопределенности. Наконец, откуда-то появился Кочан; за ним медленными шагами, вперевалку шел артиллерийский поручик в фуражке, низко надвинутой на лоб; из-под козырька выглядывали спокойные серые глаза. Он мягко звякнул шпорами, козырнул.

-- Здравия желаю, господа!

-- Ну вот, -- сказал лениво Кочан, -- послушайте поручика.

Мы затихли.

-- Вы куда направляетесь, коллеги? -- обратился ровным, уверенным голосом артиллерист, -- к ген[ералу] Юденичу?

-- Да, как будто...

Артиллерист подумал.

-- Штаб ген[ерала] Юденича находится в Риге, а сам он, говорят, выехал к северу, в Ревель, что-ли... Да и штаб-то у него ведь окончательно не сформировали. Знаете ли, ему немножко трудно действовать в той обстановке, какая его окружает.

-- То есть?..

-- Вы не знаете? -- удивленно изогнул брови артиллерист. -- Да ведь его со всех сторон прессуют, кому как хочется: эстонцы по-своему, латыши по-своему, ну а про англичан нечего говорить -- те просто диктуют.

-- Диктуют? Ого...

С этого началось наше длинное острое собеседование. Офицер говорил много, уверенно, взвешивая каждое слово, глядя в наши встревоженные лица прямым взглядом.

Лицо у него было симпатичное, как и голос, звучавший с приятной твердостью. По моим наблюдениям, такой голос изобличает человека, отдающего

себе ясный отчет в своих словах и действиях.

В конце собеседования выяснилось, что организация Бермонта наиболее основательная: у нее есть полнокровная артерия, по которой будет происходить питание будущей армии из Германии, у нее есть тыл -- глубокий, верный, без губительных черт, как у Юденича, где позади плещется море, которое при неудачном исходе борьбы поглотит все жертвы.

-- Словом, -- офицер развернул карту Прибалтики, -- все стратегические и множество других причин и выгод на стороне Бермонта -- именно Бермонта, а не кн[язя] Ливена, полковника Вырголича и др. (если они есть -- как нам знать в этой путанице?).

Мы стали вглядываться и вслушиваться в гром и бой будущих действий всех этих армий здесь, в Прибалтике. Как будто выходит, что артиллерист прав. Если англичане, ко всему прочему, еще диктуют ген[ералу] Юденичу -- наше решение ясно: мы остаемся по эту сторону Двины.

Составили списки, и, уже уходя, артиллерист сказал:

-- Господа, через час я приду за вами.

Мы стали собирать вещи: задачу решили. Верно или неверно -- другое дело: будущее разъяснит.

3 июня, ночь.

Пишу на пустом деревянном ящике при дымящей свече. Казарма, где мы разместились, спит тяжелым, железным сном (уж очень мы устали за последние дни). Сейчас около двух ночи. Итак, первый день под белым знаменем прошел; любопытно, однако, что до сих пор я не могу разобраться в моих первых впечатлениях.

Вчера, когда артиллерист вел нас по пустынным, точно запуганным, улицам Митава, мне казалось, что в этой сонливой тишине, где, по-моему, слышно даже, как в стеклах домов звенят мухи, можно легко отыскать все концы, все начала того, что тут делается, и, однако, ошибся.

...Нынешнее утро мы встретили с необычно возбужденными хлопотливыми настроениями -- оно было первым среди неизвестности -- и странно! -- покойной, бестревожной неизвестности...

Последние месяцы наших бессмысленных скитаний, полных острого напряжения нервов, слепого озлобления, шумных, мстительных разговоров -- все это перегрузило наши души лишним мучительным грузом. Мы встречали каждую ночь с грызущей тревогой, дню радовались постольку, поскольку его зев не глотал нашего физического покоя.

И вдруг -- мы у солнечного безбурного берега: такое впечатление производит Митава.

Утром, как только над низкими каменными домами приподнялось солнце, брызнуло золотом по темноголовым вербам у пруда, тускло мерцавшим под сетью плесени, мы выскочили к умывальнику во дворе. За забором кричали куры.

-- Торопитесь, господа, -- громко сказал Кочан, -- к восьми надо быть в штабе.

Мы поспешили. Вышли в узкую мощеную улочку, из которой темно-сизой кривой полоской уходила в поле дорога. Там за последними домами слышны были командные крики и сигналы рожков, шли военные занятия.

Это радостно возбуждало.

Выходя на большую улицу, вы вдруг заметили над узором залитых солнцем берез развевающийся в воздухе огромный белый флаг с черным мальтийским крестом¹⁸¹ посредине.

Мне кажется, многие из нас в эту минуту почувствовали острый толчок в сердце: вот знак, под которым мы выразим России нашу преданность, нашу любовь и долг...

Штаб -- это двухэтажное здание на Константиновской улице; стены его от дождей облупились, крыша выцвела, и весь его вид -- это облик сухого старика, у которого только и живого на изможденном лице -- это глаза: окна... Над входной дверью висит большая доска, на которой густыми черными буквами выписано: "Штаб пластунского отряда имени гр[афа] Келлера". Против здания шумит под налетом июньского ветра небольшой сквер, в темной, прохладной глубине которого яростно кричат галки, хлопая крыльями, и звенят воробьи.

Мы остановились на дороге. Из открытого окна слышался стук печатных машин, затейливый звук шпор и чьи-то громающие голоса. Минуту спустя Кочан, ушедший в здание штаба, вернулся, махнул нам рукой, и мы стали

заходить в помещение.

Первое, что бросилось в глаза -- это масса столов, различных вывесок, объявлений, инструкций.

Налево, на дверях, белел картон, на котором мелькнуло: "Вербовочное бюро". Этажом выше были хозяйственная и штабная канцелярии. Мы вошли в обширный зал. Позади нас о чем-то зашумели двое офицеров в белых погонах, с восьмиконечными термаламными крестами¹⁸² на левых рукавах мундиров. Они с озабоченным видом пробежали в дверь, на которой висела бумажка: "Кабинет командира отряда".

Слышно было, как за дверью раздался чей-то окрикнувший голос, торопливое объяснение другого голоса и легкое позванивание шпор...

-- Слушаюсь! -- вырвалось оттуда уже более явственно. Мы выстроились незамкнутым квадратом по указанию Кочана. Дверь быстро открылась, и из кабинета выбежал белокурый пухлощекий корнет в аксельбантах. Обратясь к Кочану, он проговорил, сыпля словами, как потрескивающим горохом:

-- Командир сейчас выйдет, приготовьтесь; пожалуйста, имейте список наготове. -- И убежал куда-то вниз по лестнице.

В ту же минуту дверь опять настезь, и на пороге показался...¹⁸³ черкес среднего роста в барашковой папахе, бескаблучных сапогах и черной черкеске с серебряными газырями на груди; левый бок украшал массивный серебряный кинжал с насечкой, висевший на тонком пояске. Это -- первое впечатление, а второе (мы его разглядывали так же внимательно, как и он нас) -- он был весь какой-то гибкий, по-кошачьи напряженный, глаза его поигрывали, меняя остроту выражения... Я заметил: из широкого рукава его черкески выглядывала белая рука с выхоленными ногтями.

Кочан скомандовал хриплым басом:

-- Господа офицеры!

Бермонт (это был он) театрально взмахнул рукой, поднеся ее к папахе и, шелкнув бесшпорными каблуками, проговорил сипловатым властным тоном:

-- Господа офицеры! -- Не останавливаясь, продолжал, шагнув с порога ближе к нам: -- Я горячо приветствую вас, господа, как командир пластунского отряда.

Глаза его быстро пробежали по нашим лицам, хмурясь и наливаясь свинцовым поблескиванием. После незаметной паузы он снова заговорил:

-- Я прошу вас, господа, каждого в отдельности представиться мне, называя свой чин, фамилию и род оружия, а также часть, в которой вы служили.

Он бесшумно, легко, словно прыгнувшая кошка, встал рядом с полковником Кочаном. Подав ему руку, застыл в позе выжидания. Тот назвал себя. В четкой тишине я слышал:

-- Поручик Клейнберг, 16-го стрелкового полка...

-- Поручик Крестини, штаба Кавказской армии...

-- Прапорщик Ивнев, 8-й артиллерийской бригады...

Очередь дошла до меня. Я назвал себя. Бермонт глянул мне в глаза, слегка сощурился и, пожав руку, передвинулся к следующему. Обойдя всех, он вышел на середину зала. Позади него вырос неизвестно откуда взявшийся пухлый корнет, видимо, он был адъютантом Бермонта...

-- Итак, господа, я весьма рад познакомиться с вами, -- заговорил он, -- должен вам сказать спасибо за доверие, которое вы оказали мне тем, что избрали службу под моим начальством. -- Секунду он подумал. -- Говорить с вами у нас есть о чем, тем много, но, разумеется, главная из них (так я понимаю) -- Россия... Для нее мы подняли здесь наш белый флаг -- видели?... Я, господа, твердо заявляю: мне нужны не тысячи и десятки тысяч разбродных солдат и офицеров, а всего лишь простые десятки, но зато -- смелых голов... Я с ними сделаю больше, чем кто-нибудь с многотысячной армией.

Он щелкнул пальцами, изогнул талию, как женщина, и, выпрямившись, снова заговорил:

-- Хотите работать со мной -- готовьтесь нести тяжелый труд; я отдал России почти все, от нее ничего не беру -- наоборот, несу ей последние остатки сил... и -- пусть! Я израсходую их до конца, во имя порядка и закона. Согласны вы на это?

Он помолчал.

-- Все мои офицеры, которых вы уже видели, прошли огненный путь: они со мной не боятся действовать и дальше. Я, господа, испытанный человек, послужите -- увидите... А теперь попрошу вас получить из хозяйственной части

ордер на обмундирование, приведите себя в порядок, завтра поговорим о назначениях. Вы свободны... Да, еще одно, -- спохватился он, -- я хочу с каждым из вас немножко побеседовать.

Он опять подошел к Кочану. Стоя у окна, они долго о чем-то разговаривали. Я начал прочитывать на дверях и стенах разные инструкции и объявления.

"...наружный дневальный сменяется через каждые два часа..."

"...дежурный телефонист при каждом вызове со станции обязан немедленно докладывать об этом адъютанту, если таковой отсутствует -- его заместителю..."

"...при записи добровольцев в пластунский отряд вербовочное бюро предъявляет следующие требования:

1. Записывающийся обязан представить послужной список или копию его; за неимением этих документов можно представить другие, но..." следует целый ряд пояснительных пунктов; в конце таблицы приписано: "Вербовочное бюро дает от себя подписку каждому добровольцу в том, что при аккуратном и добросовестном несении последним службы оно будет неукоснительно исполнять все свои обязательства, перечисленные в уставной таблице бюро".

Я не успел дочитать пунктов, определяющих взаимные обязательства добровольцев и бюро, как Бермонт направился ко мне.

-- Вы, кажется, пулеметчик, не так ли?

Я ответил.

-- А, это чудесно -- мы нуждаемся в специалистах.. И потом вы... пишете? Очень хорошо; у меня здесь есть шелопут -- мичман Протопопов; я ему поручил писать историю отряда, но что-то она, кажется, у него не пишется. Вы не могли бы взять на себя эту работу?

Я изъявил согласие. Бермонт неожиданно проговорил:

-- Вот что, штабс-капитан, заходите завтра ко мне в шесть часов утра, не позже, слышите? Мы с вами поговорим на одну тему.

Должно быть, я выдал мое удивление по поводу раннего часа. Бермонт пояснил:

-- Я, голубчик, встаю очень рано: дел уйма -- не заспишься. Ну, до свидания.

Он отвесил общий поклон -- и попытался сделать холодное лицо --начальническое. Затем быстро ушел в кабинет.

-- Огонь, -- улыбнулся тихонько Кочан и покачал головой.

Остаток дня мы провели в парке на слиянии рек Дриксы и Аа. Разглядывали темные полуразвалины древнего замка Бирона, в сырых подвалах которого до сих пор лежат груды пожелтелой гнилой бумаги, разные книги на немецком и русском языках и тетради с выпцветшими страницами.

На дворе замка звучала громкая немецкая речь, слышался визг и хлопанье бича, дребезжание водовозной бочки. По голубой Аа летали, как дубовые листья на ветру, лодки; из них доносились веселые голоса... В дремотном парке сонно, словно мухи, бродили городские девицы, переглядываясь с одиночными офицерами, тоже скучающими.

Мы долго сидели с Кочаном на скамье в глуши крапивы у берега и говорили о предстоящей службе в отряде. В сумерках вернулись в казарму.

Итак, начало сделано, мы его, правда, плохо еще ощутили, но это все равно -- будущее (конец?) подведет итоги всему.

7 июня.

Время поразительно красочно разбивается на мелкие куски -- не успеваю заняться моими записками. А я ведь твердо решил от поры до времени вносить в эту тетрадь мои заметки обо всем, что будет интересного, по крайней мере за этот год. При теперешней фееричности событий нельзя загадывать на будущее.

Мой ранний визит к Бермонту был почти беспричинно ранним: я вынес впечатление, что ему хотелось утвердить через меня мнение среди новоприбывших о его кипучей деловитости. Живет он в низеньком деревянном флигельке, тут же, рядом со зданием штаба. У дверей квартиры торчит часовой, постукивая ружьем о камни. Меня впустили после доклада.

-- А, пришли? -- крикнул он из соседней комнаты. Та, где я стоял, была темной, сжатой однотонной голубой мебелью. В углу белел круглый мраморный столик, на котором стоял портрет Бермонта в коричневой рамке. Пахло духами, точно в будуаре женщины.

Выбежал адъютант и коротко представился:

-- Корнет Линицкий.
Я назвал себя.
-- Сейчас командир выйдет, -- предупредил Линицкий.
За стеной послышался плеск воды и фыркание умывающегося.
-- Ну, вот и я. Здравствуйте! -- Бермонт потрянул мою руку. -- Кофе хотите? Федя, подай!

-- Слушаюсь!
По коридору забегали, раздался веселый смех.
-- Эй, ты, пистолет, что смеешься? -- крикнул притворно сердито Бермонт. Вышло это как у задорного корнета, только что вылетевшего в жизнь из каменного гнезда училища.

Мы разговорились. Первое, что Бермонт рассказал -- это о своих длинных разнообразных историях, из горнила которых он "вышел твердым, закаленным". Тон его был легкий, играющий, слегка покровительственный.

-- Я, батенька, вижу на семь сажений в глубину -- англичане меня не проведут. Вы думаете, запутают меня в сеть, которую плетут в Эстонии. Нет! -- он указал на огромную географическую карту, синевшую в глубине комнаты на стене. -- В море утонуть? Нет-с, я поведу солдат, куда мне хочется, а не куда англичанам вздумается. Надо бить железным кулаком без оглядки перед хозяином... -- так или не так?.. Без хозяев лучше. Не так ли? -- Он крепко, с загибами, выругался и заиграл кошачьими глазами. Потом быстро скользнул к окну и наполовину в него высунулся. -- Так что ли, друг мой? -- крикнул он часовому. -- Здравствуй, голубчик!

-- Здравия желаю, ваше...184 г[осподин] полковник!

-- Слышал, молодец, что я сказал?

-- Никак нет!

-- ?..

Часовой громко рассмеялся.

-- Так точно!

Повернувшись лицом в комнату, Бермонт сказал:

-- Славный народ. Надо уметь их пошевеливать. Я, дорогой, солдата изучил вот как! Думаете, не знаю, о чем он, подлец, размышляет сейчас, бродя под окном на солнышке? Знаю... -- Бермонт щелкнул пальцами и крикнул денщика:

-- Эй ты, курица, чего зубы скалишь?

-- Никак нет.

-- Смотри у меня...

Денщик метнулся притворно в дверь.

-- Думаете, он боится меня в эту минуту? Ни капли, а вот когда надо -- он сам это понимает.

Появился опять Линицкий. Кажется, он был рьяным рыцарем Бермонта и неотступным его услужником. Именовал, однако, Бермонта "г[осподином] полковником", хотя за официальным флером я угадывал, что без "посторонних" они говорят другими голосами между собой.

В конце разговора Бермонт сказал:

-- Я назначаю вас, штабс-капитан, историком отряда. Отыщите-ка вы этого мичмана, заберите у него материал, какой есть, и пишите историю. -- Я заметил ему об обиде мичмана.

-- Да, авось, он рад отделаться от этой обязанности. Вы не знакомы с ним? Познакомитесь -- увидите. Ну, до свидания, капитан. Оставьте все ваши казарменные дела и каждое утро будьте у меня, к восьми, или в штабе, там вам отведут угол.

Я попросил оставить меня в роте, пообещав ему, что "история" будет писаться аккуратно.

-- Великолепно, капитан, вашу руку.

...Так произошло мое назначение. Мои обязанности несложны: писать "историю" по официальным приказам, пояснительным запискам и распоряжениям штаба -- другими словами, зафиксировать факты и события, развивающиеся на моих глазах. Бермонтом выдано мне удостоверение, в котором между прочим стоит: "...разрешить штабс-капитану Коноплину собирать материал по истории отряда, для чего приказываю всем учреждениям, не исключая контрразведки, осведомительно-политического отдела, оказывать штабс-капитану всяческое содействие".

9 июня.

Мы (прибывшие) влились в состав 4-й роты 1-го пластунского батальона (их четыре -- все они только списочны). В нашей роте ни одного солдата -- все офицеры разных родов войск. Командиром назначен полковник Кочан, я -- полуротным.

Сегодня были за городом на тактическом учении. Офицеры лениво выбивали шаг, кособоко таскали винтовки и отругивались -- не нравится...

Из старых деревянных казарм, где мы провели первую ночь, нас перевели ближе к центру на одну из боковых улиц. В этом же здании размещаются три первые роты -- они наоборот: исключительно состоят из солдат.

Батальоном командует полковник гвардии Евреинов -- несколько холодный, острый, насмешливый; бородка клиншком точно дополняет неприятный блеск его взгляда; и звенящий голос: все вместе дает впечатление щемящей цепкости. Солдаты его боятся, офицеры избегают общения, но тем не менее с ним как-то уживается некая группа (его же батальона). Они отлично сыгрываются в карты и мило пьют. Это -- поручик Савельев, поручик Дмитриев, прапорщик Колчак... У последнего тонкая как стебелек, с синими глазами жена в белой косынке сестры. За ней увивается в нервном настойчивом напряжении Савельев, конкурентом его -- Дмитриев; вечная история полковой любви: принимает формы и очертания игры летучего момента. Явись синеглазая номер второй -- "любовь" изломается и пойдет по линии легчайшего сопротивления.

Вечером.

Проходя по большой улице, встретил на углу Бермонта в сопровождении Линичкого. Лицо последнего сияло.

-- А, капитан, вы мне нужны, я вас ищу...

-- Что прикажете?

-- Немедленно приступите к собиранию обличительного материала...

Я не понял.

-- О действиях союзников в Одессе, понимаете ли -- мне это до зарезу нужно. Ведь они не жерувимы... Правда? Ну, вот -- за дело! Расспросите хорошенько офицеров Генерального штаба, у нас есть такие... Прощайте! -- Они скрылись за углом.

"Начальство прикажет лезть на стенку -- полезай", -- припомнился мне канонический лозунг моего старого командира полка.

10 июня.

Митава медленно, но упорно вскипает; целый день безжизненно лежат, точно опаленные зноем, ее улочки, а вечером кипение буйно, настойчиво пробивается наружу. Городской парк густо набит шумящей публикой, играет военный оркестр (чаще гражданский). На эстраде кафе слышно завывание какого-то затрепанного актерика. Хохот девиц раскатисто носится по аллеям, мешаясь со звоном шпор и смехом военных. На реке тоже покрикивают, гоня лодки вдоль и вкось.

Многие офицеры и солдаты в новой форме -- это мундир старого немецкого сукна, такие же бржки. На левом рукаве белый нашивной (иногда накладной) крест -- восьмиконечный. Это -- эмблема крестоносной идеи отряда. Мелькают фуражки с голубыми, белыми, синими и красными околышами.

...Вернулся домой поздно; по улицам, залитым луной, бесконечно раскатывается женский визг. Я замечаю -- гулянье в Митаве длится до рассвета; в дальних переулках, где притаились "злачные" места, оно живет непрерывно с утра до вечера и до утра длиннейшей мертвой цепью. Солдаты толкуются там ватагами, странно ухищряясь нести службу так, что в нужный час они всегда у начальства на виду.

Мы с Кочаном снимаем две комнаты на Зеленой улице -- это в пяти минутах ходьбы от нашей казармы и штаба. Жить на частной квартире нам разрешено потому, что мы на положении начальствующих лиц.

Окна моей комнаты выглядывают на пустынный, запущенный сад. У самых стекол бьется под ветром крапива и шуршит сухая трава. По ночам низко нависают над качающимися верхушками деревьев мигающие глазки звезд. И, лежа на кровати, я наблюдаю, как в темной пропасти неба, точно ленивые белопарусники, проплывают над звездами тучи.

Вспоминется юг, длинный поход, отвратительная свалка на Днестре, под гром большевистских орудий. А тут -- мир, успокоительное стуканье часов за стеной, шелест трав за окном. Кажется, теперь я начинаю первый раз в моей жизни ценить нормальную пульсацию быта, насыщенного жаждой миролюбивого творчества, озаренного немеркнущим светом исканий "правды". Революция -- это

горение всех концов и начал жизни, корчевание устоявшихся ее форм -- болезненное, трудное -- разве о ней хочется думать в эти минуты после надломных самоощущений почти что больных и разбитых?

После всего пережитого невольно хочется (пусть это пошло, зато искренне) пустить мимо себя всю громоздкость событий, а самому уткнуться в безмятежный угол, где нет "ни печали, ни воздыхания". И разве я не слышу, как среди ночи за стеной мучительно вздыхает именно об этом "угле" Кочан? Горячий ветер революции глубоко и дерзко опалил его, в душе он ее презирает, но говорит о ней в тоне сдержанном и суровом.

Так относится он и к Белой армии: служит потому, что нет другой дороги -- позади встал огромный кипящий вал большевизма -- в него идти страшно; впереди же мерцает единственный просвет, еще не затянутый тенями -- армия.

Мне думается, что все мы пришли сюда с таким восприятием событий.

11 июня.

Видел мичмана; весь материал, имевшийся у него -- две тоненьких тетрадки, в которых поставлены ненужные даты и отмечен первый приказ по отряду (8 февраля 1919 г., лагерь Зальцведель).

Тетрадки он отдал с большой охотой. Производит впечатление мягкого, добродушного юноши, весьма заботящегося о гладком проборе и чистых ногтях. Вероятно, он умеет беспечально созерцать весь ход революционных событий (Белая армия -- что такое, как не первооснова углубления революции?)

15 июня.

Отряд совсем не велик: выяснилось, что весь его состав -- 400 человек (солдат и офицеров). На днях ожидается прибытие новой партии из Галиции и Польши. Поговаривают и о приезде Тульской дивизии, перешедшей в бою на р[еке] Мозырь на сторону Петлюры и теперь изъявившей желание вступить в белые ряды. "Отряд" -- это общее название, его составляют пластунская бригада, во главе которой стоит тихий, но внушительный полковник Потоцкий, затем контрразведка, осведомительный политический отдел, броневая часть, авиационная рота (везде существуют только списки людей -- имущества пока нет, ожидается на днях из Берлина).

К полковнику Потоцкому прислушиваются в отряде все. Он старый петербургский офицер с большим служебным стажем. Внешность его необыкновенно мягкая, весь он проникнут чувством собственного достоинства, которое вызывает к нему большое уважение и молчаливую почтительность.

...Завтра штаб переезжает на Анненскую улицу, 8. Я видел это здание -- огромное, многоэтажное, оно вместит в себе множество канцелярий и управлений, вплоть до контрразведки, которая нуждается в квартире с конспиративными ходами.

Однако, по уверению капитана Маркова (адъютанта штаба отряда), контрразведка засела плотно -- "как неразорвавшаяся граната в куче мусора" -- на Большой улице и едва ли сдвинется с места. Во главе стоит барон Фрайтаг -- сизый, одутловатый офицер-кавалерист. Сегодня я познакомился с ним и тремя его видными сотрудниками -- прапорщиком Б-и185 (весь в бриллиантах), юнкером Германом (бледный, нервный) и вольноопределяющимся Дальским. Впечатление производят неопределенное, кроме юнкера Германа, который своего языка "не преодолел"...

18 июня.

Вышел приказ: завтра совместно с ливенцами у городского собора парад. Принимает его кн[язь] Ливен186, командует полковник Потоцкий.

Отряды существуют в командном отношении автономно, в хозяйственном Бермонт "слегка" подчиняется кн[язю] Ливену (по договору, подписанному в марте в Берлине Бермонтом, кн[язем] Ливеном, сенатором Бельгардтом и представителем немецкого Генерального штаба). Штабс-капитан Марков сообщил, что этот парад -- выражение Бермонтом кн[язю] Ливену чувства уважения как раненому герою.

У Бермонта появился новенький многосильный Венз. Проходя через мост на Аа, я вдруг услышал за собой злое шипение машины, обернулся и едва успел разглядеть разлетающийся башлык, черкеску и барашковую шапку Бермонта. Он почему-то погрозил мне пальцем и кивнул головой. Рядом с ним, прижимая пальцами фуражку, сидел Линицкий. Как всегда, его лицо сияет.

19 июня.

Парад вышел красочный. Выстроившись тугими рядами у собора на мостовой, мы затем вытянулись в длинную линию по узенькой улице, отгороженной от

дороги перепутанной акацией. За ней белел огромный дом с террасой; в нем жил кн[язь] Ливен.

Сделано было все, чтобы облегчить ему прием парада: кажется, если бы можно было -- мы парадировали бы у него во дворе. Ливен -- седенький, высокий сухой корнет, в кителе и белой кавалергардской фуражке. Видимо, ранен он основательно: когда идет, опираясь на палку, заметно хромает. Глаза его бесцветны, часто мигают, и все лицо от боли в бедре странно кривится. Бедный старик! Беспокойный Бермонт доставляет ему немало хлопот.

Во время обхода Ливеном наших рядов мы услышали за углом соборной ограды ворчание машины, через полминуты она осторожно высунулась к повороту в нашу сторону и с коротким рывком остановилась. Из нее вылез Бермонт. Широким деланным взмахом руки он откинул концы башлыка за спину и быстро направился к оторопевшему Ливену. Не глядя ни на кого, Бермонт обнял князя и звучно расцеловал его, потрясая старческую руку. Князь слегка прослезился -- это было заметно по его прыгнувшим губам. По окончании церемонии Бермонт усадил Ливена в машину и увез к себе обедать.

21 июня.

Закончил, наконец, обвинительный акт (так я понимаю мою работу) против союзников. Все разбирал груды чужих тетрадей (воспоминаний), разных записок, вырезок из разноголосых газет (одесских и заграничных). Записывал кое-что и из устных передач тех офицеров, которые пережили одесскую трагедию¹⁸⁷.

Получилась увесистая тетрадь, для пояснения текста я начертил карту зоны действия союзных войск с отметкой распределения французских, добровольческих и греческих частей. Мне удалось достать экземпляры французских деклараций и воззваний к населению, копии приказов командования и т. п. Помимо того, мной подробно описана (по несомнительным данным) и работа русских общественных деятелей от г. Андро до ген[ерала] Шварца¹⁸⁸, Санникова и др.

Собранный мною и документально проверенный материал дал впечатление, что действия союзников в Одессе были трагичны по своим последствиям. Они проложили черную борозду недоверия, подозрительности и даже нерязности к союзникам среди тех, кто не примирился с большевизмом -- по крайней мере, никто из прошедших через пекло Одессы не говорит об их деятельности в теплых тонах (как говорят, например, о греках).

Мою работу я прочитал в присутствии многих штабных офицеров. В том месте, где я привел слова адмирала Амэта¹⁸⁹ (о русских): "Зачем нам защищать их от большевизма, когда они его так жаждут", -- Бермонт не выдержал. Подошел ко мне, заглянул в тетрадь, потом на развернутую карту и вдруг сказал:

-- Утопят и меня англичане, если пойду к ним.

Офицеры перекинулись несколькими резкими фразами вообще о союзниках.

Доклад мой я прочитал до конца и передал его Бермонту.

-- Это будет переведено на немецкий язык и напечатано в одном из берлинских журналов, -- сказал мне Бермонт. Уходя домой, я думал: "Плохую услугу оказал я союзникам. Впрочем, не страшно..."

24 июня.

В городе разгуливают латвийские солдаты -- кажется, их прибавилось. Держатся они скромно, по улицам шагают небольшими группами (в одно-два отделения). Форма их странно похожа на английские куртки, фуражки со звездами на тулье и коротенькие малиновые погоны -- все это сделано аккуратно, но общий вид их почему-то штатский: нет четкого внешнего рисунка, как у наших. Маршируя по улицам, наши солдаты громко отстукивают шаги (копируя немцев), чеканят каждое движение рук и ног; латвийцы же "распускаются": иногда они покуривают в строю. Песни они поют вяло, с каким-то малоразборчивым припевом -- ла, ла, ла... У здания 1-го пластунского батальона я слышал, как наш солдат, провожая глазами латвийскую полуроту, сказал:

-- Латвийцы, братцы мои, что курицы: гульнет непогода -- кудахчет с перепугу. Но и злой, ежели что... Знаю уж -- служили вместе на хронте...

...Прибыла новая партия офицеров и солдат. Все такой же затрепанный, унылый вид: на лицах несмываемо застыла серая пыль, глаза выражают беспокойство и легкое недоверие к нам. Ничего, сживутся.

27 июня.

Был в канцелярии полка, читал приказ (№ 128): завтра я вступаю на

дежурство караульным начальником на гауптвахте. Это против скверика, в десяти шагах от квартиры Бермонта. Последнего вижу каждый день: все справляется, работаю ли я (пишу ли историю).

...А в сущности говоря, и писать-то пока не о чем, разве что о кутежах, которые угрожающе разрастаются по ресторанам и кафе. Потоцкий покачивает головой (хотя сам выпить мастер).

Кочан рассказывал, что где-то на окраине города наш офицер избил еврея за то, что тот не козырнул (штатский-то!). Оказывается, что офицер по каким-то причинам трудно различал вокруг себя предметы и поэтому все требовал у еврея, чтобы он ему показал свои погоны и назвал часть, в которой служит.

Абракадабра! Будет худо, если этот болезненный надлом обозначится губительной трещиной в бригаде и вовремя не залечится начальством.

...Еврейнов бунтарствует; являясь в батальон, "чешет морды". Слышу первый раз, что и в добровольческих рядах "это случается". Поручик Владыкин рассказывал, что сегодня Еврейнов избил солдата за то, что тот, будучи дневальным, полулежал на кровати и с кем-то переругивался, а дверь в коридор была открыта и снизу, с улицы в казарму проник какой-то старикашка -- продавец мыла и ниток. Удивительно! Если это зло (мордобитие) разовьется -- худо удвоится. Надо побеседовать на эту тему с Бермонтом. Он, кажется, не любит так жестоко шутить с психологией солдата.

29 июня.

Дежурство мое отметились интересным явлением. Около часу ночи я вышел в сквер, напротив караульного помещения, приказав караульному унтер-офицеру в случае надобности позвать меня.

После затхлой караулки воздух в сквере показался опьянительным. К тому же и ночь была чудесна: за тонкими черными колонками деревьев золотым осколком поблескивал месяц, а рядом со мной, точно прижавшись к ногам, стояла густая тень...

У забора слышались какие-то шорохи: вероятно, на скамьях шептались парочки. Все это создавало картину необыкновенного покоя и почему-то напоминало наши глухие углы в Путивле, над синим изломанным Сеймом. Расхаживая вдоль канала, я различал мурлыканье солдат -- они пели свою любимую: "Умер бедняга в больнице военной, // Долго родимый лежал -- // Эту солдатскую жизнь постепенно // Тяжкий недуг доконал..."

Я им не мешал (караул и вдруг поет!). А не все ли мне равно? Я твердо знаю, что часовые все на местах и безусловно бодрствуют. На минуту солдаты замолкли, и вдруг среди тишины за забором на углу сквера раздались громкие крики женщины. Я бросился туда.

Что это такое? -- крикнул я какому-то военному: при лунном свете на его плечах забелели погоны.

-- Да видите ли, она сопротивляется, не хочет идти в караульное помещение, -- ответил мне силоватый голос.

Мужчина и женщина опять завозились на дороге. Я перепрыгнул через забор и добежал к ним, резко отстранил мужчину. Это оказался судебный следователь Селевин¹⁹⁰.

-- Позвольте, -- возвысил он голос, -- вы кто такой?

-- А вот, пожалуйста, в караульное помещение, мы с вами объяснимся.

Селевин поправил фуражку и, придвинувшись ко мне вплотную, проговорил:

-- Вы караульный начальник? Будьте любезны, прикажите вашим солдатам усадить эту женщину в карцер до утра: причину ареста я вам объясню.

Солдат мне звать не пришлось -- женщина сама пошла за нами. При свете лампы я разглядел ее: это была молоденькая, тонкая барышня с свежим лицом, в голубом шелковом платье; на огромных белокурых волосах воздушно покачивалась черная шляпа. Белые перчатки и элегантный зонтик, который она небрежно перекидывала из руки в руку, как-то неуловимо придавал ей вид курортной беспечной девицы.

Она приподняла лицо и оглядела нас без всякой боязни: я заметил -- ее синеватые глаза выжидательно поигрывали.

-- Ну, голубушка, присядьте, -- сказал ей Селевин. Девица безмолствовала. Мы вышли с Селевиным на улицу, он, торопясь, доложил:

-- Две недели я выстерегал ее и, наконец, застучал.

-- Кто она, и за что вы арестовали ее? -- спросил я.

-- Ее фамилия Дитман, она местная коммунистка. В бытность здесь первых

белых отрядов в 1918 г. она за ними наблюдала, а когда Митаву забрали красные, она выдала чекистам из оставшихся в городе белых около 300 человек: все они были расстреляны. Я следил за ней долго, сегодня мой офицер (он ухаживал за ней месяц ради этого) договорился с ней до хорошей откровенности. Как видите, я зацапал ее в ту самую минуту, как она возвращалась со свидания...

-- Что это значит, "до хорошей откровенности"? -- спросил я.

Селевин уклончиво ответил:

-- Девочка она неглупая, но, знаете, со всяким может случиться беда, если неумело играть в любовь.

Я выразил недоумение. Селевин пожал плечами, как бы в свою очередь выражая сожаление, что не может всего рассказать, и тихонько произнес мне в ухо:

-- Завтра утром я произведу допрос, вы уж продержите ее благополучно до моего прихода (он подчеркнул слово "благополучно" и почему-то хитро улыбнулся). Мне это не понравилось, я ответил:

-- Г[осподин] Селевин, вы, конечно, оставите у меня записку с полным обозначением имени девицы и причины ее ареста.

-- Записку? Я думаю, это будет лишним.

-- Вы думаете? В таком случае под арест я ее не принимаю.

Селевин замигал серыми неприятными глазами и сухо проговорил:

-- Если вам угодно -- я оставлю требуемую записку.

-- Пожалуйста... Вы, разумеется, изложите в этой записке и вашу просьбу на имя караульного начальника принять арестованную на гауптвахту?

Мы зашли в караулку. Селевин нервно стал выводить на клочке бумаги строки, искоса поглядывая на бессловесную девицу. Та равнодушно зевала, нагло постукивая концом зонтика о туфли. Откланявшись, Селевин ушел. Девицу я приказал отвести в карцер. Она игриво сверкнула глазками и вдруг сделала сердитое лицо.

...На рассвете мне доложили, что барышня упала с нар на цементный пол, катаясь в схватках, и вся посинела.

Я подошел к карцеру и заглянул в маленькое окошечко: действительно, она лежала на полу, юбки ее были отброшены выше колена, обнажая маленькие ножки в серых прозрачных чулках. Вся она как-то уродливо скрючилась, растрепались обильные волосы, которые почти закрыли ее лицо.

Я приказал открыть дверь; вместе с солдатами мы уложили ее на нары, после чего я вызвал доктора. Осмотрев ее внимательно, доктор шепнул мне лукаво:

-- Бабенка прикидывается, я дал ей нюхнуть спирту -- сразу очнулась. Уж и облила она меня взглядом, точно раскаленным оловом! Ну, прощайте. Ежели будет биться и крочиться -- не тревожьтесь. Я загляну еще раз.

И, покашливая, выбежал.

Барышня лежала спокойно до прихода Селевина. Наверху, над караульным помещением была его канцелярия. Придя около 11 утра, он вызвал ее к себе в кабинет. В одиннадцать, сменяясь с дежурства, я передал ее новому караулу.

Уже у ротного помещения караульный унтер-офицер, виновато поглядывая на меня, проговорил, оскаблясь:

-- Эх, г[осподин] капитан, и барышня же... Когда переносили ее на нары, у меня даже руки задрожали, до чего хороша...

-- Да что ты?

-- Ей бо-о... Да не вжели она коммунистка? От, беда -- хоть не ходи до проклятых бабьев.

И с притворной злобой отплюнулся.

30 июня.

У кн[язя] Ливена совсем небольшой отряд (1200--1500 человек). Орудий -- 2 (легкие, 3 д[ж]м[овые]), пулеметов до 12 (Максима, Кольта и Гочкиса). Офицеры его щеголяют по улицам в фуражках с синим околышем -- эту форму они придумали для себя недавно. Все они смотрят на нас с легкой неприязнью, совершенно, впрочем, непонятной.

Кажется, они готовятся к отъезду на фронт ген[ерала] Юденича. Оттуда благоприятные вести: войска Юденича крепнут, в редких стычках с красными бьют их; морально -- сильны, и есть много веских оснований верить, что боевые действия (наступление, к которому он готовится) будут выиграны у большевиков.

В Митаве летают слухи, что, вероятно, мы последуем примеру ливенцев -- что-то не верится.

Бермонт болен. Я зашел к нему за некоторыми справками. Рассказал про девицу Дитман.

-- А я ее знаю... Хорошенькая, черт ее возьми, Линицкий!

-- Чего изволите?

-- Ты знаешь эту... синеглазую девочку Дитман?

-- Какую? Ах... так точно...

Оба они чему-то рассмеялись. Я сообщил, что в городе есть слухи о нашем отъезде к ген[ералу] Юденичу. Вместо ответа Бермонт ткнул пальцем в карту, висевшую над его постелью.

-- Туда? -- указал он на Петроград, -- нет-с, я пойду с моими солдатами на Москву. Мне нужно главное гнездо коммунистов -- Белокаменная. А Петроград что? Его взять нетрудно, в два счета... Правда, Линицкий?

Адъютант переступил с ноги на ногу и, покручивая ус, ответил:

-- Так точно, г[осподин] полковник. Где легко бороться, там немного заслуги.

Я вышел от них с чувством мутным и тягостным.

Вечером сегодня в город прибыла немецкая рота; она прошла куда-то на окраину для расположения в казармах. Справлялся в штабе -- говорят, что эта рота "Железной дивизии" майора Бишова. Дивизия эта вела здесь борьбу с большевиками с самого начала возникновения в Прибалтике белого движения (отряды -- кн[язя] Ливена, полковника Родзянко и др.).

3 июля.

Ночью слышался грохот по улицам и чьи-то крики. Утром выяснилось, что в Митаву привезли артиллерию и два броневика. Мимо нашей квартиры прошумел огромный грузовой автомобиль -- даже окна звенели от содроганий мостовой.

Это привезли обмундирование для пластунского батальона (№ 1). Кстати, с завтрашнего дня он переименовывается в 1-й пластунский полк. Решено настойчиво пополнять его ряды, чтобы создать настоящий полк, а не "списочный".

Наряду с этим дневником, пишу подробную "Историю" возникновения нашего отряда (с Киева, почему отряд носит наименование "имени гр[афа] Келлера" 191 -- посвящен его памяти) и постепенного его развития до настоящего дня. К "Истории" подшиваю все фотографии, пояснительные записки, телеграммы, письма, которые хоть чем-нибудь способствуют зарождению идеи создания отряда в Митаве. Уже догоняю "события". Сказал об этом Бермонту. Он заинтересовался, известна ли мне его деятельность в Киеве. Не дождавшись ответа, рассказал о себе -- более подробно, впрочем, чем я знал.

Работал он в союзе "Наша Родина" вместе с герцогом Лейхтенбергским, адвокатом Акацатовым, полковником Чесноковым, полковником Потоцким и др. Средства герцог выискивал большие, и они приступили к вербовке Южной армии. Местом ее концентрации выбрали Богучарский уезд (Воронежской губернии), отбитой атаманом Красновым у большевиков. Вербую добровольцев в Киеве, они слали их туда партиями (организовав таким образом два полка).

Сам Бермонт занимал должность начальника контрразведки Южной армии; Потоцкий был в отделе вербовочном; полковник Чесноков работал разное, больше по хозяйственной части.

Ранее этого (до Киева) Бермонт, оказывается, жил в Житомире (это мне было неизвестно), где он часто встречался с офицерами немецкого Генерального штаба, вздумал организовать офицерский отряд.

Так как ему хотелось организацию (при общей зыбкости русских событий) сделать крепкой, со средствами и морально поддержанной большими авторитетами, он написал на имя императора Вильгельма 192 прошение, в котором подробно изложил свою покорную просьбу (о средствах) и план организации. Прошение было послано в Берлин, но ответа на него Бермонт так и не получил. Во всяком случае -- меня заметили, где надо (сказал Бермонт).

Деятельность вербовочного бюро закончилась крахом. Стремительно надвигался Петлюра на Киев с своей буйной ватагой, средства истощались, среди союза "Наша Родина" возник раскол, и он распался по всем швам. Краснов в это время принял чересчур близкое участие в судьбе двух полков, и они порвали с союзом. А когда Киев был взят Петлюрой, все за тем рассыпалось как песок. Вышло даже так, что многие (не бесследно, однако) исчезли с приличными суммами в карманах.

Бермонт намеками почти никогда не говорит, а фамилий этих гг. деятелей не называл. Судя по характеристикам, которые он давал своим сотрудникам, к числу последних принадлежит юркий полковник Чесноков...

При Петлюре Бермонт был дважды арестован, на третий его усадили в Музей¹⁹³. Спустя несколько дней, его приговорили к расстрелу. Однако за два часа до казни его вывезли оттуда, и в эту же ночь с группой офицеров и генералов он катил к германской границе. На станции Клинца на поезд напала разъяренная толпа мужиков. Эшелон растерялся, но Бермонт (по его рассказу) сохранил присутствие духа, забрав в свои руки водительство эшелоном; это подействовало на молодежь подкупающе; с этой ночи за Бермонтом установилась репутация необычайно дерзкого (он в открытую бранил генералов) и твердого офицера. Эшелон не пострадал и благополучно ушел из-под занесенных дубин и щелкающих винтовок.

Живя в Германии (лагерь Зальцведель), Бермонт часто ездил в Берлин, где по счастливой случайности встретил офицера Генерального штаба (немецкого), кап[итана] R-e, который и посодействовал ему в получении разрешительной грамоты на организацию отряда в лагере (с тем чтобы потом с ним отправиться в Прибалтику). Собирая охотников в Зальцведеле, Бермонт не упускал из виду и центра: в Берлине в один из своих приездов он познакомился с представителем ген[ерала] Деникина -- кап[итаном] Непорожным. Последний обещал ему сотрудничество.

К началу мая этого года упорно собранный Бермонтом отряд скрепился, разработан был план будущего разворачивания в "настоящий" отряд, а 14 мая из Зальцведеля в Митаву выехал первый эшелон.

Митаву избрали потому, что она лежит на кровобьющей артерии, уходящей в Германию, откуда должно было происходить главное питание, и вполне удобна для временной спокойной организации. Впрочем, соображений было много. Таково начало. Мальтийский крест на белом поле -- это знак "крестоносный", так как весь свой путь прошлый (киевский) сочли крестным, и весь будущий (здесь, в краях, где когда-то жили рыцари) предполагают пройти под белым ограждающим крестом терпения и неутомимой борьбы.

Так было мне нарисовано Бермонтом; если те внутренние теплые тона, которые проникали его рассказ, лягут в основу его задач (я отбрасываю все другие элементы -- саморисовка, легкомысленный задор и т. п.), дело может принять серьезные, ценные формы; и результаты не замедлят сказаться.

4 июля.

Осведомительный политический отдел в том виде, как он существует теперь, учреждение довольно нелепое. Сегодня зашел нарочно и потребовал некоторых справок -- видимо, обо мне знали: дали без затруднений. Тут же работает и культурно-просветительная секция. Мне любезно предоставили для ознакомления отпечатанные воззвания к красноармейцам, которые секция намеревается в ближайшее время сбрасывать с аэроплана в черте расположения красных войск.

Составлены пошло, крикливо, без необходимой серьезности и обоснований. Я обратил на это внимание сидящего там поручика Гуаданини.

-- Да, да... но ведь это ничего, -- сказал он, -- они все поймут.

-- Поймут-то поймут, но поверят ли?

Гуаданини пожал плечами -- не моя, мол, вина. ...Зашел на минутку к Реммеру, начальнику осведомительного политического отдела. Поделился с ним впечатлениями относительно только что виденных воззваний. Он возражал весьма осторожно, видимо, нащупывая мои мысли; при этом хитро поблескивал узкими глазками из-за пенсне. Говоря, кривит ежидно рот и насмешливо постукивает пальцами по столу. Приглядишься -- и видишь, что это гнутая ящерица. По-моему, он занимает пост не по себе. Однако я уверен, что при всех перемещениях служебных лиц он пойдет вверх, а не вниз.

...Завтра я назначаюсь дежурным по гарнизону -- придется объезжать весь город, проверяя посты: они раскиданы положительно по всем углам и закоулкам.

6 июля.

По городу трубят о счастливой звезде Бермонта: сегодняшней ночью на него совершено покушение -- к счастью, неудачное. И надо же этому случиться -- в мое дежурство!

Вышло это так: около 12 ночи я, подходя к помещению гауптвахты, заметил, как в окне при желтом свете лампы метались испуганные лица солдат, о чем-то горячо переговаривающихся. Услышав мои шаги, они выстроились для

встречи, и в ту же минуту начальник караула, подойдя ко мне с ночным рапортом, тревожно стал докладывать: "...Во время дежурства, в половине 12-го случилось просшествие: из сквера, расположенного напротив квартиры командующего отрядом, брошена в окно его спальни бомба. Упав на мягкую землю у самого подоконника, она не разорвалась. Часовой Земенко схватил ее и бросил в канал, после чего сигнальными свистками вызвал караул".

Уже в форме рассказа караульный офицер поведал о том, что еще с вечера якобы кто-то из солдат заметил маленького сухопарого господина в худом пальто, шагавшего по скверу. Он подозрительно косил глаза на окна Бермонта и притворно откашливался, когда мимо него кто-нибудь проходил. Будто видели, как он шептался с таким же человеком за церковью (в сквере же); в сумерки он куда-то исчез.

-- Когда мы прибежали, -- сказал офицер, -- мы уже никого не нашли.

Около пяти утра я зашел к Бермонту. В легком шелковом халате он уже сидел в кресле и чистил ногти.

-- Приветствую, капитан, -- крикнул он беззаботно.

Я рассказал ему о ночном происшествии. Ни малейшего впечатления. Выслушав до конца, он скривил губы и прошелся по комнате. Потом быстро распахнул окно на улицу, выглянул туда; часовой брякнул ружьем.

-- Здравствуй, молодец!

-- Здравия желаю, г[осподин] полковник!

-- Ну что, говоришь, убить хотели вашего командира?

-- Так точно, да Бог миловал.

-- Со мной всегда Бог. А как ты думаешь, молодец, убьют меня в конце концов?

-- Никак нет, -- гаркнул солдат.

-- Э, душа моя, убьют -- другой найдется Бермонт. Так или иначе, а в Москве мы будем. Правда, дружище?

-- Так точно.

Это становилось уже театральным. Из глубины комнаты вышел заспанный Линицкий. Еще в дверях он изобразил на лице испуг, сменив его вдруг радостью.

-- Ах, сволочи...

Бермонт задорно оскалил зубы и выругался.

-- Что, Линицкий, шевельнулась, брат, душа? Плохо они знают Бермонта: на него нужны двенадцатидюймовые пушки.

Он щелкнул пальцами (мастер!) и, выглянув в сонную улицу, громко свистнул, потом сказал часовому:

-- Подойди ближе, голубчик, дай твою руку -- вот тебе моя. Передай всем твоим товарищам, что ни один из вас со мной даром не погибнет. Слышишь? Ни один! А убить меня нашим врагам не удастся. Видимо, солдат растерялся: слышно было глухое бормотанье.

...Поверить в искренность покушения какого-то чудака я не могу. Что-то темновато.

9 июля.

Штабы и разные управления нарастают с непостижимой быстротой: появился штаб железнодорожной роты, управление инженерно-строительной роты, рабочей роты и т. п. С каждым днем через вербовочное бюро в Берлине (кап[итан] Непорожный) к нам прибывают офицеры и солдаты разных родов оружия -- саперы, железнодорожники, артиллеристы, авиаторы, пехота.

Один из наших полковников (Вольский) послан в Шавли для открытия вспомогательных вербовочных бюро. В настоящее время число их доходит до одиннадцати. Средства на это отпущены огромные. Кстати, жалование мы получаем -- т[ак] наз[ываемые] Ostgeld; солдаты до 10 мар[ок], офицеры от 10 [до] 50 мар[ок] в день. Кухня у нас немецкая -- невкусно, но сытно. Каждый день к казармам подкатывают грузовики, отмеривают "порции" для роты или батальона и катят дальше.

Солдаты довольны. Офицеры все жалование спускают по ресторанам и кафе, отчего вид у многих остается по-прежнему притертым. Немецкие мундиры надо непременно перешивать -- без этого они мешковаты. Бермонт возмущается тем, что офицеры много пьют: вчера за это долго распекал на улице одного из них.

...Ливенский отряд, действительно, готовится к отъезду на фронт Юденича.

Полковник Вырголич, кажется, отделяется от нас (у него небольшая

группа). Впрочем, он с самого начала держит себя как-то самостоятельно. Бермонт на него поглядывает косо:

-- Без меня у него ничего не получится.

Эта самоуверенность -- главная черта его; мне кажется, что она иногда принимает форму непонимания и, тем не менее, все привыкли слушать Бермонта (за исключением мягкого полковника Потоцкого, который тоже "слушает", как безукоризненного, делового начальника с бравой, решительной душой). Бермонт на этом выедет.

12 июля.

Митава накаляется, буйно закипает настоящей жизнью веселого гарнизона. По вечерам ее улочки густо забиваются говорливыми толпами солдат, офицеров, девиц.

В парке до утра гремит музыка, оркестр, очень часто замелькали косынки сестер милосердия.

Я заметил, что не только лазареты (они тоже возникают и развиваются) заполняются неисчислимым количеством женщин, но и все штабы и канцелярии. Куда ни зайдешь -- всюду слышишь их звонкий смех, выстукивание на машинке, шуршание платьев.

Канцелярщина медленно, губительно затопляет военную организацию; присутствие женщин перегружает наш корабль. Я обратил на это внимание Бермонта.

-- Дорогой, не могу отказать хорошенькой женщине, когда она просится на службу, -- таков его ответ.

Если на этих рельсах покатымся дальше -- верный проигрыш. ...Вечером произошел скандал в кафе "Elite". Пьяные офицеры, раздвинув столы в огромном зале, сбились в кучу и громогласно запели: "Боже, царя храни..."

Какой-то подвыпивший штатский запротестовал; среди офицерства крикнули: "Большевик, агент..."

Началась свалка. Штатского куда-то убрали. В эту минуту в кафе вошел с адъютантом полковник Потоцкий. Резким, категорическим тоном приказал не бесчинствовать, на что офицеры ответили покорностью.

Сегодняшний приказ по бригаде гласил: "...Озорство это губительно; то дело, для которого мы сюда пришли -- рухнет с позором, если все наши привычки и капризы мы будем выносить на улицы и в рестораны. Сдержанность, самообуздание -- вот главное условие нашей работы; внимательное отношение к обывателю повлечет за собой доверие с его стороны к нашим целям и задачам, а устранение всяких общественных безобразий, вроде сегодняшнего, есть залог нашего морального успеха. Впредь все воинские чины вверенной мне бригады, замеченные мною в нетрезвом состоянии, будут мною передаваться военному суду". (Приказ No 143, 12 июля.) Подействует ли это -- увидим.

17 июля.

Контрразведка работает успешно. По рассказу Линицкого (я не был за эти дни у барона Фрайтага), ею изловлен один из организаторов Мюнхенского восстания 194, русский коммунист Славутинский. Потом еще какой-то красноармеец Рождественский (из Вологды). Оба они в тюрьме -- ждут суда.

-- Безусловно, эта сволочь будет расстреляна, -- утвердительно сказал Линицкий. Я спросил:

-- А обвинения не ошибочны?

Линицкий зловеще усмехнулся:

-- Мы с Селевиным сделаем так, что не будут ошибочны. Что ему возразить?

Бермонт переехал на другую квартиру -- это большой, просторный дом на Почтовой улице. У дверей, как и на Константиновской улице, торжественно побрякивают ружьями часовые, а... напротив, через улицу, под угрюмыми колоннами большого дома бродит юркий господин в штатском, пугливо-зорко вглядываясь в окна квартиры Бермонта. Это -- человек из охраны.

Кстати, приехавший с нами чиновник Корчинский тоже поступил в охранку (полностью она называется -- Личная охрана командующего). Корчинский живет в моей комнате; целыми днями почти не бывает дома. Возвращается поздно и почти всегда угрюмо-сосредоточен, занят какими-то мыслями. Небритый вид делает его похожим на городского хулигана.

22 июля.

Позавчерашним приказом (No 151, 20 июля) бригада переименована в дивизию, а сегодня Линицкий сообщил, что дивизия скоро переименуется в

корпус. Что-то быстро; соответствует ли состав войск наименованию... дивизия, корпус, а там -- как знать? -- и армия... Проверю статистические данные.

Штабс-капитан Марков утверждает, что общая численность войск равняется 12 000 человек (разумеется, с немецкими ротами "Железной дивизии", которая разместилась в ближайших к Митаве мызах и деревнях). Если так, то переименоваться в корпус можно при теперешних условиях. В конце концов, "именование" играет ли роль?

23 июля.

Газета "Призыв" (издается в Берлине полковником Винбергом) до сих пор печатает ряд острых статей по поводу покушения на Бермонта. Она -- резко реакционная, проповедует "жидоизбиение" и целый ряд кровавых мер против коммунистов и большевиков.

О Бермонте заговорили; немецкие газеты отмечают его удивительную организаторскую способность и психологическую власть над солдатами, которые "слепо верят ему, как честному, смелому вождю". Бермонт сияет.

В осведомительном политическом отделе с утра до вечера пишут сводки, подбирают вырезки из многочисленных газет, комбинируют сведения о Красной армии и политических тенденциях в ее рядах. Все это аккуратно приносится на квартиру Бермонта каждое утро. Читает он главным образом то, что касается его лично. Иногда я просматриваю весь этот сумбурный ворох бумаг: признаться, вся эта работа без толку.

Вырголич выехал с своей частью в Шавли -- решил, что с Бермонтом ему не сконкурировать. Однако связь с нами сохраняет путем переписки и обмена приказами. Работа у него закипает.

24 июля.

Приезжала к Бермонту (из Риги) комиссия от англичан для ознакомления с деятельностью "русского отряда". Бермонт прикинулся больным и принял ее у себя на дому, а не в штабе (не знаю, для чего это ему понадобилось).

В разговоре с английским капитаном Райт[ом] (говорит по-русски) Бермонт подчеркнул, что на фронт выйдет не раньше, чем имея 50-тысячную армию, хорошо обмундированную, сытую, снабженную оружием и всеми техническими средствами.

Капитан Райт указал, что все это они могли бы ему дать при условии, если Бермонт пообещает перевести свой гарнизон в Ревель, вообще в Эстонию.

Бермонт ответил уклончиво. Комиссия уехала ни с чем, получив, однако, впечатление, что работа в Митаве принимает громадные размеры.

Не знаю -- нарочно ли это было устроено, или это совпадение, но перед глазами комиссии, мимо окон Бермонта, прошли три блестящие пластунские роты с маленьким флагом, выказав "командующему" ослепительное внимание. Увидя его у окон, они отдали ему честь, гаркнув на его приветствие громоподобное: "Здравия желаем, г[осподин] полковник!"

По отъезде комиссии Бермонт сказал мне:

-- Видите... я их заставляю считаться со мной. О, они меня плохо знают!

25 июля.

В Митаву приехал полковник Чесноков. Бермонт расцеловал его среди улицы, где встретился с ним, и дружески похлопал его по плечу. Вечером сознался мне, что "собственно Чесноков не заслуживает хорошего назначения, но ради приятельского расположения дам уж..."

Службу в роте я оставил: приходится ежеминутно отрывать от строевых занятий для работы в штабе. Это затрудняет и полковника Кочана: полуротный у него есть (по списку), а на лицо -- я отсутствую.

26 июля.

Познакомился с Чесноковым. Плутоватые серые глаза и весь он какой-то гнущийся, осторожный, расчетливый. Говорит с легкой насмешечкой, но весьма мягко.

Бермонт назначил его начальником своей личной канцелярии (которую назвал "походной"), меня -- секретарем (и, следовательно, по-прежнему историком).

Чесноков любезно улыбнулся, пожал мне руку и скороговоркой сказал:

-- Вы, капитан, уже написали что-нибудь? -- И, не дожидаясь ответа, обратился к Бермонту:

-- Капитану и про Киев известно?

-- Да, я ему все рассказал.

Чесноков мигнул глазами и шепотом заговорил о чем-то с Бермонтом. Я отвернулся.

Из Берлина от полковника Винберга приехал гонец -- корнет Попов (литературный псевдоним). Настоящая его фамилия -- Шабельский-Брок195. Просил у Бермонта денег для газеты -- ему отпустили 6000 герм[анских] марок.

Я расспрашивал его про Берлин, про отношение германской общественности к нашей деятельности, о русских эмигрантах. Попов отвечал желчно -- видимо, настроен недружелюбно ко всему, что вне сферы его наблюдений. Весь он какой-то нервный, щеки его подрагивают, и глаза приметно мутнеют. Он часто срывается с места, поправляя кинжал на боку.

-- Пишите, капитан, что-нибудь в нашу газету, -- попросил он меня на прощанье.

27 июля.

Задумал пьесу196 из борьбы красных и белых, сегодня написал первую сцену. Эта вещь будет вне всякой агитации и вообще какой бы то ни было тенденции.

Название пьесы (кажется, неудачное) "К свету".

...Встретил мичмана Протопопова в маленьком кафе на Большой улице. Рассказывал частности об их скудной жизни в Зальцведеде, об интригах тех генералов, у которых не хватало душевных сил скрепить вокруг себя молодежь, которая поэтому явно и чистосердечно от них отшатнулась, обратясь к Бермонту. Из киевской эпопеи передал об одном из моих начальников (полковнике Чеснокове) любопытный факт -- будто бы он, очутившись каким-то образом (с поручением ездил, что ли) в заштатном городке Белополье (Харьковской губернии) продал там кому-то чужой сахарный завод по подложным документам, выручил от этой продажи крупную сумму.

-- Из союза "Наша Родина" он тоже взял кое-что, -- добавил мичман.

Если это так, то... нехорошо будет.

Слышу через открытое окно на улице настоящий гром музыки и барабана, прорывается густая немецкая песня. Должно быть, пришли добровольческие пополнения. К нам в отряд почти каждый день вступают добровольно на службу отлично снаряженные, крепко сложенные немецкие роты. Они вливаются в ряды "Железной дивизии" или существуют вполне автономно, подчиняясь только служебным приказам нашего штаба (не хозяйственным).

Так как они не умеют читать русского текста, то штаб им переводит приказы на немецкий язык. Завидя Бермонта, пролетающего на автомобиле по городу, они удивительно подтягиваются, крепко "геометрически" приветствуя его. Бермонт на днях сказал:

-- Ручаюсь головой, что с ними возьму Москву.

29 июля.

Видел Кочана: настроен уныло, заметно разочарован.

-- В чем дело? -- спрашиваю.

Махнул рукой.

-- Покучивают наши... разве вы не знаете, что скандалы один за другим разыгрываются?

Да, я это знаю. Спрашиваю:

-- Ну так, но где же лекарство?

-- У начальства. Лекарство простое -- гнать эту бродяжную шваль вон из частей или расстрелять одного-двух для примера.

Что говорить -- лекарство горькое, но, пожалуй, единственное.

1 августа.

Переименовались в "Западный добровольческий имени гр[афа] Келлера корпус" (приказ No 162, 31 июля). Звучит внушительно; кстати, и состав теперь как людей, так и наличного военно-технического материала соответствует наименованию -- корпус.

В моей "Истории" я привожу подробные статистические данные о количестве людей, аэропланов, машин, орудий и т. д. Общее же число людей -- 21 600 человек.

Целый день сегодня во всех учреждениях корпуса звучит: "Доложить командиру корпуса". "Разрешено командиру корпуса". "Затребовано командиром корпуса".

Видимо, эти слова произносятся с весьма ощутительным содержанием: раз командир корпуса, значит, есть таковой (корпус), есть сила, а следовательно, найдутся и возможности применить эту силу к чему-нибудь серьезному и -- как

знать? -- может быть (и даже непременно), полезному. Только не ошибаюсь ли я? Многие ли хотят "применять силы к чему-нибудь", да еще "полезному", кроме разве рьяного устройства своего узкого интереса, своего "угла"? Наблюдаю полковника Чеснокова: суетлив до самоизнеможения -- все заботится о своем именно "угле". И разве он один таков в корпусе?

3 августа.

Штабы окончательно забиты женщинами; сегодня и к нам в личную канцелярию командира корпуса пришла с запиской от Бермонта робкая, точно запуганная девица А. (латышка). Ее, конечно, приняли. Она хорошенькая, черноглазая, с крохотными ручками и вздернутым носиком. Я вспомнил: "Не могу отказать хорошенькой женщине..." Плохо кончится...

4 августа.

Линицкий торжественно объявил:

-- Вчера ночью Славутинского (коммуниста) расстреляли по приговору суда. К сожалению, Рождественского освободили... Все доброта командира корпуса. Пришла к нему невеста Рождественского, стала просить -- уступил. Выдал ей записку -- ну и отпустили...

Я знал, что Рождественского обвиняли в том, что при обыске у него нашли значок красной офицерской школы -- пятиконечную звезду. Он объяснил чистосердечно, что во время пребывания красных в Митаве ему подарил эту звезду красный офицер.

-- А вы думаете, что Рождественского надо было обязательно расстрелять? -- спросил я.

-- Обязательно.

-- Ну и судия же вы!

Линицкий неопределенно мигнул глазами и начал рассказывать о расстреле Славутинского. Рассказ вышел нарочито запутанным, затуманенным, но сквозь эту запутанность я живо представил себе, как Славутинского ночью нарочно пустили пробежать через мост и в полутьме у самых перил выстрелом в затылок (это по суду-то!) сбили его с ног, а потом штыками сбросили в Аа.

Славутинский на суде сознался, что в Митаву он приехал с определенной целью помешать "белогвардейским затейникам". Это признание его занесено в протокол -- для проверки я просматривал его.

...Предчувствую, что действия контрразведки, как щупальца, проникнут во все щели корпуса и митавской жизни; из лишней подозрительности мы сделаем ненужные промахи. Таковые уже были сделаны. Вчера, например, в парке я встретил девицу Дитман (арестованную когда-то Селевиным). Она -- на свободе, разгуливает с немецкими офицерами, русских сторонится: имеет все основания не доверять им. Меня заинтересовало -- каким образом она освобождена при наличии такого обвинения, если, разумеется, оно не без оснований. Селевин объяснил неохотно:

-- Освободили немцы... попросили... привели доказательства...

И нехорошо добавил:

-- Кажется, служит у них в контрразведке. Это -- не дурно.

Какая-то путаница событий медлительно растягивает сети над Митавой, мне почему-то думается, что все мы ощущаем вокруг себя качание и зыбь общественно-политической почвы, но нарочно закрываем на это глаза.

Примерами могут служить стычки разной окраски с обывателями и солдатами-латышами. Эти безобразия подрывают все живые корни нашей организации. Начальство не только не потрудились пригрозить виновникам репрессивными мерами, но в своих приказах даже не отметило этих явлений (один полковник Потоцкий не в счет).

7 августа.

1-й пластунский полк готов. Полковник Евреинов имеет сугубо независимый вид: у него даже появилась коляска. 2-й, 3-й и 4-й полки медленно, но тоже упорно пополняются. Части набухают как-то малозаметно, но значительно.

По городу каждый день громоподобно маршируют разные роты, распевая песни. Наиболее блестящий, весь какой-то острый, пугающий своей литой мощью, конечно, 1-й полк. Недаром Евреинов работает неутомимо, с рассвета до вечерней зари гоняя солдат на ученья. Ругается жестоко, буйно. Его почти все боятся. Результаты налицо. Одно нехорошо: Евреинов завел у себя в полку политическую разведку, это вносит неприятный запах в жизнь полка.

8 августа.

Сегодня ранним утром за городом нашли труп солдата 1-го полка.

Переполох огромный. Контрразведка взялась за розыски, пока безрезультатные.

Бермонт разъярен -- грозит перестрелять половину населения Митавы, если подобное явление повторится. Странно, что сам Евреинов к этому убийству совершенно равнодушен, ни малейшего огорчения или возмущения.

Артиллерия корпуса усилилась. Сегодня с границы прибыли две легкие батареи и одно тяжелое орудие.

Управление корпусной артиллерией поручено напористому, энергичному ген[ерал]-майору Арцшевскому, холостяку, балагуру. Вчерашним приказом он назначен, а сегодня в штабе уже поговаривают о передаче этой должности ген[ералу] Альтфатеру.

Вечером был в казино -- почти все комнаты заполнены немецкими офицерами воинских частей, находящихся в Митаве (и вокруг нее). Пьют вино, шумно разговаривают. В бильярдной гремят шары, раздается громкий, сухой смех.

К нам -- вежливы; с теми из нас, кто умеет говорить по-немецки, охотно делятся соображениями относительно выступления на фронт.

Необычайно заинтересованы действиями Колчака на Волге и Деникина на юге. Просят подробно осветить им военную обстановку борьбы добровольцев на этих участках.

Прислушиваюсь к отзывам наших солдат и офицеров о содружественной деятельности с немцами -- все говорят, что эта деятельность гарантирована от всякой шаткости или предательства.

Вглядываюсь в немцев -- верно: уж очень они серьезны, сосредоточены, правдивы.

11 августа.

Полковник Чесноков сообщил, что скоро перейдем в новое помещение, на Церковную, 5. Это угрюмое, темное здание в узенькой улочке, недалеко от моста. Настоящий дворец.

Чиновник Корчинский перешел в контрразведку. Вчера, вернувшись поздно ночью, полушепотом рассказал мне, что сделали первое серьезное дело... Какое дело -- умолчал. Надо будет навестить барона Фрайтага, расспросить.

Я вполне убежден, что Корчинский способен на преступление. Если он занимается темными делами (в контрразведке при желании можно избежать этого), я попрошу его уйти из моей комнаты или перемену сам квартиру.

Корчинский сообщил, что Селевин оставил должность судебного следователя и получил другое назначение -- начальника "личной охраны командира корпуса". То-то я замечаю его частые полутаинственные визиты к Бермонту.

Видимо, кипучее развитие деятельности корпуса не в шутку беспокоит англичан -- сегодня к нам приходили два гонца от ген[ерала] Марча. Зайдя в приемную, я увидел двух английских офицеров в элегантных френчах, широких галифе и в кожаных поясах с наплечными ремнями. Они терпеливо ждали Бермонта, пока он объезжал батальоны и лазареты (он часто это делает теперь, находя, что его глаз "подшибает шатию-братию на энергичную работу"). Вернувшись, он принял англичан торжественно и сухо в своем огромном кабинете. Они передали ему пакет от ген[ерала] Марча. Бермонт вызвал к себе начальника штаба корпуса полковника Чайковского и, ознакомившись с содержанием бумаги английского генерала, приказал написать ответ.

Ген[ерал] Марч приглашал Бермонта в Ригу на 27 авг[уста] на военно-политическое совещание представителей Литвы, Латвии, Эстонии и Польши и ген[ерала] Юденича "по многим вопросам, требующим неотложного разрешения", как стояло в письме (текст -- английский).

Полковник Чайковский составил ответ -- краткий: "Ген[ералу] Марчу. На ваше приглашение принять участие в военно-политическом совещании в Риге 27 августа с.г. настоящим извещаю, что таковое принимаю и в назначенный день с моим начальником штаба прибуду".

Подписав ответ, Бермонт передал его офицерам и деловито откланялся. Кажется, судя по выражению их лиц, внушительная обстановка штаба произвела на них впечатление.

14 августа.

За работой в штабе не успеваю заносить в дневник всего, что происходит в корпусе. "Историю" веду холодно, без всяких лирических отступлений -- это скучно.

...В корпусе произошло важное событие: предан военно-полевому суду за нарушение дисциплины первый солдат-доброволец.

Фамилия его Московенко. Случилось так: стоя на часах у дверей штаба,

Московенко зазевался и вовремя не отдал чести входящему в штаб Бермонту. Тот сделал ему замечание. Обычная форма его замечаний всегда такова: "Послушай, зевака, ты где -- на службе или у бабы в гостях?" Солдат теряется, потом отвечает: "На службе, г[осподин] полковник!" -- "Так гляди в оба: не люблю, когда солдат распускает губы и прячет глаза в карманы. Слышишь, пистолет?"

Суровое выражение лица Бермонта полуосвещается зыбкой усмешкой и, трепля солдата по щеке, он уже говорит успокоительно: "К девке пойдешь -- отдохнешь от службы, а здесь, брат, ухо держи на ветру. Понял?" -- "Так точно!" -- "Молодец!" -- "Рад слушаться, г[осподин] полковник!"

Бермонт вскидывает на солдата обордящий взгляд и уходит. А здесь было несколько иначе: Бермонт молча погрозил пальцем зазевавшемуся Московенко и поднялся по лестнице в штаб. Минутой позже он вышел опять на улицу. Солдат вытянулся и отдал честь. Еще через минуту Бермонт опять входил в штаб -- солдат, глядя на него, очевидно, забыл, что "начальнику надо отдавать честь до той поры, пока он не скажет "вольно"", и, конечно, "не вытянулся в струнку". Бермонт молча ушел наверх. В ту же секунду к Московенко подошел какой-то маленький человечек в штатском пальто и военной фуражке (какая грубая маскировка!) Подойдя, тихонько зашептал: "Это Бермонт?"

Московенко ответил ругательно: "А то кто же? Чего-то ходит и ходит мимо... честь ему сто раз отдавай... тоже..." -- "А надоело, товарищ?" -- "Да ну его к..."

Московенко внушительно выругал Бермонта и рассмеялся.

"А что, товарищ, я вот тоже хочу поступить на службу... да не знаю как... Начальство у вас плохое? Ну, скажем, Бермонт -- плохой начальник?"

Московенко не успел ответить -- Бермонт выходил на улицу. Московенко отвернулся, а человечек скользнул под колонну здания. Ну, а по смене с поста Московенко был арестован и в тот же день предан суду. Московенко долго, отчаянно рыдал.

Вчера вечером в сопровождении полуроты пластунов его вывели за город на поляну (по другую сторону Аа). Поставили у большого дуба, вырыли на его глазах яму и приготовились к расстрелу. Линицкий рассказывает, что это была "веселая картина".

Заходило солнце, и как будто нарочно было замечательно красное -- точно кровь разбрызгивало по всему полю. Московенко стоял и плакал. Пластуны угрюмо молчали, глядя в землю. Командующий офицер "почему-то" медлил.

В эту минуту мы с Павлом Михайловичем (Бермонтом) подскакали верхом, -- рассказал Линицкий, -- офицер скомандовал "Смирно", и пластуны замерли на месте. Сделалось тихо, как в гробу. Только слышно было хныканье Московенко.

"Ну что, братец, не хочется умирать?" -- спросил Павел Михайлович. А Московенко ревом так и залился. Павел Михайлович ко мне тихонько: "Как ты думаешь, Линицкий, расстрелять его или помиловать?" Я, конечно, посоветовал расстрелять; Павел Михайлович не послушал меня. Подозвал к себе Московенко, взял его за подбородок и сказал: "Я тебя прощу, моли Бога, что у меня такое сердце и я понимаю, что каждый хороший солдат нужен России. Ведь ты хороший солдат?" -- "Не могу знать!" -- ответил Московенко. Тогда Павел Михайлович продолжал: "Но смотри у меня, брат, служить так служить, нечего в дурачки играть -- так и товарищам скажи. Слышишь?"

-- Вы знаете, -- продолжал Линицкий, -- Московенко до того обрадовался, что голова затряслась и подогнулись колени. Так и отпустили его, раба Божия. Обрато с поля шли -- песни пели... А мы с Павлом Михайловичем, дяденька (он меня часто почему-то называл дяденькой), до самой ночи летали за Аа по степи. Эх, и лошадка же у него, черт ее дери...

Примечания

1Келлер Федор Артурович (?-1918) - генерал, граф. В феврале 1917 г. был в числе небольшой группы военных, изъявивших готовность участвовать в вооруженном подавлении волнений в Петрограде. В 1918 г. служил в армии гетмана Скоропадского. С согласия Деникина был назначен командующим Северной антибольшевистской армией, но выехать в ее расположение не успел. После

взятия Киева петлюровцами в конце 1918 г. был арестован и убит.

2Митава -- город в Латвии на р. Лиелупе. С середины XVI в. столица Курляндского герцогства. В 1917 г. город был переименован в Елгаву.

3 Советская власть на части территории Литвы была установлена в начале 1919 года. В феврале--августе 1919 г. эта часть входила в состав Литовско-Белорусской ССР (столицей был вначале Вильнюс, а затем Минск). В мае 1919 г. часть, а в начале августа вся территория Литвы оказалась под властью Литовского совета, созданного еще в ноябре 1918 г. и провозгласившего тогда же Литовскую Народную Республику. Литовский совет под председательством А. Сметоны возглавлял государство до мая 1920 г., когда в стране было введено демократическое управление. Конституция Литовской республики была принята 6 августа 1922 года.

4Двинск -- город в Латвии, основанный в XIII в. как крепость Ливонского ордена под названием Динабург. Позже носил название Борисоглебов. Назывался Двинском в 1893--1917 годах. С 1917 г. носит название Даугавпилс.

5Ковно - город, крепость в Литве на р. Нямунас (Неман). Известен с XI века. В 1917 г. переименован в Каунас. В 1920--1940 гг. являлся столицей Литовской республики.

6Речь идет о г. Шауляй в Литве. Шавли упоминается впервые в хрониках XV века. В составе России с конца XVIII века. Название Шауляй город носит с 1919 года.

7Следующий далее текст (до конца документа) дописан карандашом.

8Вырголич -- жандармский полковник. После Октябрьского переворота эмигрировал в Германию. Участвовал в формировании воинских частей из русских военнопленных. Командовал самостоятельным отрядом, базировавшимся в Курляндии. Занимал непримиримую позицию по отношению к самостоятельным Латвийскому и Литовскому государствам. В июле 1919 г. отряд Вырголича вошел в состав Западного добровольческого корпуса Бермонта-Авалова.

9Содержание Учредительного акта Военно-политического совета Западной России от 22 июля 1919 г. изложено в данном документе.

10Кноринг Людвиг Карлович -- барон, летом 1919 г. некоторое время был председателем русского Военно-политического совета для Западной России, образованного в Берлине.

11Берг Герман Вильгельмович, фон -- российский предприниматель, эмигрант. В 1919 г. проживал в Берлине. Был членом Военно-политического совета для Западной России.

12Дерюгин Георгий Михайлович -- член IV Государственной Думы, эмигрант. Проживал в Берлине. Осенью 1918 г. вошел в состав Совета обороны Северо-Западной области, ставившего задачей борьбу против большевистской власти. Активной деятельности совет не развернул. Позже Дерюгин был членом Военно-политического совета для Западной России.

13Дурново Петр Петрович -- сын правого государственного деятеля П.Н.Дурново. полковник Генерального штаба. В 1919 г. проживал в Берлине, был членом Военно-политического совета для Западной России. Некоторое время был генерал-квартирмейстером Западной добровольческой армии. В 1930-е годы участвовал в Народно-трудовом союзе. В 1939 г. по заданию НТС нелегально посетил СССР.

14Пилар фон Пильхау Адольф -- барон. Член финансовой комиссии, созданной русскими белоэмигрантами в 1919 г. в Берлине для переговоров с торгово-промышленными кругами Германии о предоставлении займа Западной добровольческой армии.

15Реммер Андрей Константинович -- посредник Бермонта-Авалова в переговорах с торгово-промышленными кругами Германии о финансировании его армии. Возглавлял финансовую комиссию в Берлине, действовавшую от имени Западной добровольческой армии с целью получения займа.

16Поппе Василий Максимович -- член финансовой комиссии в Берлине, созданной для переговоров о предоставлении займа Западной добровольческой армии.

17Союзная военная миссия прибыла в Прибалтику после подписания Компьенского перемирия с Германией в ноябре 1918 года. Миссию возглавлял британский генерал Гоф, резиденции которого находилась в Риге. Деятельность миссии продолжалась до 1920 года.

18Имеется в виду Версальский мирный договор с Германией, подписанный 28 июня 1919 г. в ходе Парижской мирной конференции. Договор предусматривал

возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии, передачу Польше ряда территорий на востоке Германии, создание демилитаризованной зоны на Рейне, запрещение Германии иметь военную авиацию, подводный флот, танки и отравляющие вещества. Сухопутная германская армия была ограничена 100 тыс. человек. Германия обязалась выплатить репарации. В договор вошел статут международной организации -- Лиги Наций.

19 Имеется в виду генерал от инфантерии Н.Н. Юденич (1862--1933). В 1915 г. командовал Кавказской армией, в 1917 г. главнокомандующий войсками Кавказского фронта. В 1919 г. возглавил Северо-Западную армию, воевавшую против Советской России. В октябре--ноябре 1919 г. Юденич организовал поход на Петроград, завершившийся неудачей. В 1920 г. эмигрировал в Великобританию. позже жил во Франции. В общественно-политической деятельности не участвовал. См. Цветков В.Ж. Николай Николаевич Юденич. -- Вопросы истории, 2002, No 9.

20 Десино К.С. -- генерал-лейтенант, в 1919 г. состоял "для поручений" при командующем Северо-Западной армии генерале Юдениче. Был представителем Юденича при переговорах с Бермонтом-Аваловым в августе-сентябре 1919 года.

21 Ширинский-Шихматов Ю.А. - князь; после Октябрьского переворота эмигрировал. В 20--30-е годы один из идеологов "национал-максимализма". Отвергал возможную интервенцию против СССР. Проповедовал "новый социальный уклад" -- антикапиталистический и антикоммунистический одновременно, базирующийся на христианской морали. В 1933 г. по его инициативе был проведен съезд Объединения послереволюционных течений, воспринявший идеологию "национал-максимализма".

22 Курляндия -- официальное название до 1917 г. Курземе, исторической области в западной части Латвии. В XIII в. была захвачена немецкими рыцарями и стала частью Ливонии. С 1561 г. -- Курляндское герцогство, в 1795 г. была присоединена к России и стала Курляндской губернией.

23 Монкевиц -- генерал-лейтенант, с марта 1919 г. начальник Русской военной миссии (официально именовалась Миссией Красного Креста) в Германии. Был представителем Деникина при германских властях. В декабре 1919 г. был заменен полковником А. Брандтом.

24 Фон дер Гольц Рюдигер (1865--1930) -- граф, германский генерал-майор. В 1918--1919 гг. командовал 6-м резервным корпусом, в состав которого в качестве основного формирования входила "Железная дивизия". Корпус был размещен в Прибалтике. В отличие от других германских воинских формирований, находившихся на территории России в качестве оккупационных войск, соединение фон дер Гольца было отведено в Германию не непосредственно после Ноябрьской революции 1918 г., а лишь после подписания Версальского мирного договора, в июне 1919 г., по требованию правительств стран Антанты. Штаб фон дер Гольца находился в Либаве. Формально его войска были включены в армию Бермонта-Авалова. Вывод немецких войск из Прибалтики был завершён в ноябре 1919 года.

25 Озол (Озолс) Янис (1885--1919) -- латвийский революционный деятель. Социал-демократ с 1904 года. Участвовал в революции 1905--1907 гг. в России. В 1919 г. от имени Советской России вел в Риге переговоры с правительством Латвии. Был захвачен белыми и расстрелян.

26 Недра Андриус (Андрей Константинович) -- латвийский пастор и политический деятель, консерватор. Участвовал в свержении правительства Ульманиса Балтийским ландсвером в апреле 1919 г., после чего был объявлен главой правительства, включавшего представителей балтийских немцев. Правительство Недры фактически было марионеткой германских вооруженных сил. В мае 1919 г. после взятия Риги войсками фон дер Гольца правительство Недры переехало из Либавы (Лиепай), где оно было образовано, в столицу Латвии. Однако вскоре под давлением Антанты было восстановлено правительство Ульманиса. Этим политическая деятельность Недры завершилась.

27 Бискупский Василий Викторович -- генерал-лейтенант, служил в армии гетмана Скоропадского. В эмиграции жил в Югославии, затем в Берлине. Поддерживал Бермонта-Авалова. В начале 20-х годов был активным сторонником великого князя Кирилла Владимировича в качестве кандидата на российский престол. В дальнейшем находился в Баварии, поддерживая контакт с баварскими монархистами. В 1923 г. после провала "пивного путча" укрывал в своей квартире нацистов (возможно, и Гитлера). В 1936--1945 гг. возглавлял в нацистской Германии Управление делами русской эмиграции. Был связан с

участниками заговора против Гитлера в 1944 году. Исчез в конце второй мировой войны.

28Гурко Василий Иосифович (1864--1937) -- генерал от кавалерии, сын генерал-фельдмаршала И.В. Гурко. В.И. Гурко командовал во время первой мировой войны Особой армией, в которую входили гвардейские части. В октябре 1916 -- феврале 1917 г. и.о. начальника штаба Верховного главнокомандующего. В марте--мае 1917 г. -- командующий Западным фронтом. В сентябре 1917 г. выехал за границу. Намечался на пост командующего Северо-Западной антибольшевистской армией, но отказался занять этот пост, считая, что выступление преждевременно.

29Имея в виду характер документа, он не подвергался исправлениям и все его грамматические и стилистические особенности сохранены.

30Гауптман (нем.) -- капитан.

31Так в тексте.

32Железная дивизия -- составная часть войск фон дер Гольца в Прибалтике, которая формально была включена в состав армии Бермонта-Авалова с целью оттянуть ее вывод на территорию Германии.

33В оригинале: "подобные положения".

34Русское военно-политическое совещание в Берлине было учреждено после визита генерала Бискупского в Митаву в конце июля 1919 г. и его переговоров с Бермонтом-Аваловым. В состав совещания вошли русские эмигранты (Бискупский, Дурново, бывший сенатор Бельгард, бывший член Государственной Думы Дерюгин и др.). Основная задача состояла в заключении займа для нужд Западной добровольческой армии. Обсуждался вопрос о замене Бермонта-Авалова Бискупским. Сколько-нибудь значительных денежных средств Военно-политическому совещанию получить не удалось.

35Имеется в виду Русское военно-политическое совещание.

36Марч (правильно Марш) Ф.Д. -- британский бригадный генерал, член Союзной военной миссии в Прибалтике в 1919--1920 гг., начальник штаба генерала Гофа.

37Чайковский -- полковник, во время первой мировой войны командир 11-го Римского Дроздовского полка. Участвовал в формировании Северо-Западной белой армии, где ему было присвоено звание генерала. Позже был начальником штаба Западной добровольческой армии Бермонта-Авалова.

38Гоф Губерт -- британский генерал, глава Союзной военной миссии в странах Прибалтики в 1919--1920 годах.

39Ингерманландия -- одно из названий Ижорской земли, территории, населенной малочисленным народом ижора (ижорцы). Находится в пределах современной Ленинградской области. С 1478 г. в составе Русского государства. В 1581--1590 и 1609--1702 гг. Ингерманландия была оккупирована Швецией, вновь присоединена к России во время русско-шведской войны в начале XVIII века.

40Брандт А. -- полковник русской армии, начальник русской военной миссии в Берлине с декабря 1919 г. (сменил генерала Монкевица).

41Речь идет о главе правительства Литвы А. Сметоне.

42Переговоры между Литвой и Россией о мире проводились на протяжении второй половины 1919 -- первой половины 1920 г. с перерывами. 12 июля 1920 г. был подписан Московский договор, согласно которому РСФСР признала независимость Литовской республики и обязалась вывести свои войска с ее территории. Эвакуация войск была завершена в конце августа 1920 года.

43Фок -- генерал, эмигрант. Деятель Русского Общественного союза в эмиграции. В 1936 г. отправился в Испанию, где принял участие в мятеже генерала Франко и в военных действиях на стороне мятежников. Был убит в бою.

44Богданов М.В. -- генерал, в эмиграции жил в Германии. Во время второй мировой войны присоединился к Русской освободительной армии генерала А.А. Власова. Был захвачен советскими властями и казнен.

45Так в тексте.

46Так в тексте.

47Спартакисты (спартаковцы) -- члены группы "Спартак" (1916--1918 гг.), а затем "Союза Спартака" (1918 г.), объединения левых социал-демократов Германии, находившегося под руководством Р. Люксембург и К. Либкнехта. "Союз Спартака" входил в Независимую социал-демократическую партию Германии в качестве автономной организации. Спартаковцы принимали активное участие в Ноябрьской революции 1918 г. в Германии. На конференции спартаковцев и

других левых радикалов в Берлине в конце 1918 -- начале 1919 г. была образована Коммунистическая партия Германии (Союз Спартака).

48 Речь идет о Независимой социал-демократической партии Германии, образованной в апреле 1917 г. на базе левого крыла Социал-демократической партии Германии. В октябре 1920 г. в партии произошел раскол. Часть ее в декабре того же года вошла в компартию, другая часть сохранила самостоятельное существование в качестве центристской политической организации. В 1922 г. она воссоединилась с Социал-демократической партией.

49 В документе путаница. Келлер был убит в Киеве в декабре 1918 года. Корпус (затем армия) носил его имя.

50 Д'Анунцио Габриеле (1863 -- 1938) -- итальянский писатель и политический деятель. Стоял на шовинистических и милитаристских позициях. Приветствовал военные акции итальянского фашизма. Наиболее значительные произведения -- сборник стихотворений "Алкион" (1904 г.) и сборник лирической прозы "Ноктюрн" (1921 г.).

51 Газета "Freiheit" ("Свобода") -- ежедневная газета, орган Независимой социал-демократической партии Германии. Выходила в Берлине в 1918--1922 годах.

52 Адресат неизвестен. Можно было бы предположить, что письмо было послано К.К. Палену, но содержание документа опровергает это предположение.

53 Пален Константин Константинович -- граф, сенатор. Ввлялся председателем Совета управления Западной России на территории, занятой частями Бермонта-Авалова в начале октября 1919 года.

54 Совет четырех -- полуофициальный руководящий орган Парижской мирной конференции 1919--1920 годах. В его состав входили премьер-министры Великобритании (Д. Ллойд-Джордж), Франции (Ж. Клемансо, являвшийся председателем конференции), Италии (В. Орландо) и президент США В. Вильсон.

55 Клемансо Жорж (1841--1929) -- лидер Радикальной партии, премьер-министр Франции в 1906--1909, 1917--1920 годах.

56 Ллойд Джордж Дэвид (1863--1945) -- лидер Либеральной партии, премьер-министр Великобритании в 1916--1922 годах.

57 Тяжелая и крупная промышленность (нем. Schwere- und Grosseindustrie).

58 Бельгард -- сенатор. Был губернатором Эстляндии, занимал пост главноуправляющего по делам печати. После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрант. Жил в Берлине. В 1919 г. участвовал в формировании русских антибольшевистских воинских частей из числа военнопленных в Германии.

59 Римский-Корсаков Александр Александрович -- сенатор. После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрант. Проживал в Берлине. Был членом Военного совета Западной добровольческой армии.

60 Восточный фронт (нем.).

61 Носке Густав (1868--1946) -- германский политический деятель, социал-демократ. Член Совета народных уполномоченных (правительства) во время Ноябрьской революции 1918 года. В феврале 1919 -- марте 1920 гг. военный министр. Один из главных организаторов подавления мятежных действий германских коммунистов в начале 1919 г., за что был прозван "кровавой собакой". Позже был президентом прусской провинции Ганновер.

62 Колонель -- полковник (англ. colonel).

63 Ульманис Карл (1877--1942) -- латвийский политический деятель. Лидер Крестьянского союза. В 1919--1919 гг. был главой временных правительственных учреждений Латвийской республики и в дальнейшем неоднократно возглавлял правительство. В 1934 г. произвел государственный переворот и установил личную власть. В 1936--1940 гг. премьер-министр и президент Латвии. Был арестован после оккупации Латвии советскими войсками в 1940 году. Умер в заключении.

64 Ориент-банк -- германский банк для торговли со странами Востока. К числу ведущих банковских учреждений Германской империи и Веймарской республики не относился.

65 Унгерн фон Штернберг Роман Федорович (1886--1921) -- генерал-лейтенант, барон. В 1917--1919 гг. в Забайкалье вел борьбу против советской власти совместно с казачьим атаманом Г.М. Семеновым. В 1921 г. Унгерн фактически господствовал на территории Монголии. В том же году его войска начали военные действия против красных в Забайкалье, были разгромлены, а сам он взят в плен и расстрелян.

66 Речь идет о требовании, предъявленном Верховным советом Антанты

правительству Германии в конце июля 1919 г., о том, чтобы германские войска фон дер Гольца покинули Прибалтику к 23 августа. В противном случае Антанта угрожала применить экономические санкции. Германское правительство отдало соответствующий приказ, исполнение которого Гольц саботировал в течение нескольких месяцев, в частности путем включения подчиненной ему Железной дивизии в состав Западной русской армии Бермонта-Авалова.

67В своей книге "В борьбе с большевизмом" (Гамбург. 1925, с. 240) Бермонт-Авалов глухо пишет о некоем Мошеле, выдававшем себя за директора не существовавшего берлинского отделения банкирского дома Моргана. Мошель, связанный с левыми германскими социал-демократами, якобы организовал провокацию. Пообещав русскому военно-политическому совещанию в Берлине денежные средства, он выяснил положение в эмиграции и в Западной армии, подписал от имени банка Моргана договор с группой Бискупского, причем члены группы подписали договор в качестве министров Западного края России. Социалистическая печать использовала эту авантюру для компрометации эмиграции.

68Не путать названное лицо с генералом П.Н. Врангелем, командовавшим белой армией в Крыму в 1920 г.

69Слова "По всей вероятности, Попов" дописаны неизвестным лицом.

70Номер не поддается прочтению.

71Смысл слова "Поташик" не ясен.

72Видимо, автор документа -- то же лицо, что и док. 25 (предположительно, Попов).

73Имеется в виду агентство Associated Press -- крупнейшее информационное агентство США, основанное в 1848 г. в Нью-Йорке, кооперативное объединение газетных издателей.

74Ост-рубли -- деньги, выпущенные германскими властями в 1918 г. для занятых немецкими войсками российских территорий

75Так в тексте.

76Гаазе Гуго (1863--1919) -- германский политический деятель, социал-демократ. Стоял на центристских позициях. В 1911--1917 гг. один из председателей СДПГ. С 1917 г. один из руководителей Независимой социал-демократической партии. Во время Ноябрьской революции 1918 г. вместе с Ф. Эбертом был сопредседателем Совета народных уполномоченных (правительства).

77Русская миссия Красного Креста для помощи русским военнопленным в Германии была сформирована в 1918 г. в качестве подразделения Русской делегации в Берлине. Существование делегации официально не объявлялось и она действовала под вывеской Красного Креста. Миссию Красного Креста вначале возглавлял генерал Потоцкий, позже его сменили генерал Монкевиц и полковник Брандт. Миссия занималась главным образом вербовкой русских военнопленных в Германии для белых армий, в основном в лагере военнопленных в Зальцведене.

78Ключников Юрий Вениаминович (1886--1938) -- общественный деятель, приват-доцент Московского университета, специалист по международному праву. Кадет, министр иностранных дел в правительстве Колчака. В 1920 г. был избран в состав Парижского комитета, стремившегося к объединению эмигрантских сил. В 1921--1922 гг. перешел на позиции признания Советской власти ("сменовеховство"). В 1923 г. возвратился в Москву, заведовал отделом международной политики Коммунистической академии. Занимал ответственные посты в Наркомате иностранных дел СССР. Редактировал официальные издания дипломатических документов. Во время "большого террора" был арестован и расстрелян без суда.

79Другой вариант ответа, датированный 14 октября, см. ниже (док. No 43).

80Подпись в копии не обозначена.

81Видимо, письмо написано тем же лицом (предположительно, Поповым), что и док. 25 и 28.

82Так в тексте.

83Так в тексте.

84Датируется по копиям данного документа и упомянутого приказа Юденича.

85Речь идет о наступлении войск генерала Юденича на Петроград в октябре--ноябре 1919 г., закончившемся поражением.

86Северо-западное русское правительство было образовано 10 августа 1919 г. в Ревеле (Таллинне) при непосредственном участии британского генерала

Марша. Во главе правительства стоял нефтепромышленник С.Г. Лианозов, военным министром и главнокомандующим являлся генерал Н.Н. Юденич. Правительство Лианозова прекратило существование в декабре 1919 года.

87Имеется в виду ежедневная газета "Temps", фактически являвшаяся органом министерства иностранных дел Франции.

88Автор документа неизвестен.

89Автором письма, видимо, было то же лицо, что и док. 25, 28, 38 (предположительно, Попов).

90Вариант, датированный 10 октября, см. док. No 35.

91Альтфатер -- русский генерал, во время первой мировой войны командовал 1-й гвардейской артиллерийской бригадой. Был инспектором артиллерии Западной добровольческой армии.

92Так в тексте. Автор документа плохо владел русским языком и не был знаком с российскими обращениями к высокопоставленным лицам.

93Так в тексте.

94Так в тексте.

95Wertpaket (нем.) -- заказная посылка с объявленной ценностью.

96Прибыл домой (нем.).

97Возвращение домой (нем.).

98"Голос России" -- правая эмигрантская газета, выходившая в Берлине в 1918--1919 годах.

99 Имеется в виду форма Мальтийского креста.

100Имеется в виду Эстония.

101Legion etrangere (Иностранный легион) - наемное военное формирование Франции. Создан в 1831 г. Состоял в значительной части из авантюристов, преступных элементов и других маргиналов. Легионеры получали высокое жалованье, но подвергались жестоким наказаниям за малейшее нарушение суровой дисциплины.

102Речь идет о Галлере Юзефе (1873-1960), польском военачальнике. В 1916-1918 гг. Галлер был командиром бригады легионеров, участвовавших в первой мировой войне на стороне центральных держав. В 1918 г., перейдя на сторону Антанты, командовал польскими войсками во Франции. В 1920 г. был командующим польской добровольческой армией, участвовавшей в войне против России. С 1926 г. в отставке. В 1920-1943 гг. член эмигрантского правительства Польши.

103Фош Фердинанд (1851-1929) - французский военный деятель, маршал Франции (1918). Во время первой мировой войны командовал армией, группой армий. В 1917-1918 гг. начальник генерального штаба, с апреля 1918 г. верховный главнокомандующий союзными войсками.

104Автор имеет в виду латвийские стрелковые части, созданные во время первой мировой войны, в 1915 г. В 1916 г. они были развернуты в Латвийскую стрелковую дивизию. Латвийские стрелки активно участвовали в гражданской войне на стороне большевиков. Латвийская дивизия была распушена в конце 1920 г.

105Так в тексте.

106Земетан (правильно Замкткне) - латвийский полковник. В 1919 г. командовал латвийской 2 стрелковой дивизией. В сентябре 1919 г. между его частями и войсками Бермонта-Авалова произошли вооруженные столкновения.

107Так в тексте.

108Так в тексте.

109Так в тексте.

110Имеется в виду польский генерал Галлер. (см. примеч. 102).

111Имеются в виду прежде всего итоги Северной войны 1700-1721 гг., во время которой русские войска под командованием царя Петра I одержали ряд побед, обеспечивших выход России к Балтийскому морю. Реформы Петра I (царствовал в 1682-1725, император с 1721 г.) способствовали экономическому и политическому укреплению России и ее превращению в одну из ведущих держав мира. Выход к морю был закреплен основанием в 1703 г. города Санкт-Петербурга, куда была перенесена столица.

112Гершельман Александр Константинович - ротмистр. Участвовал в формировании Русской северо-западной армии в Эстонии. Был командирован в Киев осенью 1918 г. для переговоров с генералом Келлером. Позже был одним из старших офицеров в армии Бермонта-Авалова.

113Карлсбад - ныне город Карловы Вары в Чехии.

114В написании этой фамилии встречаются расхождения.

115Имеется в виду Восточно-Прусская операция русской армии - 4 (17) августа - 2 (15) сентября 1914 г. во время первой мировой войны. Целью операции был захват Восточной Пруссии. Вначале был достигнут некоторый успех, однако ошибки в руководстве операцией и бездействие командующего армией генерала П.К. Ренненкампа привели к поражению русских войск и их отходу из Восточной Пруссии.

116Краснов Петр Николаевич (1869-1947) - российский военный деятель, генерал-лейтенант. В октябре 1917 г. совместно с А.Ф. Керенским попытался организовать сопротивление большевистскому перевороту. В 1918 г. стал атаманом Войска Донского и командующим казачьей армией. В 1919 г. эмигрировал в Германию. Во время второй мировой войны сотрудничал с нацистами. Был захвачен советскими властями и повешен. Краснов - автор ряда историко-мемуарных трудов и художественных произведений.

117Пригород Риги Торенсберг, захваченный войсками Бермонта-Авалова, был односторонне объявлен им "открытым городом".

118Здесь и далее все многоточия в тексте.

119Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874-1965) - британский политический деятель, премьер-министр в 1940-1945 и 1951-1955 гг. До 1904 г. консерватор, затем либерал, с начала 20-х годов вновь консерватор. Один из лидеров Консервативной партии. Автор многочисленных историко-мемуарных трудов. Лауреат Нобелевской премии по литературе за шеститомник "Вторая мировая война" (первое издание - 1948).

120Бурцев Владимир Львович (1862-1942) - российский общественный деятель и публицист. Был членом "Народной Воли", затем эсером. Издатель журнала "Былое". Прославился разоблачением политических провокаторов (Е.Ф. Азефа, Р.В. Малиновского и др.). После Октябрьского переворота 1917 г. пытался издавать газету "Общее дело", затем эмигрировал. В эмиграции продолжал активную деятельность. Возобновил издание газеты "Общее дело". В 1921 г. был одним из основателей Национального комитета. Опубликовал несколько мемуарных книг.

121Фирма "Гуго Стиннес" - промышленная группа, основанная в Мюльгейме (Рур) Г. Стиннесом (1870-1924). Охватывала металлургию, электротехнику, машиностроение.

122Совет управления при командующем Западной добровольческой армией был утвержден приказом Бермонта-Авалова от 6 октября 1919 г. Совет был создан для гражданского управления на территории, занятой армией. Его председателем был граф К.К. Пален, в совет входили сенатор А.А. Римский-Корсаков, барон Р.Р. Энгельгарт и др.

123Марков Николай Евгеньевич (Марков 2-й) (1866- ?) - российский политический деятель, один из лидеров крайне правых организаций "Союз русского народа" и "Союз Михаила Архангела". Депутат 3 и 4 Государственных Дум. После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал. В 1921 г. возглавил Высший монархический совет, созданный в Германии.

124Дисконто-Гезельшафт - один из крупнейших германских банков. Основан в 1856 г. В 1929 г. объединился с Немецким банком.

125Так в тексте.

126Так в тексте.

127Дата не проставлена.

128Очевидно, здесь допущена ошибка при копировании текста. Имеется в виду, что "санкции Антанты сохранятся".

129Имеются в виду немецкие подразделения армии Бермонта-Авалова.

130Имеются в виду латвийские войска.

131Опущены пункты приказа по личному составу и по хозяйственной части.

132Фамилия неразборчива.

133Алексеев Михаил Васильевич (1857-1918) - российский военный деятель, генерал от инфантерии. Во время первой мировой войны начальник штаба Юго-Западного фронта, командующий Северо-Западным фронтом, с 1915 г. начальник штаба Ставки, в марте-мае 1917 г. Верховный главнокомандующий. После Октябрьского переворота возглавил антибольшевистскую Добровольческую армию.

134Подпись неразборчива.

135Abwehrkommande (нем.) - особые подразделения германской полиции, созданные в конце 1918 г. для борьбы с общественными беспорядками.

136Fremdenpolizei (нем.) - иностранный отдел германской полиции.

137Ниссель Анри - французский генерал. В 1917 г. глава военной миссии Франции в России. Руководил комиссией Антанты в Прибалтике, направленной осенью 1919 г. с целью ускорения эвакуации германских войск, а также армии Бермонта-Авалова из региона. Позже был дипломатическим представителем Франции в Польше.

138Подпись неразборчива.

139Троцкий (настоящая фамилия Бронштейн) Лев Давидович (1879-1940) - российский политический деятель, социал-демократ с конца 90-х годов XIX в. В 1905 г. был председателем Петербургского Совета рабочих депутатов. Находясь затем в эмиграции и не примыкая ни к большевикам, ни к меньшевикам, стремился к восстановлению единства Социал-демократической партии. С июля 1917 г. большевик. В октябре 1917 г. был председателем Петроградского Совета рабочих депутатов, непосредственно руководил Октябрьским переворотом. После прихода большевиков к власти был наркомом иностранных дел, а затем наркомом по военным и морским делам (до 1925 г.). С 1923 г. выступал против Сталина. В 1926-1927 гг. руководил объединенной оппозицией в ВКП(б). В ноябре 1927 г. исключен из партии, в январе 1928 г. сослан в Алма-Ату, в феврале 1929 г. выслан из СССР, в 1932 г. лишен советского гражданства. В эмиграции продолжал отстаивать свои взгляды, был идейным вдохновителем создания IV Интернационала в 1938 г. Написал ряд публицистических и мемуарных книг. Был убит в августе 1940 г. агентом НКВД Р. Меркадером по прямому заданию Сталина.

140Гопманн (правильно Хопманн) (1865-1942) - германский военный деятель, после первой мировой войны вице-адмирал, затем адмирал. В 1918 г. командовал немецким флотом на Черном море, в 1919 г. член германского военного представительства в Прибалтике.

141Верховный Союзный Совет Антанты (правильно Верховный Совет Антанты) - высший консультативный орган правительств Великобритании, Франции и Италии, функционировавший в 1918-1922 гг. В состав Совета входили главы правительства и министры иностранных дел. На заседаниях Совета решались основные проблемы, связанные с мирным урегулированием и решением европейских экономических и политических вопросов после первой мировой войны. Фактически основные вопросы решались путем договоренности между премьер-министрами Великобритании и Франции.

142Так в тексте.

143Балтийский ландвер -- добровольческое антибольшевистское военное формирование (типа ополчения), в состав которого в 1918--1919 гг. входили главным образом русские дворяне, проживавшие в Прибалтике, в основном немецкого происхождения. Командовал генерал-майор Юнович, затем барон Таубе. После вывода из Прибалтики германской армии и частей Бермонта-Авалова ландвер распался.

144Опущены пункты приказа по вопросам личного состава и административно-хозяйственным.

145Документ не датирован, составитель определен по содержанию.

146Этот и последующие документы не датированы.

147Пропуск пп. 3 и 4 в тексте.

148Народный совет Латвии первоначально был образован в ноябре 1917 г. на собрании делегатов от общественных организаций и групп в г. Валк (Валка). Представлял собой коалицию левых и центристских политических сил. Ставил целью создание независимой Латвии. В 1918 г. фактически прекратил существование и был воссоздан через год, в ноябре 1918 года.

149Лифляндия -- официальное название территорий Северной Латвии и Южной Эстонии в XVII -- начале XX века.

150Речь идет о соглашении от 29 декабря 1918 г., заключенном латвийским временным правительством К. Ульманиса с Августом Виннитом -- профсоюзным деятелем, незадолго перед этим назначенным германским послом в Латвии. Соглашение предусматривало предоставление латвийского гражданства всем иностранцам (имелись в виду в первую очередь немцы), которые на добровольной основе в течение не менее четырех недель участвовали в борьбе против большевистских войск. Соглашение вызвало политический кризис. Социалисты покинули временное правительство.

151Родзянко -- племянник председателя III и IV Государственных Дум М.В. Родзянко, полковник. В 1917 г. служил в 17-й кавалерийской дивизии. В 1918

г. находился в своем имении под Ригой. В 1919 г. служил в Северо-Западной армии генерала Юденича. Был произведен в звание генерал-лейтенанта. Совместно с Юденичем организовал наступление на Петроград, где потерпел поражение.

152Арсеньев -- генерал-майор. В начале 1918 г. организовал в Петрограде нелегальную группу офицеров, ставившую целью организацию антибольшевистского военного переворота.

153Так в тексте.

154После Октябрьского переворота 1917 г. быстро прогрессировала возникшая ранее инфляция. Она привела в конце концов к тому, что цена одного золотого рубля достигла 200 млрд бумажных рублей. Этому способствовало параллельное существование местных денег (свыше 2 тыс. различных наименований). Думские деньги были одним из видов местной валюты, имевшей хождение во время гражданской войны в Прибалтике и соседних регионах.

155Булак-Балахович Станислав Николаевич (1883--1940) во время первой мировой войны был капитаном кавалерии. В 1918 г. служил в Красной армии, был командиром полка. Перешел на сторону белых. В 1919 г. один из офицеров армии Юденича, затем находился в Эстонии и Польше. В 1920 г. отряд Булак-Балаховича вторгся в Белоруссию и был разбит красными. В 20--30-е годы жил в эмиграции в Польше. Убит в Варшаве неизвестным лицом.

156Лианозов Степан Георгиевич (1872--1951) -- нефтепромышленник, миллионер. В 1919 г. глава Северо-Западного правительства, созданного при Юдениче. С 1920 г. жил в Париже, где совместно с другими предпринимателями был основателем антисоветского Торгово-финансового и промышленного комитета (Торгпрома).

157Так в тексте.

158В феврале 1918 г. было образовано временное правительство Эстонской республики во главе с К. Паэтсом. 15 июня 1919 г. Национальное собрание приняло конституцию республики, в октябре был принят закон об аграрной реформе, лишивший помещиков земельной собственности и передавший землю в собственность крестьянам.

159Крузенштерн -- потомок известного русского исследователя и морского офицера И.Ф. Крузенштерна, полковник Генерального штаба русской армии. В 1918 г. находился в Ревеле (Таллинне).

160Давыдов -- генерал-майор. В 1918 г. эмигрировал. В 1919 г. вступил в армию Бермонта-Авалова, был генералом для поручений. Выехав с миссией к Деникину, не возвратился, а отправился в Берлин.

161Имеется в виду победа английских и прусских войск при Малплаке над французскими войсками 11 сентября 1709 г. в ходе Войны за испанское наследство (1701--1714 гг.). Это было самое кровопролитное сражение в ходе войны.

162Дибич Забалканский Иван Иванович (1785--1831) -- граф, генерал-фельдмаршал. В 1813--1814 гг. начальник штаба русско-прусских войск. С 1823 г. начальник Главного штаба. Главнокомандующий во время русско-турецкой войны 1729 г. и при подавлении Польского восстания 1830--1831 годов.

163Автор и адресат неизвестны.

164Так в тексте

165"Призыв*" -- газета на русском языке правого направления. Выходила в Берлине в 1919 г. Редактор полковник Винберг.

166Имеется в виду Sicherheitspolizei -- полиция безопасности.

167Кривошеин Александр Васильевич (1857--1921) -- главноуправляющий землеустройством и земледелием и министр земледелия в 1908--1915 гг., управляющий Дворянским и Крестьянским банками. В 1920 г. глава правительства Юга России (в Крыму), затем в эмиграции (Берлин).

168Немецкая национальная народная партия (Deutschnationale Volkspartei) -- одна из ведущих партий Германии. Образовалась в 1918 г. на базе нескольких ранее существовавших консервативных организаций. Стояла на правоконсервативных позициях. В 1933 г. вступила в коалицию с Национал-социалистической партией, но в том же году была распущена.

169Эта информация не соответствовала действительности. Бермонт-Авалов назначения Юденича не получал. Отношений с Юденичем он фактически не поддерживал.

170Так в тексте.

171Плетнев Дмитрий Дмитриевич (1872--1941) -- врач, терапевт, профессор Московского университета с 1911 года. До 1917 г. был членом партии кадетов и в первые годы после 1917 г. участвовал в политических выступлениях против большевистской власти. Затем отошел от политической деятельности. В 1932--1937 гг. директор Научно-исследовательского института функциональной диагностики и экспериментальной терапии. В 1937 г. арестован и на процессе по делу "право-троцкистского блока" в марте 1938 г. приговорен к 25 годам тюремного заключения. Скончался в тюрьме. Под организацией Плетнева в документе подразумевается, видимо, Союз возрождения России -- подпольная антибольшевистская организация, в которой участвовали либералы и социалисты.

172Петлюра Симон Васильевич (1879--1926) -- один из руководителей национально-освободительного движения на Украине. Организатор и лидер Украинской социал-демократической рабочей партии, один из организаторов Центральной Рады в 1917 г. и Директории в 1918 г., противостоявших большевистскому режиму. С февраля 1919 г. руководитель Директории. В 1920 г. эмигрировал. Участвовал в польско-советской войне 1920 г. на стороне Польши. С 1924 г. -- в Париже, занимался публицистической деятельностью. Убит эмигрантом Ш. Шварцбаумом из мести за еврейские погромы на Украине.

173Латгалия (Литгале) -- с начала XVII в. название юго-восточной части территории, населенной в X--XIII вв. латгалами. В 1772--1917 гг. входила в состав России (Двинская провинция, затем часть Витебской губернии).

174В январе 1919 г. Вильно (Вильнюс) был захвачен Красной армией, а через три месяца занят польскими войсками. В декабре 1919 г. под давлением Антанты передан Литве, но в октябре 1920 г. вновь занят поляками. Столица Литвы была перенесена в Каунас. Состоявшийся 8 января 1922 г. плебисцит в Вильно, проведенный под

контролем и давлением польских вооруженных сил, дал большинство голосов в пользу закрепления города за Польшей. Официальное состояние польско-литовской войны продолжалось до декабря 1927 года. После советско-германского договора в августе 1939 г. и оккупации Польши Вильнюс был возвращен Литве и вновь стал ее столицей.

175Так в тексте.

176Речь идет о денежных знаках, выпущенных Бермонтом-Аваловым под обеспечение имущества, принадлежавшего его армии. Выпущены были купюры в 1, 5 и 10 марок.

177Так в тексте. Приведены четыре способа.

178См. мои очерки "Бескрестные могилы" ([Берлин], изд. "Труд", [1922]). - *Примеч. автора.*

179Григорьев Николай Александрович (1894-1919) - штабс-капитан. В 1918-1919 гг. служил в Красной армии, командовал Украинской советской дивизией. В 1919 г. поднял мятеж, охвативший территорию Херсонской и Екатеринославской губерний. После разгрома бежал к махновцам, где был убит.

180Raison d'tre (франц.) -- основание, оправдание.

181Мальтийский крест -- символ Мальтийского ордена (1530--1798) -- духовно-рыцарского ордена, имевшего резиденцию на острове Мальта. Черный Мальтийский термаламный крест (четырёхконечный крест, каждый луч которого имел два острия) был избран в качестве нагрудного знака для участников отряда Бермонта-Авалова при его формировании из числа русских военнопленных в лагере Зальцведель -- как символ того, что отряду предстоит крестовый поход по освобождению России от большевиков.

182См. предыдущее примечание.

183Здесь и далее уточня в оригинале.

184Сокращение обращения в оригинале.

185Сокращение фамилии в оригинале.

186Ливен Анатский -- князь, ротмистр. В начале 1919 г. организовал в Курляндии антибольшевистский вооруженный отряд. Вербовал русских военнопленных в Германии. Попытался подчинить себе русские вооруженные силы в Латвии и Литве, но был оттеснен Бермонтом-Аваловым. Части Ливена были переброшены в район Нарвы в распоряжение генерала Юденича. Вскоре Ливен уехал во Францию и его части распались.

187Имеется в виду высадка французских войск в районе Одессы в декабре 1918 г. и их нерешительное поведение. Бермонт-Авалов писал в воспоминаниях: "Выступив, после долгих колебаний, с русскими добровольцами из Одессы, они в 40 верстах от города, под Колосовом потерпели поражение от большевистских

повстанческих банд и бежали" (Авалов П. В борьбе с большевизмом. Глюкштадт--Гамбург. 1925, с. 50). Вскоре после волнений во французском флоте и в сухопутных частях в апреле 1919 г. французские войска были выведены из России; объединившиеся с ними антибольшевистские русские формирования были отведены на территорию Румынии.

188Шварц Алексей Владимирович (1874--1953) -- генерал инженерных войск. Во время первой мировой войны был генерал-губернатором Одесской губернии. В 1917 г. переехал в Петроград. Участвовал в организации обороны Петрограда во время немецкого наступления в феврале 1918 года. Пытался воссоздать независимые от большевиков вооруженные силы, вел с этой целью переговоры с представительствами Великобритании и Франции в Петрограде. Позже эмигрировал. В течение многих лет был профессором Академии Генерального штаба Аргентины.

189Амэт (правильно Амэ) -- французский адмирал. Командовал французским флотом на Черном море в 1919 году.

190Впоследствии по приговору военного суда он был повешен. -- *Примеч. автора.*

191Граф Келлер, командовавший войсками Скоропадского в борьбе против Директории. Убит в дни взятия Киева украинцами. -- *Примеч. автора.* Директория -- правительство Украинской Народной Республики (ноябрь 1917 -- ноябрь 1920 г.). Его возглавляли В.К. Винниченко, а затем (с февраля 1919 г.) С.В. Петлюра. Директория прекратила существование после окончания польско-советской войны 1920 года.

192Вильгельм II Гогенцоллерн (1859--1941) -- германский император и король Пруссии в 1888--1918 годах. Был свергнут Ноябрьской революцией 1918 г., после чего жил в эмиграции.

193Речь идет о задержании в Киеве и заключении в помещении Педагогического музея группы русских офицеров, отказавшихся признать власть гетмана Скоропадского. Через несколько дней офицеры были освобождены.

194Имеется в виду Баварская Советская Республика, учрежденная в Мюнхене в апреле 1919 года. Коммунистическое правительство во главе с Э. Левинэ провело национализацию банков, сформировало Красную армию, установило террористический режим. Советская республика просуществовала три недели и в начале мая была разгромлена войсками центрального германского правительства.

195Шабельский-Брок -- убийца В.Д. Набокова. -- *Примеч. автора.* Правильно Шабельский-Борк П.Н. -- офицер-эмигрант, пытавшийся вместе с офицером С.В. Таборицким убить во время эмигрантского собрания 28 марта 1922 г. в Берлине лидера кадетов П.Н. Милюкова. Другой кадетский лидер, Набоков, оказал сопротивление и был застрелен. Покушавшиеся были приговорены к 12 годам тюрьмы, но в 1927 г. помилованы.

196К моему огорчению, при постановке ее в Митавском городском театре контрразведка произвела среди публики аресты. -- *Примеч. автора.*